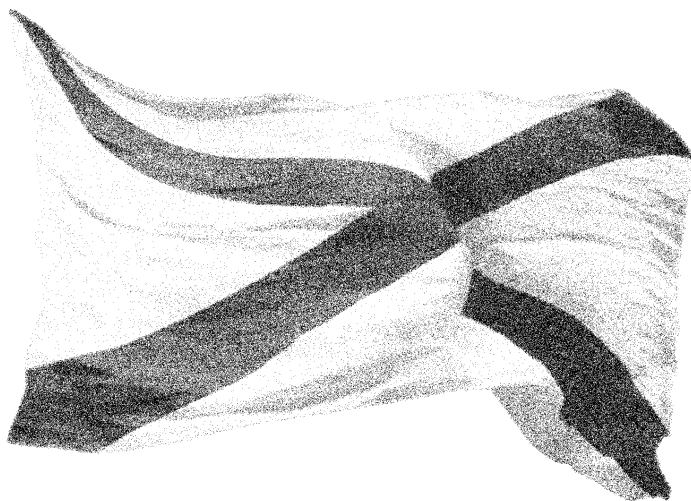

ДОМ
РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМ. АЛЕКСАНДРА
СОЛЖЕНИЦЫНА

*Владимир Викторович Лобыцын
(1938–2005)*

**«А НАД НЕБОМ
ВЬЕТСЯ СТЯГ
АНДРЕЕВСКИЙ...»**

**СБОРНИК ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА
ЛОБЫЦЫНА**

Москва
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына

2015

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-4
А 11

ISBN 978-5-98854-052-6

Составление, предисловие и примечания *Н.А. Кузнецов*

Художник *И.Ю. Домнина*

В оформлении обложки использована фотография И. Дзюбы из книги:
Севастополь: Море и корабли. Симферополь, 2012

Иллюстрации:

архив ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына»,
архив-библиотека Российского фонда культуры,
архив семьи Лобыцыных,
личные архивы В.В. Владимировой, А.В. Ганина,
Н.А. Кузнецова, Н.А. Черкашина

Предисловие

Предлагаемый читателю сборник посвящен памяти Владимира Викторовича Лобыцына (1938–2005) — офицера, историка, литературоведа; человека, внесшего огромный вклад в увековечение памяти о людях и событиях военной и военно-морской истории России и Русского Зарубежья в печатных трудах и мемориальных проектах, воскресивший многие незаслуженно забытые имена.

Сборник открывается текстом интервью самого Владимира Викторовича, опубликованным в 2003 году в парижской газете «Русская мысль», в котором он подробно рассказал о своей работе. В первом разделе помещены статьи и воспоминания друзей и коллег В.В. Лобыцына, большая часть из которых написана специально для этого издания.

Основную часть книги составляют работы самого В.В. Лобыцына, опубликованные им в разные годы на страницах периодических изданий. Отбирая их для публикации, составитель столкнулся с нелегким выбором — хотелось включить их в сборник практически все, настолько они интересны и хорошо написаны. В итоге из-за ограниченного объема сборника пришлось включить в него 18 статей. Две из них (рукописи которых хранятся в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына) публикуются впервые.

В статьях В.В. Лобыцына отражены его основные научные и творческие интересы — история отечественного флота, биографические изыскания, посвященные морским офицерам, история революционных событий 1917–1918 годов и Белого движения, история мореплавания и географических исследований, путевые заметки о местах, связанных с событиями военной истории России. К сожалению (повторюсь, из-за ограничения в объеме), «за бортом» этой книги остались литературоведческие изыскания В.В. Лобыцына.

Все статьи публикуются по их печатным вариантам, большая часть которых сверена с рукописями, хранящимися в фонде 58 («Коллекция В.В. Лобыцына») архивного собрания Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Хотелось бы отдельно поблагодарить родственников Владимира Викторовича — вдову Маргариту Михайловну

и сына Виктора Владимировича, — передавших в декабре 2006 года архив В.В. Лобыцына в Дом русского зарубежья (через К.Б. Стрельбицкого — председателя Московского клуба истории флота и А.Ю. Савинова — старшего научного сотрудника Центрального музея Вооруженных сил), благодаря чему собранные уникальные материалы стали доступны исследователям, а после завершения их архивной обработки с ними смогут ознакомиться все желающие.

Несмотря на то что многие из публикуемых статей вышли в свет 20 и более лет назад, они практически не нуждаются в каких-либо исправлениях и дополнениях. Некоторые уточняющие комментарии приводятся лишь в ряде случаев (в том числе и по материалам В.В. Лобыцына, выявленным им с течением времени).

Отдельным разделом публикуются письма В.В. Лобыцына, в основном адресованные в редакции различных газет. Они ярко рассказывают о той борьбе за правду в изложении событий и, казалось бы, мелких и «незначительных» деталей Русской Истории, которую всю жизнь вел Владимир Викторович. Здесь и полемика с В.С. Пикулем, и отстаивание чести и достоинства давно ушедших в мир иной офицеров Белой армии, и уточнение деталей атрибуции картины В.Д. Поленова. Эти письма свидетельствуют о том, что «ярость и страстность непостижимым образом сочетались в нем с поразительной тщательностью и педантичностью в работе» (так написал о Владимире Викторовиче В.В. Леонидов).

Завершает книгу библиография работ В.В. Лобыцына и публикаций о нем и его деятельности. В нее вошли как его труды, посвященные истории и литературе, так и технические работы, написанные в период военной службы и работы в Институте океанологии им. П.П. Ширшова. Их тематика еще раз подчеркивает многогранность и яркость личности Владимира Викторовича Лобыцына.

Изначально книга задумывалась как мемориальный проект, но на завершающем этапе подготовки стало ясно, что она вышла далеко за рамки обычного сборника воспоминаний. Хочется верить, что ее с интересом прочтут не только те, кто знал Владимира Викторовича, но и все, интересующиеся военной историей России, и прежде всего историей отечественного флота, Белого движения и Русского Зарубежья.

Составитель считает своим приятным долгом от всей души поблагодарить всех, кто способствовал подготовке книги и выходу ее в свет. Прежде всего, директора Дома русского зарубежья им. А. Солженицына Виктора Александровича Москвина, заместителя директора по вопросам культурно-исторического наследия, военного историка Игоря Владимировича Домнина, сотрудника Дома русского зарубежья, дизайнера-оформителя Инну Юрьевну Домнину, главного

хранителя фондов Марину Анатольевну Котенко, заведующую информационно-издательским отделом Галину Александровну Чиканову и всех сотрудников издательства «Русский путь»; главного хранителя Российского фонда культуры Ольгу Кузьминичну Землякову; всех, приславших свои воспоминания и участвовавших в финансировании издания. Особую признательность за теплую дружескую поддержку на всех этапах создания сборника хотелось бы выразить Владимиру Николаевичу Дядичеву — соавтору и сослуживцу В.В. Лобыцына, литературоведу, сотруднику отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького; Татьяне Валентиновне Акуловой-Конецкой — генеральному директору Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого, профессиональному библиографу; Виктору Владимировичу Леонидову — историку Русского Зарубежья, кандидату исторических наук, поэту и барду; Дарье Аркадьевне Тимохиной — историку, аспиранту Санкт-Петербургского государственного университета.

Н.А. Кузнецов,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела военно-исторического наследия
Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

В.В. Леонидов

Памяти Владимира Лобыцына

Столько дел — куда там, не до смерти Вам,
Верстки ворох, и за томом том,
И Колчак, и памятник бизертинский,
И статьи о чем-то о другом.
В то, что нету Вас, никак не верится,
Только ноет сердце от тоски,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки.

Те, кто шел на смерть полями минными,
Кого за борт кинуло волной,
Офицеры в ряд с гардемаринами
Принимают Вас в последний строй...
Руднева Вы видите и Беренса,
Как присяга, души их крепки,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки...

В даль вселенной, световыми милями,
Полыхая окнами кают,
Развернулись русские флотилии,
Вам последний отдают салют.
Лапником покрыты или вереском,
На земле могилы далеки,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки.

Наяву ли или это снится мне,
Будто кончен важный разговор,
С именем Владимира Лобыцына
В порт вошел сверкающий линкор...
А над ним, над чайками и реями,
Там, где все отброшены клинки,
Вьется, вьется, вьется стяг Андреевский
И в строю застыли моряки.

**«У меня такое впечатление,
что я прожил несколько жизней»**

*Интервью В.В. Лобыцына парижской газете
«Русская мысль»¹*

С Владимиром Викторовичем Лобыцыным — автором «Мартиролога русской военно-морской эмиграции» и составителем «Бизертинского “Морского сборника”»² — мне повезло встретиться в доме А.В. Плотто, потомка русских моряков и внука одного из первых русских подводников контр-адмирала А.В. Плотто. О малоизвестной странице истории русской эмиграции — «бизертинской эпопее», о судьбах российских моряков в изгнании и о своей работе, посвященной памяти этих людей, В. Лобыцын рассказывает читателям «Русской мысли».

— **Владимир Викторович, для начала расскажите немного читателям «Русской мысли» о себе.**

— Родился я в 1938 году. По образованию — инженер-радиотехник, кандидат технических наук, до 1993 года был старшим научным сотрудником Института океанологии Российской академии наук. Работал также специальным корреспондентом старейшего русского журнала «Вокруг света», а с 1998 года — эксперт-историк Российского фонда культуры.

— **Инженер-радиотехник, корреспондент журнала «Вокруг света», который сейчас занимается довольно-таки специфической тематикой — историей русской военно-морской эмиграции. Откуда вдруг такой интерес к морскому делу?**

— Должен сказать, что в журнале «Вокруг света» я печатался в специальной рубрике «Исторический розыск», а тема моих публикаций была — следы русских военных, в том числе и русской военной эмиграции, за пределами России. А почему морская тематика — потому что мне пришлось во всей моей работе быть связанным с Военно-морским флотом, а потом вот Институт океанологии. Плавать мне тоже пришлось достаточно. Так что это интерес давнишний, профессиональный — и душевный тоже, поскольку среди моих товарищей — огромное количество моряков.

¹ Впервые опубликовано: Владимир Лобыцын: «У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней» // Русская мысль. 2003. 11–17 дек. № 46. С. 8; 18–31 дек. № 47–48. С. 10. Здесь далее под арабскими цифрами примеч. сост.

² Речь идет о книге: Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923: Избранные страницы. М.: Согласие, 2003.

— Бизертинский «Морской сборник», судьба русских в Бизерте — в принципе это одна из наиболее малоизвестных страниц русской эмиграции. Многие слышали о Галлиполи, но мало кто знает о Бизерте. Как вы узнали о русской «бизертинской эпопее»?

— Вы знаете, я даже не могу припомнить. Мне казалось, что я всегда знал о том, что русский Черноморский флот, переформированный позже в Русскую эскадру, закончил свое существование в тунисском порту или, точнее сказать, на французской военно-морской базе Бизерта. Но, поверьте, не могу вспомнить, откуда впервые я это узнал. Мне кажется, я знал это всегда.

Уже потом, когда я читал воспоминания российских моряков в изгнании, мне как-то стали очень близки те люди, которых я живыми не встречал, но знал их по фотографиям. Я сжился с этими людьми, они мне казались такими близкими, симпатичными... Мне казалось, я понимал их, и вот оттуда и пошел этот интерес к Бизерте. Я совершенно с вами согласен, что это достаточно малоизвестная страница. Вернее, я бы сказал: это скорее известная-неизвестная страница. То есть на краткий вопрос: «Знаешь ли ты Бизерту?» — большинство ответило бы: «Это место, где российский флот кончил свое существование». Но знания обычно этим и ограничивались. Как это произошло, в течение каких лет, как туда пришли эти люди, как они жили и что значит «кончил свое существование» — вот это все было неизвестно.

Вначале я упомянул, что с 1998 года я состоял и состою экспертом-историком Российского фонда культуры. К тому времени по публикациям «Вокруг света» меня уже знали как человека, который занимается историей русского флота за рубежом. Я инициировал и организовал установку целого ряда памятников и памятных знаков русским морякам за рубежом. А моя работа в Фонде культуры началась следующим образом: в 1998 году документы Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке в составе собрания общества «Родина» (город Лейквуд, штат Нью-Джерси) усилиями РФК и директора президентских программ этого фонда Елены Николаевны Чавчавадзе были возвращены в Россию. Так уж сложилось, что все материалы, которые в течение не одного десятилетия собирало Общество офицеров Российского Императорского флота в Америке, потом были переданы в общество «Родина». Сначала стало тесно в «Доме свободной России» в Нью-Йорке, и общество «Родина» в Лейквуде предложило отдельный дом. Потом все руководители в Обществе русских морских офицеров постарели, а затем, как у Тургенева, «все они умерли». Таким образом, вся эта коллекция документов оказалась в «Родине», и большая часть в 1998 году поступила в Российский

фонд культуры. И мне предложили разобрать эту коллекцию. Я к ней прикоснулся и, так сказать, до сих пор пребываю в этой атмосфере. У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней, пережив и Первую мировую войну, и революцию, и эмиграцию. Могу сказать, что большинство морских офицеров-эмигрантов, оставивших какой-то след, мне известны по имени-отчеству, по фамилии, по судьбе, где кто служил и где умер.

Должен заметить, что было большой удачей и невероятным откровением и радостью, что среди этого собрания нашлись все 26 выпусков бизертинского «Морского сборника»! До этого мне показывали как невероятную редкость в настоящем «Морском сборнике», который издается в Москве, два литографских выпуска «Морского сборника», Бог весть как к ним попавших. Несколько номеров было и в Ленинской библиотеке, но полного комплекта не было! Более того, после того как я получил на руки этот комплект и некоторые сопутствующие документы, стало ясно, что все заблуждались, считая, что он выходил до 1924 года! Последний сдвоенный номер вышел в сентябре — октябре 1923 года. Это 26-й выпуск, по поводу выхода которого редактор этого сборника, кстати коренной москвич, Нестор Александрович Монастырев, с горечью сказал, что вот кончил выходить «Морской сборник», в который я вложил все, что у меня было. И потом, когда его чествовали в связи с 25-летием его литературной деятельности, которая, кстати, увенчалась Пальмовой ветвью Французской Академии наук, он снова повторил: мы смогли выпустить 26 номеров. Так что я очень рад, что в этот вопрос наконец была внесена ясность.

Так вот, держа в руках эти сборники, листая их, я видел, что это исчезающие экземпляры. Бумагу страшно было тронуть! За 80 с лишним лет она стала такой хрупкой, что иногда — хотя я вроде и бережно переворачивал страницу — она просто ломалась у меня в руках. Многие сборники 1923 года вообще было невозможно прочесть: с годами качество изданий становилось все хуже и беднее, и хотя текст проступал, но даже лупа уже не давала возможности его прочесть! Я чувствовал, что эти страницы истории — в самом прямом смысле — исчезают на глазах, понимал, что этого нельзя допустить, и думал: как сделать, чтобы этот сборник дошел до читателей?

Сначала я своими силами пролистал все 26 выпусков и с помощью знакомых, в частности Александра Владимировича Плотто, историка Русского флота, энтузиаста, живущего в Париже, кстати, потомка русских моряков и по отцовской, и по материнской линии, — с его помощью, с помощью севастопольцев, которым когда-то сын адмирала П.П. Остелецкого привез несколько номеров, составил и выпустил на собственные средства небольшую брошюру под названием «Указатель

статей Бизертинского морского сборника»³. Там я перечислил все, что было напечатано в 26 выпусках, и поместил краткие биографии, насколько они мне были известны, всех авторов «Морского сборника». Этот библиографический указатель вызвал большой интерес, и тут же посыпались прямо-таки требования не останавливаться на достигнутом! Мне стали говорить, что надо напечатать и статьи, и тут...

— **И тут появился сборник...**

— И тут появилась мысль, что надо делать этот сборник! Но как? Было совершенно ясно, что никаким наборщикам поручить его набрать нельзя. Уж не говоря о том, что никакой сканер просто не прочитал бы сохранившейся шрифт. Поэтому группа настоящих и бывших моряков-энтузиастов объединилась под моим руководством, и каждый из нас взял некое количество этих сборников и стал перебирать текст на компьютере. Работа была кропотливая: что-то не читалось, кое-что пришлось брать в квадратные скобки и сообщая «домысливать», используя наш морской опыт, что здесь могло быть. Невольно пришлось провести и некую литературную редакцию, потому что в Морском корпусе учили очень хорошо всему морскому, но, разумеется, понятия о стиле и пунктуации там очень хромали. Поэтому иногда человек вдруг начинал такое длинное предложение, что к концу уже забывал, с чего он начал! И в результате невозможно было понять, о чем же в этом предложении идет речь! Нам приходилось его разбивать на части, делать чуть покороче, так, чтобы читатель мог бы его прочесть. Таким образом работали мы несколько лет.

Должен сказать, что «Морской сборник» ценен не только своими воспоминаниями, но и самим моментом их публикаций. Например, когда состарившиеся морские офицеры, уже живя в относительно хороших условиях цивилизованной Франции, Германии, Англии, Южной Америки, вспоминали свое далекое прошлое, далекую молодость, они начинали — по-человечески это вполне объяснимо — невольно фантазировать. О своей роли, о роли своих начальников. В этом смысле «Морской сборник» 1921–1923 годов особенно ценен тем, что Русская эскадра еще в строю, все сослуживцы еще живы и требуется абсолютная точность: ты не можешь ни полслова нафантазировать, так как завтра увидишь своего сослуживца, который так на тебя посмотрит по поводу твоей публикации в монастыревском «Морском сборнике», что сгоришь со стыда. То есть никаких домислов в бизертинском «Морском сборнике» нет. И вот это особенно важно для историков.

— **Сейчас в России начинается переиздание 70 томов знаменитых «Современных записок», которые будут выпускаться на про-**

³ Речь идет об издании: Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923. М., 2000.

тяжении десяти лет. Вы никогда не думали переиздать полностью все 26 номеров «Морского сборника»?

— Думаю, что особого смысла в этом нет. Хотя бы потому, что все — возьму на себя смелость сказать, — что представляет интерес для современного историка, мы опубликовали в «Бизертинском “Морском сборнике”» по трем большим разделам: «Первая мировая война», «Гражданская война» и «Моряки в изгнании». Мы не дали многочисленные переводы немецких авторов, касающиеся Первой мировой войны. Они известны по оригинальным публикациям, они издавались и в советское время. Все же остальное, самое важное, мы опубликовали, и у нас получился достаточно большой объем книги — 500 страниц текста, включая наши комментарии. Мне кажется, что интереснее было бы сделать такую же выдержку и из «Зарубежного морского сборника», первый номер которого был издан в Праге. Вот это интересное издание! Кстати, в Фонде культуры имеется его полный комплект. А уж если говорить о полистном издании, то вот здесь стоило бы переиздать пражский «Морской журнал». Вот там чрезвычайно много интересных, мелких фактов, которые сами по себе представляют большой интерес.

— **Пражский «Морской журнал» иногда сравнивают с «Военной былью» А. Геринга, которая на протяжении десятилетий издавалась в Париже. Вы считаете такое сравнение правильным?**

— Я лично вижу мало общего, хотя бы потому, что пражский «Морской журнал» был гораздо строже. «Военная быль» была, на мой взгляд, отчасти беллетризирована. Это был журнал для очень широкого спектра читателей. Это была его цель, и он ее, безусловно, выполнил. В свою очередь, «Морской журнал» — это переключка морских офицеров: кто кого разыскивает, чей адрес просят сообщить, где что произошло, где возникла еще одна кают-компания, кто в нее входит... По сути дела — это энциклопедия русской военно-морской эмиграции.

— **В сравнении с сухопутными войсками роль моряков в период Гражданской войны до сих пор мало исследована, ей уделялось мало внимания, да и сами участники почти не оставили мемуарной литературы. Практически единственное исключение — воспоминания адмирала Бубнова, которые вышли в Чеховском издании в США⁴. В чем, на ваш взгляд, причина такого «обета молчания»?**

— Отчасти потому, что судьба России решалась в большей степени на сухопутном фронте и в меньшей мере на морях и реках. Чисто морских и речных операций было не так много, особенно тех, которые

⁴ Речь идет об «Издательстве имени Чехова» (Нью-Йорк).

действительно существенно влияли на общее положение на фронтах. Флот сыграл решающую роль в финале, как заключительный аккорд. Не будь флота — никому бы живыми из Крыма выбраться не удалось. Приснопамятные Бела Кун и Роза Землячка расстреляли бы все 150 тысяч. Патронов у Красной армии хватило бы... Поэтому самая яркая страница в истории Белого флота — это эвакуация из Крыма. Хотя должен сказать, что не менее яркой была потом и эвакуация из Владивостока в ноябре 1922 года эскадры контр-адмирала Старка. Так уж получилось, что флот свое самое веское слово сказал в момент эвакуации. Поэтому и не появилось книг уровня «Очерков русской смуты». Хотя, скажем, адмирал Старк написал очень талантливый и большой по объему труд под названием «Отчет о деятельности Сибирской флотилии».

— **Но все-таки таких трудов — единицы. Как-то странно, что тот же адмирал Кедров, как командующий Русской эскадрой, не взялся в свое время за перо...**

— Я позволю себе, не оскорбляя памяти Михаила Александровича, тем не менее съязвить, что он все-таки больше был озабочен собственной судьбой. Он числился командующим Русской эскадрой, но на самом деле в это время был студентом Электротехнического института в Париже. И вся тяжесть работы с эскадрой легла на плечи контр-адмирала Беренса, который все время скромно подписывался «и.д. командующего Русской эскадрой».

Кедров же появился на эскадре, так сказать, во всей своей красе — в белом костюме, в белых ботинках — всего два раза. А остальное время он посвящал своей учебе в Электротехническом институте, который, кстати, окончил с занесением на мраморную доску. Вообще, он все всегда кончал с занесением на мраморную доску. Где уж тут было писать воспоминания!⁵ А потом ему, в принципе, и нечего было писать-то! Он — не очень видная фигура, хотя был возвышен при эвакуации. Кедров — последний, кто получил чин вице-адмирала с формулировкой «за особые заслуги».

— **Что потом не помогло ему избежать обвинений супруги А. Деникина в том, что он являлся советским агентом...**

— Я вообще не слышал, чтобы Ксения Васильевна выдвигала такое обвинение. Но если это так, то, мне кажется, это было отчасти вызвано тем, что Кедров в Крыму открыто поддержал Врангеля. А вторых, я думаю, что эти обвинения носят более поздний характер, года 45-го, когда Кедров был среди тех, кто испытывал большой энту-

⁵ В 1933 г. М.А. Кедров написал небольшие воспоминания, озаглавленные «Моя автобиография». Их неопубликованная рукопись хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

зиазм по поводу победы Советского Союза во Второй мировой войне. Известно, что он был на приеме в советском посольстве в Париже, что он сотрудничал в выпускаемой советским посольством газете, писал статьи. Есть сведения, но я не ручаюсь за их достоверность, что он якобы успел получить советский паспорт... Что же касается роли Кедрова в крымской эвакуации, то я считаю, что самая большая работа пришлась на Николая Николаевича Машукова. Именно им был детально разработан план эвакуации, который до сих пор не оценен по достоинству.

Только представьте себе: эвакуировать из разных точек Крыма 150 тысяч человек! И эвакуировать, несмотря на все трудности, безупречно. Поэтому я считаю, что истинный герой эвакуации — это Машуков. Простой пример: Кедров не получил высшей награды Русской армии генерала Врангеля, известного ордена Святителя Николая Чудотворца. А Врангель со своей груди снял этот орден II степени и приколот его на грудь Машукова, тем самым дав всем понять, кто же был настоящим героем эвакуации из Крыма.

— **Давайте перейдем сейчас к теме вашей последней работы. Сейчас вы с Александром Владимировичем Плотто работаете над новым проектом. Раскройте секрет и расскажите немного об этом проекте.**

— Цель работы следующая. Дело в том, что меня всегда почеловечески задевает, если кто-то несправедливо забыт, обделен судьбой, а в то же время достоин того, чтобы о нем знали, и все, что он написал, было издано.

Как-то Александр Владимирович прислал мне отрывки из переданных ему документов. Это были несколько небольших рассказов из жизни русских подводников начала XX века, пионеров русского подводного плавания. Они были настолько талантливо и живо написаны, что меня сразу заинтересовало: кто же это написал? Речь шла о нескольких старых листочках, где были проставлены римские цифры и было написано, например: «Штурм. В. Меркушов». Было ясно, что какой-то В. Меркушов, специалист в своей области, написал этот отрывочек из жизни русских подводников под названием «Штурм». И вот с этого начался мой интерес к тому, кто же автор этих листочков.

Мне удалось найти в очень редком издании, о котором мало кто знает и которое называется «Военный сборник» (не традиционное до-революционное издание под таким же названием, но выпущенное всего один раз в июле 1920 года в Севастополе под редакцией Карташова), две главы «Записки командира подводной лодки “Окунь”» — все того же Василия Александровича Меркушова. Оторваться от чтения этих записок было просто невозможно.

Я стал разыскивать, и оказалось, что с коллекцией общества «Родина» пришло письмо, которое русский эмигрант Василий Меркушов послал в 1947 году из Парижа своему однокашнику в Америку Павлу Егоровичу Стогову. В письме говорится, что он написал две книжки: «Очерки из жизни русских подводников, 1905–1914 гг.» и «Из дневника подводника, 1914–1915 гг.» и теперь пересылает ему подробное оглавление этих книг с просьбой посодействовать изданию, потому что все эти годы он писал как мог, и было бы очень жалко, если все это пропадет. И вот эти два оглавления послужили мне компасом в отыскании материалов.

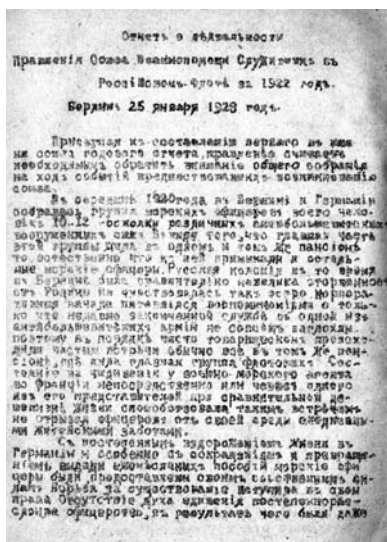
Во-первых, оказалось, что все эти разрозненные листочки так или иначе восходят к этим двум книгам. И мы стали собирать, опять группой энтузиастов, эти публикации по эмигрантским газетам, главным образом — по газете «Возрождение» и по журналу «Часовой». Многое нам удалось найти. И вдруг оказалось, что совсем недавно Николай Васильевич Солдатенков, ныне священник в Дижоне, в свое время передал адмиралу Панину⁶ большинство написанного Меркушовым.

Наша книга была уже почти готова. Она была с большими изъянами. Все, что мы смогли разыскать, мы разыскали и считали, что даже это можно опубликовать. И вдруг — воистину Божий промысел — у нас оказалось все, что написал Меркушов! В следующем году, незадолго до того как в России будет отмечаться — в 2006 году — столетие русского подводного плавания, мы надеемся издать книгу, которую я предложил назвать «Записки подводника, 1905–1915 гг.». Она будет состоять из двух частей, первая — «Подводники», куда будут включены все 32 новеллы Меркушова. Вторая — тяжелейшая служба наших подводников на подводных лодках в Первую мировую войну, тоже описанная Меркушовым. Вот это и есть тот проект, который мы готовим, и я надеюсь, что нам его удастся осуществить.

И последнее. Увидев, как издан «Бизертинский “Морской сборник”», известный Санкт-Петербургский коллекционер Дмитрий Васильев, обладатель редчайшей коллекции фотографий по русскому подводному плаванию, пошел на шаг, который для коллекционера просто сверхнеординарен: он дал нам возможность отобрать любые фотографии, чтобы проиллюстрировать меркушовскую книгу. Поэтому если эта книга будет издана, да еще с фотографиями из коллекции Димы Васильева, то это станет достойным подарком к столетию русского подводного плавания.

Беседу вел К. Куяс-Скрижинский

⁶ Вице-адмирал В.А. Панин — председатель правления Всероссийского фонда традиций и реликвий отечественного флота «Морское кумпанство».

Титульный лист и одна из страниц «Морского сборника», выходившего в Бизерте

Обложки изданий, подготовленных В.В. Лобыцыным

«Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были»

Статьи и воспоминания о В.В. Лобыцыне

В.В. Леонидов¹

Русский офицер Владимир Лобыцын²

Он был настоящим офицером. Во всем, в каждом жесте, в походке. В том, как он вставал, когда в комнату входили женщины, как тщательно и чисто, но без всякой вычурности, следил за одеждой. В яростном и мгновенном неприятии всего, что представлялось ему выходящим за пределы порядочности и чести.

Но главное, Владимир Викторович просто воплощал в себе ныне такие затертые и, прямо скажем, не всегда самыми достойными людьми эксплуатирующиеся понятия, как честь офицера и честь Военно-морского флота. Казалось, он шагнул откуда-то из старых времен, когда приход офицера-моряка всегда гарантировал благородное украшение любого общества.

Ярость и страстность непостижимым образом сочетались в нем с поразительной тщательностью и педантичностью в работе. Готовя к публикации сотни исторических документов, возвращая память об ушедших моряках и морских офицерах, он всегда самым тщательным образом, до последней сдачи в типографию готовил рукописи и иллюстрации. Не было ни одной запятой, которой он не выверил бы по самым разным источникам. Тяжело переживая отказы, которые иногда встречались в его ураганной деятельности, он в то же время всегда умел восхищаться работой других. И поэтому Лобыцыну помогали очень многие. Слишком силен был магнетизм его личности, а человека, влюбленного и фанатично посвящающего себя благородному делу, не могут не уважать те, кто встречает его на дороге жизни.

Он был потомственный офицер, и впоследствии сам Владимир Викторович начал свои первые исследования с поиска отца, сгинувшего в огне Второй мировой. Сомнений в выборе пути у него никогда не было.

¹ Леонидов Виктор Владимирович. Родился в 1959 году. Кандидат исторических наук. Историк Русского Зарубежья, вернувший российскому читателю имена поэтов Н.Н. Туроверова и И.И. Савина. Известный бард и поэт.

² Впервые опубликовано: Литературные незнакомцы. 2006. № 3 (13). С. 98–104. Печатается с небольшими исправлениями.

Он родился 28 января 1938 года, после школы поступил в Артиллерийскую радиотехническую академию, по окончании которой четверть века отдал службе в научно-исследовательских учреждениях Вооруженных сил и демобилизовался в звании подполковника. Нельзя не сказать, что, наверное, человек его таланта и способностей, человек какой-то фантастической ответственности за любое порученное дело мог бы закончить службу в более высоком звании.

Уйдя со службы в 1983 году, Лобыцын стал сотрудником Института океанологии РАН им. П.П. Ширшова. Одновременно с этим Владимир Викторович продолжил во всю мощь реализовывать свою давнюю «одну, но пламенную страсть» — возвращение памяти о русских моряках, закончивших свою жизнь за пределами России.

Впрочем, это касалось не только моряков. Так, на страницах журнала «Вокруг света» Лобыцын первым опубликовал статью о кладбище рядом с французским местечком Мурмелон-Ле-Грант. Там, где похоронены офицеры и солдаты Русского экспедиционного корпуса, воевавшие во Франции с немцами в годы Первой мировой войны. Впоследствии Владимир Викторович очень помог кинорежиссеру Сергею Зайцеву при работе над фильмом «Погибли за Францию», посвященным этой забытой странице русской военной славы.

Этапом и, естественно, результатом огромной работы стала статья Лобыцына в том же «Вокруг света» — с картой российских морских памятников и захоронений за пределами России. Времена изменились, и наряду с развалом всего и вся пришли свобода и возможность наконец-то сказать полную правду о людях, долгие десятилетия прохидивших по спискам «врагов народа».

«И теперь мы смотрим на трехсотлетнюю историю Российского Флота как на единую, мы снова почитаем героизм русских моряков, проявленный в Русско-японской и Первой мировой войнах, устанавливаем памятник белым морякам на кладбище в далекой Бизерте, делая на нем надпись: “Россия Вас помнит”», — писал сам Лобыцын, завершая последнюю подготовленную им книгу «Морские рассказы писателей русского зарубежья». Книгу, которую он успел полностью выверить и сдать в издательство «Согласие», а вот увидеть ее ему уже не удалось.

Энергия его была поразительной. Он бился во все двери, чтобы пробить установку доски с поименным списком моряков, погибших на крейсере «Жемчуг» в 1914 году в Пенанге (Малайзия), и довел это немыслимое предприятие до конца. В Успенском кафедральном соборе Хельсинки стараниями Владимира Викторовича удалось установить мемориальную доску с фамилиями 59 офицеров флота, убитых и скончавшихся в 1917 году.

В греческом Пилосе благодаря Лобыщину теперь стоит памятный знак с фамилиями погибших в Наваринском сражении в 1827 году. На острове Сантахамина в Финляндии он восстановил утраченную икону на памятнике русским воинам, убитым еще во времена Крымской войны. И еще очень много сил отдал тому, чтобы на турецком полуострове Галлиполи, там, куда в 1920 году прибыли солдаты и офицеры корпуса генерала Кутепова, был восстановлен памятник. Такой же, какой в начале двадцатых они поставили своим погибшим товарищам и чей силуэт воспроизведен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Но завершить задуманное Владимиру Викторовичу не удалось.

Но удалось выполнить другую, также далеко не легко исполнимую задачу. Лобыцын умудрился добиться, чтобы в парке, примыкающем к российскому посольству в Стамбуле, был поставлен памятный знак погибшим российским подводникам с подводной лодки «Морж», пропавшей без вести в 1917 году.

Это же надо себе представить! Сколько согласований, кабинетов, объяснений, поисков денег и, к слову, своих собственных затрат, чтобы где-то на краю света возник памятник, или просто доска, или крест в память о наших соотечественниках. О тех, для кого Андреевский флаг означал все.

Лобыцын обожал работать в архивах и порою как-то удивительно по-детски радовался очередной находке. А работать он умел и любил. Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив Военно-морского флота, отдел русского зарубежья Российской государственной библиотеки, частные собрания, в том числе и коллекция его близкого друга, сына морского офицера Александра Плотто, живущего в Париже, — всего не перечислить. И все-таки этапом для него стала работа с коллекцией Русско-американского общества «Родина». Оно было основано в 1954 году и очень скоро стало одним из главных центров хранения наследия русской культуры и исторических реликвий за пределами России.

В 1979 году бывшими русскими офицерами в США обществу были переданы уникальные архивы и коллекции. При обществе были созданы музей, архив и библиотека. Начиная с 1993 года все эти сокровища решением совета старшин общества были переданы в Россию.

Огромную роль в переговорах по решению этого вопроса и в самой организации возвращения такой огромной коллекции сыграла директор президентских программ Российского фонда культуры Елена Чавчавадзе.

Владимир Викторович приступил одним из первых к разбору необозримой коллекции «Родины» и очень быстро обнаружил там боль-

шой массив источников по истории русской военно-морской эмиграции — архив Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке и ряд уникальных изданий, таких как, к примеру, полный комплект «Морского сборника», издававшегося в Бизерте — порту на побережье северного Туниса. В дополнение к другим архивным изысканиям эти материалы наконец-то заложили основу для полномасштабных изданий.

Вначале появились небольшие брошюры — описание «морской» части коллекции «Родины», полная библиографическая систематизация бизертинского «Морского сборника». Маленькие по объему, они сразу стали настольными для любого исследователя русского флота. Дальше была нашумевшая книжечка, посвященная легендарному «Китобою» — маленькому тральщику, не спустившему Андреевский флаг и бесстрашно прорвавшемуся в 1920 году из Ревеля в Крым, а затем — в Бизерту, где нашли свою последнюю стоянку корабли Русской эскадры.

А затем пришел черед больших, полномасштабных изданий. Сначала появился «Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг.» — справочник с биографическими сведениями о почти двух тысячах чинах Российского флота и Морского ведомства, умерших за пределами ставшей советской России. Сотни матросов, гардемарин, лейтенантов и адмиралов были спасены от забвения. Дальше началось триумфальное шествие книг, выпущенных в издательстве «Согласие» при поддержке Вацлава Михальского. Это был и том статей из бизертинского «Морского сборника», и прекрасный альбом «Варяг — к столетию подвига», и «Записки подводника» офицера и писателя Василия Меркушова. Последней книгой, как уже говорилось, стал сборник «Морские рассказы писателей русского зарубежья». Издатели, поместив на развороте обложки фотографию Владимира Викторовича, подписали: «О таких людях, как Владимир Викторович Лобыцын, принято говорить — соль земли. Потому что эти люди движут жизнь, а не потребляют ее. Он был выдающимся историком русского флота, и опыт его бесценен».

К этому трудно что-либо добавить. А вспоминать обо всем, что он сделал, можно бесконечно. Как готовил выставки и оформил в Кисловодске целый зал, посвященный Колчаку, как организовывал бесконечные дары в морские музеи и архивы. Как до бесконечности работал над оформлением витрин и стендов...

Что же, в который раз остается вспомнить слова Жуковского: «...не говори с тоской: *их нет*, но с благодарностью: *были*».

Спасибо Вам, Владимир Викторович, за то, что жизнь подарила нам Вас.

*В.Н. Дядичев*¹

Воплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела...

Время летит невероятно быстро. И вот — уже десять лет, как нет с нами Владимира Викторовича Лобыцына. А кажется, что многое было еще вчера. Но таково уж время...

И вполне возможно, что сегодня я окажусь в числе едва ли не самых «старых друзей-товарищей», собравшихся в «кают-компаниях» нашего сборника.

Ибо мое знакомство с моим тезкой Володей Лобыцыным относится еще к «дописьменному» периоду его (да и моей) историко-литературной деятельности. К периоду, когда основным делом для нас была служба в одном из оборонных НИИ и работа по испытанию сложных систем радиолокационного наблюдения за околоземным и космическим пространством.

Это время — конец 1960-х – начало 1970-х годов. Время незатихающих споров «физиков» и «лириков», время осознания того, что «человеку и в космосе нужна будет ветка сирени».

И наши беседы с Володей касались не только научно-технических проблем освоения космоса или дальней радиолокации, но зачастую различных историко-литературных вопросов. Появились и общие интересы по выявлению, собиранию, изучению различных культурных «артефактов» — книг, рукописей, писем, открыток, знаков, особенно относящихся к истории России конца XIX – начала XX века, к культуре русского Серебряного века. Ко времени, казалось бы столь близкому к нам, времени жизни наших отцов и дедов, но почему-то удивительно мало нам знакомому.

А как мало было тогда общедоступной или документальной литературы, скажем, о Первой мировой войне. Недаром и сегодня, в годы 100-летия этой войны, многие исследования о тех грозных событиях публикуются под рубрикой «Неизвестная война»...

Тогда же, в 1960–1970-х годах, после тридцати-сорокалетнего молчаливого перерыва стали появляться переиздания книг и сборни-

¹ Дядичев Владимир Николаевич. Родился в 1936 году. Литературовед, историк, специалист по творчеству В.В. Маяковского. Сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Чарльз, пн
18³⁰, Касс. 16

Секция истории Московского Дома ученых
Сектор истории культуры российского зарубежья
Российского института культурологии Минкультуры
РФ и РАН

РУССКОЕ КЛАДБИЩЕ СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА
ПОД ПАРИЖЕМ

Вечер ведет член-корреспондент РАН Я.Н.Щапов

Презентация книги Э.А.Шулеповой "Русский некрополь под Парижем"
/Москва, 1993/

ВЫСТУПЛЕНИЯ

1. Некрополь деятелей русской культуры

Заместитель директора Российского института культурологии,
к.и.н. Э.А.Шулепова

2. Участники гражданской войны в России на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

к.т.н. Лобыцын В.В.

3. Участники Сопrotивления в годы 2-й мировой войны на кладбище
Сент-Женевьев-де-Буа

к.т.н. Дядичев В.Н.

Демонстрация слайдов, продажа тематической литературы

Владимир Дядичев, Владимир Лобыцын

ДОБРОВОЛЕЦ
двух русских армий

Самодельная афиша вечера,
посвященного истории русского
кладбища Сент-Женевьев-де-Буа.
1994

Обложка книги В.Н. Дядичева
и В.В. Лобыцына «Доброволец двух
русских армий», посвященной
судьбе С.Я. Эфрона

ков поэтов Серебряного века, русских писателей 1920–30-х годов. Нам было о чем поговорить, подумать...

Между тем именно из рассмотрения собирательских, коллекционных находок, исследований возможного происхождения этих «артефактов» — свидетельств не столь давнего прошлого — и рождались первые публикации В. Лобыцына на историко-литературные, гуманитарные (уже — не «технические») темы. По ряду соображений (тогда — существенных), например, работу о Чехове и Иловайских он опубликовал под псевдонимом В. Тюрин — по фамилии своей матери.

Помню, Володя составил и «издал» самодельную книжечку в количестве одной машинописной закладки — три или четыре экземпляра. Это была подборка понравившихся ему афоризмов Максимилиана Волошина, философских сентенций-надписей, которыми поэт и художник снабжал свои акварели, фантастические пейзажи гор и морского побережья восточного Крыма, так называемой Киммерии. Мест, «где море вечно плещет». Мест, сохранявших память о легендарных аргонавтах, отважных мореходах Античности и Средневековья, основателях греческих поселений Крыма. Экземпляр этой подборки он подарил и мне. Другую такую «книжечку» составила подборка романтических стихов Н. Гумилева, тогда еще не «вернувшегося» печатно на страницы литературных изданий страны.

Ну, а море? Да какой же романтик не мечтал о дальних морских походах?! Тем более вскоре у Володи Лобыцына появилась такая возможность — необходимость проведения испытаний радиолокационной техники на кораблях в условиях дальнего плавания.

А уйдя с воинской службы в запас, он в 1983 году поступил на работу в Институт океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР. И здесь наряду с океанологическими исследованиями исследования по истории Российского флота постепенно становились важнейшей частью его жизни.

Говоря «постепенно», я имею в виду ставшую преимущественной тематику, основной круг его научных интересов, но никак не объем, темп, его целеустремленность в делах историка-исследователя. Библиография его работ в этой области говорит сама за себя. Сколь много, сколь удивительно много он успел сделать!

Немало работ мы выполнили и опубликовали совместно. Во многих других случаях, где я мог ему как-то помочь, Володя пользовался моими консультациями, справками, выписками, источниками. Но даже у меня, его товарища, постоянно находившегося рядом, в постоянном контакте, следившего за его работой, общий объем сделанного им вызывает уважительное удивление.

Часто мы бывали в московском Доме ученых. На заседаниях исторической секции В. Лобыцын сделал несколько докладов-сообщений о своих находках и исследованиях. Иногда бывали на заседаниях клуба книголюбов (или Секции книги Дома ученых). Некоторые такие «культурологические» вечера вела дочь В. Лобыцына (старшая из его детей) Мария Васильева-Лобыцына (бывшая замужем за сыном поэтессы Ларисы Васильевой).

Характерной и очень важной чертой его работы являлось умение довести каждое начатое дело, исследование до конца, до итога, достойного публикации. Исследователи знают — это умение дано далеко не каждому.

А с каким поразительным упорством, настойчивостью он добивался (и — успешно!) сохранения, восстановления памяти о наших моряках-героях не только в «бумажных» публикациях — книгах, журналах, газетах на Родине, но и в памятных знаках на местах сражений, местах их пребывания, их гибели и захоронений в различных частях света.

Не могу сказать, когда Володя узнал о своей серьезной болезни. Об этом он практически не говорил даже близким друзьям. Лишь незадолго до того, как лечь на операцию, он поделился своими сомнениями и опасениями.

Но могу точно сказать, что все эти годы Володя жил именно «по большому счету», все время стараясь сделать что-то еще и еще, по максимуму, «никогда не оставляя на завтра то, что можно сделать сегодня». Но он никогда не выглядел суетливым, нервным, спешащим, чего-то не успевающим человеком. Нет. Его работа всегда была работой спокойного, уверенного, целеустремленного исследователя, ученого.

Наша последняя встреча... Я забежал к нему домой забрать для издательства CD с иллюстрацией для книжки «Доброволец двух русских армий», которая находилась в редакции на последней стадии подготовки к изданию. Владимир уже бóльшую часть времени лежал в постели. Говорил тихим, хрипловатым голосом... Через день в той же редакции, делая последние сверки-вычитки нашей книжки, я узнал, что его не стало...

В одном из интервью В. Лобыцын сказал, что он как бы «прожил несколько жизней». Да он и реально прожил как минимум две жизни — инженера-технаря и гуманитария-историка. И конечно, духовно он прожил множество жизней открытых им, возвращенных из забвения героев прошлого.

Хотя время Владимира Лобыцына пришлось на очень непростой период истории (уже — истории!) нашей страны, ему лично не дове-

крепости во времена Крымской войны. В бурном XX веке икона была утрачена. Лобыцын заказал знакомому иконописцу список той самой иконы, которая осеняла памятник на братской могиле в Свеаборге, и взялся доставить ее в Финляндию. На первый взгляд дело простое. Но надо было проделать огромную организационную работу, добиться, чтобы Министерство обороны Финляндии разрешило установку святыни и чтобы возвращение иконы было обставлено подобающим образом: военный оркестр, почетный караул, телевидение...

После торжеств мы отправились на православное кладбище, где с большим трудом отыскали заросшую кустарником могилу адмирала Адриана Ивановича Непенина и еще нескольких офицеров, убитых бунтарями в марте 1917 года. Мы дружно взялись за работу, благо у кладбищенского сторожа нашлись для нас лопаты. Когда надгробные плиты были в буквальном смысле вырублены из густых зарослей, Лобыцын достал из портфеля бутылку русской водки, пластиковые стаканчики, и мы, по обычаю, помянули адмирала и иже с ним. Переиздание своего романа я так и назвал: «Адмирал Непенин и иже с ним».

Финляндия, она рядом, а вот Малайзия... Но ведь и там нашлось дело для Лобыцына, ревнителя истории Русского флота. Многие годы стоял в Пенанге памятник морякам крейсера «Жемчуг», погибшим в этом порту осенью 1914 года. Однако памятник был безымянным: «Русским военным морякам крейсера “Жемчуг” благодарная Родина» — этой надписью исчерпывались все сведения о наших соотечественниках, погибших вдали от России. И помня еще недавно столь популярные слова «Никто не забыт, ничто не забыто», в журнале «Вокруг света» решили разыскать имена погибших моряков и увековечить их на русском памятнике в Пенанге. Имена 88 погибших были разысканы в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

Редакция журнала «Вокруг света» выделила деньги на изготовление памятной доски. Ее эскиз сделал один из старейших работников Института океанологии Российской академии наук В. Буренин, методами компьютерной графики он был реализован художником журнала «Вокруг света» К. Янситовым. Латунная доска размером 30 x 40 см была заказана московской фирме ВЛАНД.

Получив такой необычный заказ, руководитель фирмы Владислав Борисов сообщил редакции, что, по общему согласию работников фирмы, доска в память русских моряков, похороненных далеко от России, будет изготовлена безвозмездно. Владимир Викторович пригласил меня на освящение доски в храме Святителя Николая в Хамовниках. А вскоре бронзовая пластина с именами русских моряков была уста-

новлена на гранитном надгробье в Пенанге благодаря почетному консулу России в этом регионе.

Во всех этих непростых хлопотах самое деятельное участие принимал Владимир Викторович Лобыцын.

Еще больше сил и нервных клеток потребовалось ему, чтобы восстановить памятник русским воинам в Галлиполи. Почти тридцать лет простоял на берегу Мраморного моря в турецком городке Гелиболу (бывший Галлиполи) рукотворный каменный курган, сооруженный на русском кладбище солдатами, казаками и офицерами Белой армии. Скорбная страница российской истории была отмечена этим уникальным памятником, который исчез с лица земли после землетрясения 1949 года.

В начале 1990-х годов Владимир Лобыцын отправился в Турцию, побывал в Гелиболу и нашел лишь одну могилу на месте бывшего русского кладбища. Воистину, то было время, когда пришла пора собирать камни. Возродить русский курган на далеких Дарданеллах? Замысел Лобыцына многим казался утопическим. Однако он подключил к делу свой любимый журнал «Вокруг света», и в 1994 году была предпринята первая попытка получить разрешение турецких властей на восстановление утраченного монумента. Мэр Гелиболу с пониманием отнесся к этой идее, тем более что русские воины оставили по себе добрую память. Однако дальнейшие усилия Владимира Лобыцына натолкнулись на глухую стену чиновного молчания. Не откликнулись официальные власти и на ноту российского консульства в Анкаре, в которой была высказана просьба о получении такого разрешения. В последующие годы были посланы ноты-напоминания, но и они остались без ответа. Однако Лобыцын не собирался опускать руки. Во многом благодаря его энергии был создан в Москве инициативный комитет по восстановлению Галлиполийского памятника под эгидой Российского института культурного и природного наследия Министерства культуры РФ, а также Российского фонда культуры. В его состав вошел и посол Болгарии в России Василий Такев.

Дело кардинально двинулось вперед после того, как за него взялся Центр национальной славы Фонда Всехвального апостола Андрея Первозванного при поддержке посла Российской Федерации в Турции Владимира Евгеньевича Ивановского. Были наконец получены от турецкой стороны необходимые разрешительные документы. Мэр Гелиболу выделил земельный участок под строительство мемориального центра, который должен был состоять из самого памятника, восстановленного точно по размерам, и небольшого музейного павильона.

В январе 2008 года в Гелиболу состоялась торжественная закладка памятника, в основание которого была замурована капсула с по-

сланием потомкам. Так получилось, что не Лобыцыну, первопроходцу этого святого дела, а мне выпала честь принимать участие и в закладке памятника, и в его торжественном открытии спустя год. Во всех выступлениях по этому поводу я всегда подчеркивал роль Владимира Лобыцына как главного застрельщика этого проекта.

А сколько их у него было, таких невыполнимых, невыполнимых на первый взгляд замыслов?! Кого из нас не пугала мощь бюрократической машины, чьи ржавые маховики-колеса надо было проворачивать в нужную сторону? Лобыцына не пугала. Он начинал с малого — с письма в ту или иную инстанцию, чаще всего в МИД. В дипломатическом ведомстве хорошо знали его стиль и почерк. Письмо за письмом, запрос за запросом, предложение за предложением... Капли лобыцынского упорства точили камень чиновного равнодушия. Именно так был осуществлен еще один благородный проект: в Стамбуле, на даче российского консульства в Буюк-Дере был поставлен мраморный памятник нашим морякам, погибшим на подводной лодке «Морж» в 1917 году у берегов Босфора. Лобыцын не только забрасывал письмами консульство в Стамбуле и посольство в Анкаре, но и сам приезжал в Турцию, встречался с дипломатами, рассказывал им о судьбе экипажа «Моржа» и в конце концов добился того, что в Буюк-Дере поставили плиту из белого мрамора в память русских подводников. Честь снять с нее покрывало выпала нам с героем-подводником капитаном 1-го ранга Сергеем Кубыниным. Осветили памятник и отслужили панихиду священники, откомандированные Московской патриархией по просьбе Лобыцына в Стамбул. Он умел просить так, что ему не отказывали, умел убеждать и вдохновлять. Редкий человеческий дар!

Особая полоса его жизни — работа экспертом в Российском фонде культуры, куда из американского города Лейквуд поступил обширный и разнородный архив русской эмиграции: дневники, письма, приказы, мемуары, фотоальбомы, коллекции наград, корабельных флагов, ленточек, неразобранные библиотеки, комплекты эмигрантских журналов и прочие документы. Владимир Викторович как-то назвал меня к «себе на работу», и я воочию увидел все эти архивные сокровища, вернувшиеся, слава Богу и эмигрантам-патриотам, на Родину. И Никита Михалков, как глава фонда, и его ближайшая помощница Елена Чавчавадзе, руководитель дирекции президентских программ, в полной мере оценили профессионализм В. Лобыцына, который систематизировал, описал, опубликовал сотни и сотни уникальных документов. У него, военного инженера, не было базового исторического образования, но с историческим материалом он обращался с инженерной точностью. Именно она, скрупулезная точность во всем — будь это описание боевого эпизода, составление библиографии или именного

Н.А. Черкашин и В.В. Лобыцын у освященной доски со списком моряков, погибших на крейсере «Жемчуг». 1996

Эскиз мемориальной доски в память о погибших на крейсере «Жемчуг»

списка моряков, — всегда отличала труды Лобыцына. Точность — это его фирменный стиль, его бренд, его идеал. Справочники, которые выходили под его редактурой, выверены с математической доскональностью. Не всякой современной энциклопедии можно доверять так, как лобыцынской «базе данных», его информационному банку.

За недолгие годы работы в Российском фонде культуры Лобыцын подготовил и выпустил несколько бесценных для истории отечественного флота книг. Среди них воспоминания Н.А. Боголюбова «Китобой. На страже чести Андреевского флага» (СПб., 2000), «Мартиролог русской военно-морской эмиграции» (М.; Феодосия, 2001), «Бизертинский “Морской сборник”. 1921–1923» (М.: Согласие, 2003), «Записки подводника» В.А. Меркушова (М.: Согласие, 2004), «Морские рассказы писателей русского зарубежья» (М.: Согласие, 2006). К этой последней в его жизни книге он относился особенно трепетно, ибо она неслла в себе немало душевной доброты русских моряков. К сожалению, дожидаться выхода этой книги в свет ему не удалось. Это единственная лобыцынская книга в моей библиотеке, которая осталась без его автографа. Поэтому с особой бережностью храню «Записки подводника», на которой осталась последняя надпись Лобыцына: «Николаю Андреевичу, со всегдашней благодарностью за помощь и участие. Надеюсь, что эта книга — повод для нашей общей радости в нашем общем деле служения истории русского флота. С пожеланием успехов, дружески — В. Лобыцын, 16 октября 2004 г. Москва».

А дело у нас действительно было общее, и общих друзей, историков флота, было немало: Николай Березовский и Константин Стрельбицкий (Москва), Владимир Верзунов (Таллинн), Александр Плотто (Париж), Владимир Стефановский (Севастополь), Александр Пожарский и Рафаил Мельников (Санкт-Петербург)... Мы тесно общались друг с другом, обменивались информацией, фотографиями, выпущенными книгами. Все мы по мере сил закрывали белые пятна в истории флота, как закрывает, заделывает пробоины в борту корабельная аварийная партия. Все вместе мы были «народным ополчением» науки, во всяком случае, не кабинетными историками, хотя каждый из нас немало времени проводил в архивах и библиотеках. Мы активно действовали в «полевом сезоне» — выезжали на места былых исторических событий, встречались с еще живыми участниками и свидетелями тех или иных сражений, походов, изучали некрополи морских городов, охотились за рукописями, старыми фотографиями, редкими книгами...

После того как в конце 80-х годов рухнул «железный занавес», в научном обороте появилось много новой информации, резко расширилась источниковая база (в основном за счет открытия многих «спец-

50-летие Н.А. Черкашина в московском Центральном Доме ученых. В.В. Лобыцын держит в руках походный флаг подводной лодки Б-409, на которой служил юбиляр.
1996

Загорский А. В. на 2 лица

К 300 летию Российского флота

ПРИГЛАШЕНИЕ

**Центральный Дом Ученых приглашает Вас в понедельник, 18 марта 1996 года,
на творческий вечер писателя-мариниста капитана 1 ранга Николая ЧЕРКАШИНА**

МОРСКИЕ ТАЙНЫ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

В программе:

1. Тридцать лет подводного противостояния
2. Герои и жертвы безмолвной войны
3. Судьба Российского флота

Презентация книги "Как погибают субмарины", вышедшей в издательстве "Андреевский флаг"

Демонстрация уникальных видеозаписей, сделанных на местах гибели АПЛ "Комсомолец" и парохода "Адмирал Нахимов".

Выставка художника-мариниста Владимира Мухачева.

Продажа книг издательства "Андреевский флаг".

Вечере принимают участие вице-адмирал Н.А.Шашков; контр-адмирал В.А.Дыгало; капитан 1 ранга С.М.Кубычин; директор издательства "Андреевский флаг" А.В.Мельник; президент севастопольского Морского собрания В.В.Стефановский; президент Союза моряков-подводников, адмирал Флота, Герой советского Союза В.Н.Чернавин.

Вечер ведет член ЦДУ к.т.н. В.В.Лобыцын.

Вечер состоится в Доме ученых (Пречистенка, 16) в Камерном зале (3-й этаж по лестнице справа от входа), начало в 18.00.

Приглашение на творческий вечер Н.А. Черкашина. 1996

хранов», за счет семейных и общественных архивов русской эмиграции). Можно сказать, что Лобыцын вольно или невольно возглавлял этот первый эшелон «народного ополчения» науки. Во всяком случае, многие из исследователей-доброхотов на него равнялись. Да и профессиональным историкам было чему у него поучиться.

Мы работали на исторической ниве не ради гонораров, научных званий, мирской славы. Просто все мы любили тот флот, который исчез в глубинах времени, как Атлантида, жестоко разбившись о рифы Октябрьского переворота и Гражданской войны.

Сегодня из нашей «аварийной партии» осталось немного. Ушли в лучший мир Николай Березовский, Владимир Верзунов и Рафаил Мельников... На смену пришла новая плеяда историков-флотовисцев, и имя Лобыцына звучит для них почти легендой. Для меня же он был близким другом, с которым мы немало поездили по городам и странам, выступали по телевидению, бывали на всевозможных презентациях, конференциях...

Я весьма благодарен ему за огромную помощь в организации празднования моего 50-летнего юбилея. Владимир Викторович договорился с руководством Дома ученых о проведении моего вечера, на котором присутствовали многие моряки, в том числе и главнокомандующий Военно-Морским Флотом России Герой Советского Союза адмирал флота Владимир Чернавин, потомки офицеров дореволюционного флота, представители известных дворянских родов — Бобринских, Черкасских... Лобыцын мастерски провел этот весьма непростой и важный для меня вечер, превратив его в праздник общения.

С легкой руки Лобыцына я свел прочную дружбу с кисловодским театром «Благодать» и его замечательной основательницей Валентиной Петровной Имтосими. Театр поставил две мои пьесы — одну об адмирале Колчаке («Двое на Голгофе»), другую о Михаиле Булгакове («Брат, останови эскадрон!»). Театр стал первым в России музеем адмирала Колчака. Многие экспонаты — фотографии, документы, карты — предоставил Владимир Викторович. Его весьма увлекала идея создать музей опального, но любимого на флоте адмирала. Одна из музейных витрин теперь посвящена и неистовому ревнителю истории русского флота Владимиру Лобыцыну. Есть там такие строки, которые Лобыцын написал на гибель Колчака:

И сомкнулось Время, словно бездна,
Над твоей погасшею звездой.
А душа в глуби небес исчезла,
Словно в море кортик золотой.

В последний раз мы увиделись с ним на станции метро «Прспект Мира», близ которой он жил. В очередной раз обменялись книгами, немало посидели на перронной скамье. Я уезжал в Питер, договорились основательно посидеть после возвращения. Но уже не пришлось...

Бард Виктор Леонидов, один из близких друзей Лобыцына, нашел о нем самые точные слова:

Столько дел — куда там, не до смерти Вам,
Верстки ворох, и за томом том,
И Колчак, и памятник бизертинский,
И статьи о чем-то о другом.

В то, что нету Вас, никак не верится,
Только ноет сердце от тоски,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки.

После ухода Владимира Лобыцына нам остались его книги, его стихи, спасенные и установленные им памятники и великолепный пример, как надо относиться к своему делу. Право, наследство немалое...

И.Ю. Столяров¹

Связь с историей и страной

Сейчас я даже не могу вспомнить того момента, когда Владимир Викторович ворвался в мою жизнь. Да, ворвался! До этого я тихонько занимался любимым занятием по розыску погибших за границей моряков, тихонько радовался напечатанным статьям в журнале «Морской сборник» и думал о том, что, может, кому-то когда-то понадобится эта информация. И тысячи людей будут гордиться своими предками, испытывать гордость за свою Родину и чувствовать причастность к великой Истории России.

Наше знакомство началось с крейсера «Жемчуг». Памятник в Пенанге отремонтировали, но требовалось уточнить списки захоро-

¹ Столяров Игорь Юрьевич. Родился в 1950 году. Капитан 2-го ранга в отставке. Много лет занимается выявлением и изучением информации о захоронениях русских моряков в разных странах мира и памятниках, связанных с историей флота.

ненных моряков. Они не совпадали с официальными списками погибших и списками экипажа крейсера. А Владимир Викторович поставил цель сделать новую памятную доску на памятник «Жемчугу», с точным списком всех погибших в данном месте. Хотя в авторах статьи в «Вокруг света» числюсь и я, но это чисто благородный жест Владимира Викторовича. Мое участие ограничилось только тем, что я нашел в архиве, кто был «лейтенант» Черепков, оказавшийся на самом деле унтер-офицером, старшим минером крейсера «Орел», погибший 2 февраля 1915 года в результате несчастного случая при водолазных работах на «Жемчуге» и похороненный рядом с братской могилой его матросов. А также предоставлением ему некоторых документов из архива Главного штаба ВМФ советского периода. Затем он пригласил меня на освящение памятной доски в храм Святителя Николая в Хамовниках. Это была очень запоминающаяся церемония. Вот когда чувствуешь результат этого благородного дела. Его связь с историей и страной.

От его энергии, я уверен, мы все заряжались желанием действовать и работать. Он, как локомотив, тянул нас и наши изыскания. Это с его подачи и с его помощью мной был подготовлен материал в журнале «Вокруг света» по военно-морским захоронениям в мире. Вместе мы готовили материал по памятнику защитникам Свеаборга в 1854–1855 годах. Он был первый из современных российских исследователей, кто после революции попал на охраняемую территорию военной базы в Финляндии, где находится этот памятник, и сфотографировал его.

Последний раз мы встречались с ним по вопросу истории обороны российского посольства в Китае в 1900–1901 годах. Он просил меня найти воспоминания участников этих событий, которые, как он знал, были в моем распоряжении, и распечатать ему копию. Дальнейшую судьбу этой его задумки я не знаю².

Я не говорю о результатах его работы по другим направлениям истории армии и флота. Он интересовался всем. И везде достигал поставленных целей. Мне очень дорога подаренная им книга «Бизертинский “Морской сборник”» с его дарственной надписью. Она как награда мне за нашу совместную работу.

И хотелось бы сказать о Владимире Викторовиче как о человеке. Он был замечательным товарищем и всегда был готов помочь всем, чем мог. Его помощь при публикации статей в «Вокруг света» в трудных 90-х была неоценима, во всяком случае для моей семьи. Его заинтересованность и энтузиазм служили мне примером отношения к исследовательской работе.

² Статья В.В. Лобыцына и И.Ю. Столярова «Русские матросы в Пекине» опубликована в этой книге.

Памяти подвижника

Для меня знакомство с Владимиром Викторовичем Лобыцыным, перешедшее в крепкую дружбу, началось одним весенним субботним днем 1999 (кажется) года, когда у меня дома раздался телефонный звонок и я, с сожалением оторвавшись от какого-то очередного текста, услышал в трубке жизнерадостный незнакомый голос:

— Здравствуйте, мне рекомендовали вас как крупного специалиста по подводным лодкам!

— Извините, лодками никогда не увлекался...

— Да нет же, — бодро неслось из трубки, — ошибки быть не может, мне верно сказали!

— Да кто сказал-то?

— Вот не помню уже... Так вы не специалист?

— Ну, как вам сказать... В общем-то я занимаюсь совсем другими вещами...

На том этот разговор и закончился, и я уже решил выкинуть его из головы, как минут через пять снова раздался звонок и тот же самый неунывающий голос почти прокричал:

— Ну, все точно — вы специалист по фотоматериалам в части подводных лодок Российского Императорского флота! Мне очень нужны фотографии лодок типа «Барс»!

— Знаете, собирать фотографии совсем не значит быть специалистом по всем кораблям. А что вас конкретно интересует?..

Так началось мое знакомство с Владимиром Викторовичем Лобыцыным, удивительным человеком, который совершенно выбивался из всей нашей довольно устоявшейся тусовки историков кораблестроения и флота. За многие годы я насмотрелся на разных чудачков, иногда излишне погруженных в себя, иногда чересчур суетливых, подчас, как все энтузиасты любимого дела, готовых день и ночь разбирать вороха бумаг и документов, — но В.В. был горячим приверженцем истории любимого русского флота совсем особого рода. Сразу возникало такое чувство, что главная вещь, которую он почитает за незыблемую основу, — это помогать своим коллегам-историкам всем, что только в его силах. Любой факт, любая мелочь, любой контакт, которые могли пролить хоть какой-то свет на интересующую тебя про-

¹ Виноградов Сергей Евгеньевич. Родился в 1960 году. Кандидат исторических наук. Специалист по истории тяжелых артиллерийских кораблей периода 1860–1922 годов.

блему, если В.В. только становилась известна подобная потребность, сразу пускались им в дело. «А вот вы слышали, была такая статья... а вот там-то об этом было что-то... а вот такого-то вы знаете? Быстро пишете телефон...» — и следовали группа цифр и фамилия-имя-отчество, за которыми мог скрываться ответ на глущий вопрос.

Самое поразительное, что это действовало. Я в начале 2000-х работал над темой линкора «Императрица Мария», и мне надо было делать раздел о его боевой службе, в общем тогда совершенно малоизученной. То есть если бы я шел обычным путем, мне бы пришлось поехать в Петербург, заказать в РГА ВМФ вороха дел из нескольких фондов, где могли бы отложиться строевые рапорта, донесения об операциях, акты, ведомости и т.п., — и, вычесывая из них сведения, постепенно набрать искомую фактуру. За обычную поездку я отработываю 8–10 дел, стало быть, для создания приличной картины по боевому пути знаменитого дредноута мне понадобилось бы 3–5 поездок, то есть год-полтора. Но В.В. предложил совершенно иной путь:

— Знаете, есть у меня хороший знакомый — Денис Козлов, занимается боевой деятельностью Черноморского флота в Первой мировой войне. Он нашел в Лефортово какой-то пласт со всеми донесениями о боевой деятельности черноморцев в Ставку. Вот телефон (последовали семь цифр), скажете — от меня.

— Но я совсем не...

— Ничего, после как-нибудь познакомитесь.

Естественно, к моей просьбе отнеслись совершенно исчерпывающе, и вот весной 2002 года я за три месяца работы в РГВИА набрал прекрасный материал, за лето превратил его в текст недостающей главы, а осенью уже вышла книга. То есть благодаря инициативе В.В. у меня сэкономилась масса времени и сил, не говоря уже о средствах.

Говоря о теме «Императрицы Марии», хочу еще отметить, что, зная мой интерес к истории этого корабля, В.В. как-то по собственной инициативе заказал для меня в РГА ВМФ чертежи вентиляции носовой 12-дюймовой башни линкора. Именно из ее надпалубных грибков валил дым при начале пожара злосчастным утром 7 (20) октября 1916 года. На мое замечание, что «я пока взрывом дредноута заниматься не собираюсь», сразу последовал четкий ответ: «Ничего-ничего, вопрос-то вы ведь когда-нибудь закрыть должны?» Да и с уникальной коллекцией фотоматериалов по подъему корабля в Севастополе в 1917–1919 годах я познакомился также только благодаря В.В.

Его работа по русскому военно-морскому зарубежью — это совершенно особая тема. Тогда только начали поступать в Россию материалы американского фонда «Родина», представлявшие собой вороха пакетов и коробок с бумагами бывших моряков Российского Императорского фло-

та, которых злая судьба забросила после революции и Гражданской войны на чужбину. Однако они не растворились бесследно, не потеряли духовной связи с Отчиной и пытались в далеком краю по мере сил нести правдивое слово о былом. Эти люди по месту их оседания — в Бизерте, Париже, Праге, Нью-Йорке — организовывались в группы и небольшие сообщества, поддерживали друг друга. Они даже осуществляли выпуск изданий, в которых без прикрас и цензуры показывали жизнь русского флота до и во время Великой войны 1914–1918 годов, а также честно рассказывали о событиях революции и Гражданской войны, похоронивших и прежнюю Россию, и ее флот. В бумагах «Родины» содержалось большое количество дневников, личных писем, фотоматериалов. Все это собрание было совершенно не каталогизировано и не описано, и В.В., взявшись за эту титаническую работу, привлек в 2000–2001 годах в качестве спеца по тогдашней военно-морской технике и меня.

Я стал бывать в том замечательном особнячке у метро «Кропоткинская», где на втором этаже стояли горы коробок с материалами из Америки, и мы потратили несчетное количество часов, разбирая, сортируя и раскладывая все это (В.В., конечно, бывал там постоянно). Именно тогда мне открылся безбрежный мир русского военно-морского зарубежья, множество замечательных публикаций, к которым неутомимый В.В. постоянно пытался привлечь внимание: «А вот еще по вашей теме... А вот еще очень интересное...» — он ни одного раза не позволил себе тыкнуть (хотя был много старше), это — бесспорный признак истинной интеллигентности, столь нечастой ныне.

Еще я вспоминаю нашу работу над «Мартирологом русской военно-морской эмиграции», пожалуй, главной его публикацией. То есть касательства к тексту я не имел, просто, когда он узнал, что свои тексты я довожу до полной допечатной подготовки, попросил меня сверстать книгу и сделать кальки. Тут была одна тонкость — кальками я до этого не занимался, поскольку они исполняются в зеркальном отражении, а мой домашний «Word» такой задачи не решал. Но и эта проблема была преодолена — в один прекрасный день В.В. появился у меня дома с каким-то немного заумного вида пареньком, который установил необходимую программу, и через непродолжительное время из принтера начали вылезать кальки со страницами макета (кальки тоже он раздобыл). Я не упомяну ни одного случая, чтобы В.В. не мог найти решения проблемы, вставшей на его пути, — причем делалось это всегда быстро, четко и тихо: поразительная способность работать без стонов и ложнопафосного кряхтения.

Круг его общения в нашей среде был весьма обширен — морские историки обычно живут своего рода затворниками, погруженными в свою тематику, и, что греха таить, подчас несколько ревниво погля-

дывают на деяния коллег. Наверное, я и сам отчасти из таких, но вот В.В. и здесь выбивался из стереотипа. Он постоянно кому-то названивал, тормозил, знакомил, убеждал, требовал, доставлял какие-то ксерокопии статей — в общем, вел себя как заботливая наседка. Если приглашал зайти в гости в свою уютную однокомнатную квартиру в Астраханском переулке со стенами, увешанными фотографиями кораблей и портретами моряков (все, как полагается, в рамках, под стеклом), — обязательно накрывал стол для чаепития и сам внимательно следил, чтобы съедено печенья и конфет и выпито чаю было изрядно.

Вообще, это был очень активный человек. Любил поругать чиновников от флота и его истории, «губящих все дело на корню». Осенью не мог дожидаться снега, чтобы совершить любимую лыжную пробежку. Абсолютно бескорыстный, исключительно порядочный, чуткий, ранимый. Известие о болезни В.В. воспринималось как какая-то глубокая несправедливость, хотя он бодрился, не падал духом и дел своих не прекращал. Весть о его кончине застала меня в Петербурге, в читальном зале РГА ВМФ на Миллионной — там, где сосредоточена история Русского флота, которой В.В. посвятил жизнь. Если честно, его очень не хватает, такие люди просто незаменимы.

*П.И. Науменко*¹

Нас всех объединила Бизерта

Занимаясь историей Русской эскадры в Бизерте, я не мог не познакомиться с Владимиром Викторовичем Лобыцыным. В 2000 году, находясь в Тунисе, в Бизерте, в гостях у Анастасии Александровны Ширинской-Манштейн, проводя ознакомительные походы по окрестностям этого тунисского порта, связанным с историей эскадры, я понимал, что нахожусь только в начале пути, который я решил пройти, чтобы изучить историю русской военно-морской эмиграции в этой африканской стране. Проживая далеко от столиц, занятый службой, я понимал, что на далеком Урале мне будет сделать это совершенно невозможно. Нужны были те, кто помог бы мне и направил меня в нужное русло. Вечером за чаем в беседе с Анастасией Александровной я поделился с ней своими соображениями. На удивление, она с готовностью вызвалась мне по-

¹ Науменко Павел Игоревич. Родился в 1965 году. По образованию — юрист. Много лет занимается историей Русской эскадры в Бизерте.

мочь, тут же снабдив меня адресами и номерами телефонов ряда людей, которые, по ее мнению, были в состоянии и готовы мне помочь. Среди этих имен было и имя Владимира Викторовича Лобьцына. Говоря о нем только в превосходной форме, Анастасия Александровна рекомендовала связаться с ним в первую очередь.

По возвращении домой меня захватил вихрь накопившихся дел, забот и хлопот. Помимо этого, много времени отнимали разбор привезенного материала, его систематизация и анализ. Вместе с тем по мере работы с ним чувствовалось, что пора уже выходить на рекомендованных А.А. Шириной людей. В один из весенних вечеров 2001 года я с трепетом набрал номер Владимира Викторовича, внутренне ожидая беседы мэтра с дилетантом или отповеди в виде ссылок на занятость. Каково же было мое удивление, когда, сбивчиво представившись и сославшись на рекомендацию А.А. Шириной, я сразу почувствовал в собеседнике истинную заинтересованность и доброжелательность! Почувствовав это, я обрел уверенность, и наша беседа протекала долго и закончилась договоренностью созваниваться и по возможности побыстрее встретиться в Москве. Такое начало заочного знакомства очень окрылило меня! В своем собеседнике я увидел человека, который с удовольствием поможет мне и направит мои розыски в правильном направлении. Оставалось одно — найти повод для поездки в Первопрестольную. Однако и этот первый звонок уже дал новое направление моим новым знакомствам и встречам. В беседе Владимир Викторович, узнав, что я проживаю в Челябинской области, попросил меня встретиться с челябинской журналисткой Л. Окуновой, которой он помогал в создании фильма о крейсере «Жемчуг», погибшем в малазийском Пенанге в 1914 году. Его просьбу удовлетворить было легко, и после поездки в Челябинск и знакомства с Л. Окуновой, с которой мы впоследствии сняли фильм «Морская фамилия», я отправил в Москву копию ее фильма «Русские обломки». А вскоре представилась возможность побывать в Москве. Я снова собирался в Тунис и специально отправился туда из Москвы, ради встречи с Владимиром Викторовичем.

И вот состоялось знакомство. Владимир Викторович сразу произвел на меня впечатление своей непохожестью на тот образ, который был в моей голове. Я увидел молодого, подтянутого человека с военной выправкой и манерами явно «дореволюционными». Устроив мне короткий экзамен по знанию истории Русской эскадры, он остался вполне удовлетворен моей подготовкой, и между нами сразу установились теплые, дружеские отношения! Владимир Викторович в то время заканчивал вместе с группой своих единомышленников работу над «Мартирологом русской военно-морской эмиграции», и я был рад, что смог помочь ему установить судьбу одного из бизертинских гардемарин. И эта поправ-

ка вошла в окончательную редакцию издания. Разумеется, после моего возвращения из Туниса мы опять встретились, и я был рад показать ему новые добытые материалы, которые вошли потом в подготавливаемый группой историков «Бизертинский морской сборник».

Постепенно наше сотрудничество крепло и развивалось. Владимир Викторович, почувствовав во мне не поверхностного любителя истории, все больше вовлекал меня в круг своих знакомых и дал мне хорошую установку и пример, как нужно заниматься исследовательской деятельностью. В одну из встреч он предложил мне подумать о создании «Бизертинской хроники» — хронологии жизни Русской эскадры в 1920–1924 годах. Идея была интересная и пришлась мне по вкусу. Проблемой было отсутствие многих данных и разрозненность отдельных материалов. И тут опять же Владимир Викторович выручил меня, предоставив для работы материалы по Русской эскадре, полученные из США, из фонда «Родина». И в последующем он часто предоставлял мне раритетные материалы для моей работы.

Однажды узнав, что Владимир Викторович поклонник лыж и мечтает покататься на них от души, я пригласил его вместе с его замечательной супругой Маргаритой Михайловной приехать ко мне на Урал. Он с большой готовностью согласился, и он и его супруга были моими гостями пару зимних недель! Все это время Владимир Викторович с женой катались на лыжах, знакомились с красотами нашей природы. Мы ездили и по окрестностям, побывав в таких малоизвестных для большинства городов Южного Урала, как Сатка, Бакал, Рудничный... Повезло с погодой. Зима за все время его пребывания была снежной и солнечной! С интересом Владимир Викторович осмотрел и вокзал на станции Вязовая, на который прибывают люди, направляющиеся в наш город. Интерес был вызван тем, что осенью 1919 года на нем произошла встреча Верховного правителя России адмирала А. Колчака с командующим Западной армией генералом М. Ханжиным. Вокзал и перрон с тех пор изменились мало, и можно было воочию представить такие же заснеженные горы, почетный караул на перроне, в заиндевельх шинелях и папахах, с синими башлыками, марш «Прощание славянки», рапорт начальника караула, проход адмирала и встречавшего его генерала. Вообще, Урал произвел на Владимира Викторовича очень сильное впечатление, и я очень жалею, что у него больше не представилось возможности приехать сюда снова.

В один из дней пребывания у меня в гостях Владимир Викторович высказал идею о выступлении на местном ТВ. Он хотел пообщаться с горожанами, рассказать об истории Российского флота, о своих изысканиях. Маленький уральский городок не избалован интересными событиями, новостями, и я, конечно, поддержал его в этом стремлении. Познакомив Владимира Викторовича с директором местного телека-

нала, мы быстро договорились о времени прямого эфира. В назначенный день Владимир Викторович выступил на телевидении, рассказал о себе, о своей деятельности, показал только что изданный «Бизертинский “Морской сборник”», ответил на вопросы наших горожан, которых было достаточно много. В заключение своего выступления, говоря о том, что история флота объединяет многих людей, разных профессий, возраста, социального уровня, и имея в виду, что благодаря истории Русской эскадры они имеют возможность знакомиться и встречаться, делая в принципе одно дело, Владимир Викторович сказал простую, но очень смысловую фразу: «Нас всех объединила Бизерта...»

Время, проведенное на Урале, пролетело быстро, и мы снова прощались с Владимиром Викторовичем на том самом перроне вязовского вокзала, помнившего адмирала Колчака и генерала Ханжина. Прощались в самых теплых чувствах, с планами новых проектов, в которых и мне отводилось участие. Не предполагал я, что наша следующая встреча будет сильно омрачена известием о страшной болезни Владимира Викторовича. Перед моим очередным отъездом в Тунис я, по обыкновению, побывал в гостях у Лобыщных. Поставив меня в известность о случившемся, Владимир Викторович проявил твердую надежду на лучшее будущее и предложил мне заняться подготовкой к публикации рукописи капитана 2-го ранга Н.А. Монастырева «Записки морского офицера». Идея мне понравилась, тем более что во время своих путешествий по Тунису мне удалось собрать о Н.А. Монастыреве много уникальных сведений и материалов. Та поездка в Тунис тоже была связана с его именем, поскольку предполагались съемки материала для фильма «Морская фамилия», после которых я планировал уехать в Табарку для встреч с людьми, лично знавшими Н.А. Монастырева. Кроме этого я планировал записать большое видеоинтервью А.А. Ширинской о семье Монастыревых, которых она хорошо знала.

Несмотря на прогрессирующую болезнь, Владимир Викторович не ослаблял внимания к моей работе с монастыревской рукописью. Работа спорилась, и дело продвигалось. Но кроме меня у него была и другая работа, в частности он работал над книгой «Морские рассказы русского зарубежья». Мы часто созванивались, беседовали. В начале 2005 года моя работа над рукописью Н.А. Монастырева была закончена, и мы обсуждали с Владимиром Викторовичем дальнейшие шаги по реализации проекта с книгой. К сожалению, болезнь помешала ему довершить начатое. Моя работа попала в иные руки, и книга вышла без моего участия и без упоминания о проделавших работу по расшифровке рукописного текста.

Наше последнее свидание с Владимиром Викторовичем Лобыщным состоялось весной 2005 года в Москве. Оно было кратким. Он собирал-

ся, как оказалось впоследствии, в свою последнюю зарубежную поездку в Грецию. Мы общались всего несколько часов, беседуя о предстоящей поездке, о готовящейся книге. Я проводил его до Казанского вокзала. Там он пересаживался в такси до аэропорта. Вот так возле машины мы и пообщались в последний раз... А уже летом этого года мне позвонила на Урал наша общая с ним знакомая О.Р. Сидельникова-Вербицкая и сообщила, что Владимира Викторовича Лобыцына больше нет...

Разумеется, есть люди, знавшие его намного больше и лучше меня, которые могли бы рассказать о нем гораздо больше и интереснее, но для меня общение с этим человеком стало эпохальным. Именно он ввел меня в круг историков, и всем, что мне удалось сделать и добиться, я обязан только ему, его советам, бесценной помощи и заботе. Именно благодаря Владимиру Викторовичу круг моих знакомств расширился невероятно широко, у меня появились новые друзья-историки, которые могут помочь мне и с которыми мы постоянно контактируем. Без В.В. Лобыцына это было бы невозможно... Ощущая себя членом некоей семьи единомышленников-историков, я никогда не забываю его точные и простые слова: «Нас всех объединила Бизерта».

В.В. Владимирова¹

Честь офицера, служение Отечеству, любовь к Русскому флоту

Северная Африка. Тунисский порт Бизерта. Изумительно хорошая погода, голубое небо отражается в спокойной воде, далекий-далекий горизонт и по-детски ласковое море. Задумчиво я шла вдоль волно-резов, горячее солнце обжигало плечи, на душе было печально и немного грустно: сегодня 23 июня 2006 года. Ровно год назад не стало Владимира Викторовича Лобыцына — историка Русского флота. Мне довелось не так долго общаться с ним, примерно два года, но добрая память о нем и его Риточке, как он называл свою последнюю, горячо любимую супругу (слава Богу, ныне здравствующую), я сохранил на

¹ Владимирова Вера Валерьевна. Профессиональный художник и фотограф. Заведующая экспозиционно-выставочным отделом Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

всю жизнь. Бизерта — таинственный город, но для людей, любящих Русский флот и Андреевский флаг, это город памяти и горьких слез...

Владимир Викторович, как он мне рассказывал, служил в технической разведке и говорил так: «Верочка, мы выходили в море, чтоб нас никто не видел и мы никого не видели...» Что еще добавить, разведка... Это была его служба Отечеству, а в свободное от нее время он занимался поиском и изучением судеб моряков отечественного флота, старался из небытия вернуть память о них. Его волновала судьба самого простого матроса или офицера, он устанавливал памятные знаки русским морякам в самых разных уголках земного шара, работал над составлением «Мартиролога русской военно-морской эмиграции», писал книги об офицерах Русского флота, занимался тем делом, без которого, наверное, не смог бы жить. Он говорил: «Надо писать не смотря ни на что, это понадобится молодым историкам».

Если взять в руки «Бизертинский “Морской сборник”. Избранные страницы» (Владимир Викторович был его составителем), то даже человек, мало знающий о Русской эскадре, которая ушла в тунисский порт Бизерта в 1920 году из Константинополя (куда пришла из Крыма), не останется равнодушным к этой странице истории Черноморского флота. Как грамотно, последовательно и по-военному аккуратно Владимир Викторович представил этот материал! Именно ему, морскому офицеру, историку по призванию и человеку, любящему Русский флот, попал в руки комплект «Морского сборника» Русской эскадры. Теперь не одно поколение будет читать эту книгу и гордиться русскими моряками, завершившими свой последний поход в Северной Африке. «Здесь, в Бизерте, русские моряки оказались все в одинаковом положении без различия чинов и образования. Достоинство — вот отличительная черта русских моряков на чужбине» (А. Ширинская). В том, что сохранилась о них память, большая заслуга Владимира Викторовича Лобыцына.

В Бизерту я приехала по его «благословению». Мне посчастливилось пообщаться с легендарной Анастасией Александровной Манштейн-Ширинской, побывать на русском кладбище, поклониться нашим могилам на чужбине. На память я постаралась отснять как можно больше фотоматериала, связанного с Русской эскадрой. Перемещаясь по узким и пыльным улочкам Бизерты, слыша заунывное пение муэдзина с минарета, я пыталась понять и хоть на мгновение почувствовать ту далекую жизнь моряков Черноморского флота, навсегда покинувших свою Родину. Судьбы русских моряков, страдания людей из далекого прошлого — все перемешалось с несущимся ветром сирокко из пустыни... Как это невыносимо тяжело... «Ждать писем, которые никогда не придут...» (А. Ширинская). Не один раз я вспоминала

Владимира Викторовича, он пропускал через свое сердце судьбы всех моряков. Сколько в нем было глубины и сострадания!

Так сложилось, что моя дипломная работа по живописи в институте была посвящена герою Российского флота Александру Васильевичу Колчаку. Именно легендарный адмирал и стал предметом нашей первой встречи с Владимиром Викторовичем в Российском фонде культуры в январе 2004 года.

...В фойе фонда стоял элегантный мужчина невысокого роста, очень аккуратно одетый, подстриженный по-военному коротко, правым локтем слегка облокотившийся на стойку гардероба; коричневая жилетка, которую украшал маленький значок в виде Андреевского флага, сочеталась с голубой сорочкой и темно-синим галстуком, улыбочивое лицо, глаза светились доброжелательностью и глубоким интеллектом. Во всем его образе чувствовалось что-то из позапрошлого столетия, было видно, что он воспитан другой культурой...

Первая фраза меня несколько смутила: «Вера, по-моему, мы с вами были знакомы, и я вас знаю очень давно...» — вот и не верь в родственность душ... Проговорив о Колчаке не один час, Владимир Викторович предложил мне представить выставку моих работ, посвященных Колчаку, в Кисловодске, в театре музея «Благодать». Он рассказал, что несколько лет назад там открылась новая экспозиция, названная «Неизвестный Колчак». Концепция выставки, документальные материалы, книги, фотографии — все было собрано и подготовлено Владимиром Викторовичем.

У него было свое, очень личное, уважительное отношение к Александру Васильевичу. Целью нашей поездки было показать документальный фильм о Колчаке с рассказом Владимира Викторовича и представить мою выставку. Все было готово к поездке, но за два дня до отъезда случилось непоправимое. На улице был гололед, и, выходя из своего подъезда, Владимир Викторович поскользнулся и упал. Начался иной отсчет времени. Поездку не стали отменять. Владимир Викторович с Маргаритой Михайловной приехали позже меня, к открытию выставки. Владимир Викторович держался мужественно, почти два часа он рассказывал о судьбе Колчака и истории Черноморского флота, в зале была идеальная тишина. Только в тревожных глазах Маргариты Михайловны читалась вся боль, которую преодолевал Владимир Викторович на протяжении всего своего рассказа. Она, его верная подруга, любящая женщина, когда он уже сильно болел, ухаживая за ним, спала по три-четыре часа в сутки, это было нежное и заботливое служение любимому человеку.

Мой первый визит домой к Владимиру Викторовичу состоялся незадолго до поездки в Кисловодск. Жил он с Риточкой в небольшой однокомнатной квартирке, очень уютной, наполненной солнечным светом и

гостеприимством. Когда бы я ни заходила к ним в гости, солнечные лучи скользили по гардинам, по полу или прятались на книжных полках. В доме всегда царил идеальный порядок и все было на своих местах, как и в книгах Владимира Викторовича, — ничего лишнего. В центре комнаты рядом со старинным и немного мрачноватым, как из Средневековья, зеркалом занимали свои почетные места элегантное бюро и деревянный стул с короткой спинкой (сидеть на нем было очень неудобно). Здесь рождались книги, изучались рукописи и вносились правки.

Мое внимание привлекли маленькие фарфоровые фигурки, с любовью расставленные на кружевной салфетке на полочке у зеркала. Я поинтересовалась: «Это Маргарита Михайловна собирает?» — «Нет, это мое увлечение», — с улыбкой сказал Владимир Викторович. Как соединялась в этом человеке любовь ко всему миниатюрному, камерному и громадным кораблям Русского флота, судьбам легендарных адмиралов... На стене висели фарфоровые тарелки с изысканными рисунками, привезенные из разных путешествий. Книжные полки от пола до потолка стояли так скромно, что в этой маленькой комнате они не выглядели громоздкими.

Мне запомнилась полка с книгами, посвященными А.П. Чехову. Владимир Викторович много лет занимался исследованием творчества любимого писателя. На другой полке были книги о русских морях, а перед ними стояли три фигурки деревянных солдатиков. Они являлись своеобразными талисманами: когда Владимир Викторович брал их в руки, глаза его по-детски светились озорством, он смотрел в окно и рассказывал о маме и своем детстве. Каждая вещь дополняла образ хозяина дома. Над маленьким диванчиком размещалась небольшая живописная экспозиция. Здесь были не только марины: несколько акварельных пейзажей, этюд воробья, беседка в осеннем парке, карандашный портрет женской головки и особенно любимый морской пейзаж (с дарственной надписью от художника Д. Белокина) — раннее утро, в сиренево-розовой дымке едва угадывается силуэт парусника... Владимир Викторович очень ценил и почитал творчество этого живописца. А главное, в центре всех картин на маленьком гвоздике и на тоненькой ленточке торжественно жил в этом пространстве офицерский кортик. В этом символе заключалось все: честь офицера, служение Отечеству, память и любовь к Русскому флоту. Владимир Викторович очень дорожил им. Рядом на стене висели сепированные фотографии бабушки и дедушки, фотопортрет мамы. Редкий снимок: семья Лобыцыных встречает Пасху (примерно 1916 год). Неожиданно для себя я увидела, что за дверью висит пара деревянных лыж. Владимир Викторович и Риточка очень любили московскую лыжню. Маргарита Михайловна рассказывала, что ее Вовочка (так она его ласково называла) «всегда прекрасно бегал на лыжах, а она за ним еле попевала». Трогательные у них были отношения...

Хочется вспомнить еще один эпизод. Владимир Викторович работал как составитель и редактор над книгой «Записки подводника» В.А. Меркушова. Для этой книги он попросил меня обработать несколько фотографий. Ее выход совпал с моей поездкой в Париж. Перед отъездом Владимир Викторович торжественно вручил мне книгу, георгиевскую ленточку и церковную свечку, сказав: «Вера, будете на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, найдите могилу командира подводной лодки “Окунь” В.А. Меркушова, зажгите поминальную свечу и передайте от меня книгу и Георгиевскую ленточку. Я выполнил обещанное: книга увидела свет». Просьба Владимира Викторовича была исполнена.

У меня на память осталась книга, подаренная Владимиром Викторовичем и Маргаритой Михайловной, «Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века». Это теплый привет из позапрошлого столетия и воспоминание о моих встречах с дорогой четой Лобыщных.

Владимир Викторович любил Русский флот, классическую музыку и русскую живопись. Все, начатое им, он доводил до конца. Он знал, что хотел написать и донести читателю, всегда добивался поставленной цели. Низкий ему поклон и светлая память.

Он там, где нет забот, тревог, печали. Лишь одна тихая любовь... Там он встретится со своей мамой и своими близкими.

*Ю.В. Дойков*¹

Несколько слов о Владимире Лобыщине

Он позвонил мне в Архангельск...

Вероятно, была весна 2001-го...

Спросил о воспоминаниях Бориса Вилькицкого «Когда, как и кому я служил под большевиками»².

¹ Дойков Юрий Всеволодович. Родился в 1955 году. Кандидат исторических наук.

² *Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками // Архивы русской эмиграции / под ред. А.Г. Пронина, А.А. Геринга. Fresno, CA, 1974. Т. 5. С. 11–55. Это уникальное издание, выпущенное тиражом 100 экз., до недавнего времени отсутствовало в российских книжных собраниях.

Ксерокопию воспоминаний я привез из Штатов лет за десять до звонка...

Так что первая публикация в России воспоминаний адмирала в некоторой степени и заслуга Владимира...

Сто экземпляров было отпечатано в Архангельске...³

Осенью того же года мы познакомились и лично...

В фойе Ленинки в Москве он передал мне рукопись воспоминаний лейтенанта флота Дмитрия Астафьева: «Печатайте в Архангельске».

Напечатал. Сначала в «Моряке Севера», затем отдельным изданием...⁴

С тех пор иногда он звонил мне, иногда я ему...

Было печально узнать о его преждевременной смерти.

Он еще многое бы мог сделать...

Н.А. Кузнецов

Владимир Викторович Лобыцын: страницы биографии

«...Меня всегда по-человечески задевает, если кто-то несправедливо забыт, обделен судьбой, а в то же время достоин того, чтобы о нем знали, и все, что он написал, было издано», — заметил Владимир Викторович Лобыцын в своем интервью газете «Русская мысль», опубликованном в этом сборнике. А ведь эти слова в полной мере относятся к нему самому! О человеке, воскресившем из небытия сотни имен, мы знаем обидно мало. Даже в немногочисленных статьях, посвященных его памяти, вышедших после смерти, приводятся лишь самые общие сведения о его жизни. А ведь его «военная и техническая биография» очень интересна, и именно она оказала значительное влияние на его творческую и научную деятельность в гуманитарной сфере. Н.А. Черкашин очень точно отметил в своих воспоминаниях:

³ *Вилькицкий Б.* Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания белогвардейского контр-адмирала / публ., предисл. и примеч. Ю. Дойкова. Архангельск, 2001.

⁴ *Астафьев Д.* Зима 1919–1920 в Архангельске и эвакуация в Норвегию: Воспоминания белогвардейского лейтенанта флота / публ., предисл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2011.

«У него, военного инженера, не было базового исторического образования, но с историческим материалом он обращался с инженерной точностью».

При жизни Владимир Викторович практически никому ничего не рассказывал о своей военной службе и работе в Институте океанологии РАН им. П.П. Ширшова. В рядах вооруженных сил он занимался укреплением обороноспособности страны, а понятие военной и служебной тайны люди того поколения хранили и хранят свято. Сейчас, по прошествии времени, можно немного рассказать о жизненном пути В.В. Лобыцына, опираясь на материалы его личного дела, хранящегося в архиве Института океанологии, и открытые источники информации. За возможность ознакомиться с личным делом от всей души благодарю директора института академика РАН Роберта Искандеровича Нигматулина и начальника отдела кадров Людмилу Сергеевну Репину.

Владимир Викторович Лобыцын родился 28 января 1938 года в городе Высоковске Московской области в семье Виктора Степановича Лобыцына (1911–1944) и Алевтины Михайловны Тюриной (1914–1998).

В.С. Лобыцын был кадровым офицером Рабоче-крестьянской Красной Армии, артиллеристом. Он начал службу в 1932 году, активно участвовал в Великой Отечественной войне. С июня 1941 года — на Северо-Западном и Калининском фронтах, с января 1943 года — на Воронежском и Степном, с ноября 1943 года — на 1-м Украинском фронте. В 1941 году под Ржевом В.С. Лобыцын получил ранение. 15 сентября 1943 года он был награжден орденом Красной Звезды. Погиб Виктор Степанович Лобыцын 23 июля 1944 года во время Львовско-Сандомирской операции на Западной Украине, в районе села Жукув Золочевского района Тарнопольской области, будучи помощником начальника штаба артиллерии 183-й стрелковой Харьковской Краснознаменной дивизии, в звании капитана. Похоронен в поселке Поморяны, недалеко от места гибели.

В посмертном представлении к ордену Отечественной войны II степени от 9 августа 1944 года командующий артиллерией 183-й стрелковой дивизии полковник Семикин писал: «При прорыве сильно укрепленной обороны противника и развертывании успешного наступления капитан Лобыцын проявил мужество и героизм — в ожесточенных боях, будучи несколько раз в окружении, сам лично, вместе с пехотой, отражал контратаки противника и, уничтожая немцев, выходил из окружения, принося ценные сведения о группировке его на данном участке. За время боев сам лично обнаружил 20 танков, 4 огневых позиции 105-мм орудий, 10 мин[ометных] батарей, 10 бронетранспортеров, 25 пулеметных точек и своевременно давал заявку артиллерии на уничтожение. Под его руководством разведчиками было убито до 100 человек пехо-

ты противника и взято в плен 25 солдат противника. 21 и 22.7.44 г. для обеспечения выполнения задачи по разведке противника организовал передовой наблюдательный пункт впереди боевых порядков пехоты, преследуя отходящего, битого противника. Давал сведения о количестве арьергардных групп противника, сам лично с автоматом и ручными гранатами уничтожил 10 немцев. Под огнем врага умело расставлял свои разведывательные силы и искусно управлял разведкой». Приказом по артиллерии 38-й армии 1-го Украинского фронта № 030/Н от 22 октября 1944 года капитан В.С. Лобыцын посмертно был награжден орденом Отечественной войны II степени¹.

Именно с поисков информации о боевом пути и обстоятельствах гибели отца начались исторические разыскания Владимира Викторовича. В советское время, при полной засекреченности архивов Министерства обороны, это было очень непростым делом даже для военнослужащего. 183-я стрелковая Харьковская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия закончила войну в Чехословакии. Поэтому Владимир Викторович активно принимал участие в работе Общества советско-чехословацкой дружбы, опубликовал одну из своих первых заметок в журнале, выпускавшемся советским Агентством печати «Новости» для ЧССР. Как рассказал его младший сын Виктор Владимирович, В.В. Лобыцын много и охотно помогал «красным следопытам» — школьникам — участникам поискового движения, собиравшим информацию о ветеранах войны и погибших.

Возможно, желание пойти по стопам своего отца и привело В.В. Лобыцына к решению в 1955 году поступать в Артиллерийскую академию Отечественной войны радиотехническую академию Советской Армии имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. Это учебное заведение было создано 17 мая 1941 года приказом народного комиссара обороны СССР о формировании на базе 2-го факультета (противовоздушной обороны) Военной академии им. М.В. Фрунзе Высшей военной школы противовоздушной обороны Красной Армии (ВВШ ПВО КА). В истории академии период второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов охарактеризован следующим образом: «Разработка новых учебных планов и программ проводилась в измененных условиях. Министерство высшего и среднего специального образования сняло ряд требований по обязательному перечню общенаучных и общетехнических дисциплин в учебных планах инженерно-технических вузов. Предоставлялась большая самостоятельность в решении этих вопросов

¹ Информация об участии В.С. Лобыцына в Великой Отечественной войне приведена по материалам интернет-портала «Подвиг народа» URL:<http://podvignaroda.mil.ru>.

отраслевым министерствам и ведомствам, для которых вузы готовили кадры. Это позволило академии исключить из учебных планов такие дисциплины, как химия, сопротивление материалов, технология металлов, техническая механика и др., не имеющие принципиального значения в подготовке военных инженеров по радиолокации. В результате появилась возможность существенного повышения радиотехнической подготовки слушателей как за счет увеличения времени на изучение специальных дисциплин, так и за счет обогащения их содержания. Разделы же исключенных дисциплин, имеющие важное значение в подготовке военных инженеров по радиолокации, сохранились в ряде специально-технических и профилирующих дисциплин. Таким образом, был сделан крутой поворот к усилению радиотехнической направленности подготовки слушателей»². В 1960 году В.В. Лобыцын с отличием окончил академию, получив квалификацию военного инженера по радиолокации.

Его первым местом службы стал НИИ-2 Министерства обороны СССР, расположенный в городе Калинин (так в 1931–1990 годах называлась Тверь). Начало его создания относится к 1935 году. В 1956 году советским правительством было принято решение о создании специального НИИ Министерства обороны по разработке теоретических и практических проблем, концепций и доктрин построения ПВО страны. В 1957 году Институт стрельбы зенитной артиллерии Академии артиллерийских наук был объединен с 9-м Научно-испытательным центром истребительной авиации ПВО (г. Курск), переименован во 2-й научно-исследовательский институт войск ПВО и переведен в Калинин.

В задачи института входило: системное исследование перспектив развития вооружения ПВО, форм и способов его боевого применения, организации ПВО территории страны и вооруженных сил, активное участие в проектировании вооружения ПВО, его испытаниях, перевооружении войск на новую технику; развертывание работы в области формирования концепции и научно-технической доктрины построения противокосмической обороны страны.

В Калинин прошли первые четыре года службы В.В. Лобыцына в качестве инженера одного из отделов института. В 1964–1968 годах Владимир Викторович занимал должность младшего военпреда 201-го военного представительства Министерства обороны СССР в Москве.

С июня 1968 года по сентябрь 1983 года В.В. Лобыцын служил в 45-м Центральном научно-исследовательском институте Министерства обороны в должностях от младшего до старшего научного со-

² Академии им. Говорова Л.А. — 50 лет: Юбилейное издание. URL: http://arta46.narod.ru/history/arta50/book_content.htm.

трудника. Здесь же в 1969 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

«История зарождения 45-го Центрального научно-исследовательского института начинается в 50-х годах прошлого столетия и неразрывно связана с историей создания систем и средств ракетно-космической обороны. Эти годы характеризуются значительными успехами в области развития ракетно-ядерных средств нападения, которые коренным образом изменили всю военно-политическую обстановку в мире. Возникла реальная опасность нанесения по нашей стране ракетно-ядерного удара, о чем красноречиво свидетельствуют исторические материалы, ставшие доступными широкой общественности в последние годы. Новые угрозы безопасности государства с особой остротой поставили вопрос о необходимости создания противоракетной обороны наиболее важных стратегических объектов страны» — написано в истории учреждения³. В 1960 году был сформирован Специальный вычислительный центр Министерства обороны (СВЦ-4), который в декабре 1961 года преобразовали в Специальный научно-исследовательский институт № 45 Министерства обороны (СНИИ-45 МО)⁴.

45-й ЦНИИ выполнял работы и в интересах Военно-морского флота. Владимир Викторович неоднократно принимал участие в походах боевых кораблей, гордился знаком «За дальний поход», полученным им. Завершающий этап его службы связан с созданием уникального, не имеющего аналогов в мире, корабля командно-измерительного комплекса (КИК) «Урал». Основной задачей кораблей подобного класса, развитие которого активно шло и в СССР, и в США, является проведение измерений, дающих возможность определять элементы траектории ракет и контроль работы систем и агрегатов, установленных на них.

В 1972 году начались работы по созданию кораблей КИК нового поколения. Разработкой тактико-технического задания занимались ленинградское ЦКБ «Айсберг» и ЦНПО «Вымпел» Министерства радиопромышленности (в качестве головной научно-исследовательской и проектно-конструкторской организации)⁵. На корабле планировалось установить автоматизированную радиоэлектронную систему «Коралл» — комплекс сложнейших технических устройств, предназначенных для взаимодействия между собой при подготовке и в процессе измерений, а также обеспечения обработки результатов работы

³ Сорок пять сорок пятому / авт.-сост. Ю.Н. Третьяков. М., 2005. С. 16. URL: http://old.vko.ru/article.asp?pr_sign=archive.2005.25.10.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ См.: *Климов В.В., Старшинов В.А.* Корабль командно-измерительного комплекса «Урал» // Судостроение. 2015. № 1. С. 36.

различных измерительных средств (для этого в нее входил электронно-вычислительный комплекс «Эльбрус»)». По воспоминаниям участников проектирования «Урала», «корабль строила вся страна. Только к созданию системы «Коралл» было привлечено более 200 научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, заводов-изготовителей и монтажно-построечных организаций. Учитывая сложность и многоплановость работ по кораблю и системе «Коралл», был создан межведомственный координационный совет под руководством заместителя министра судостроительной промышленности, который отслеживал ход строительства корабля и принимал оперативные решения по всем возникавшим вопросам»⁷.

С 1976 года ответственность за военно-научное сопровождение разработки по системе «Коралл» была возложена на войска ПВО. 45-й ЦНИИ стал головной организацией по военно-техническому и научно-методическому обеспечению испытаний, а также сопровождению разработки корабельных информационно-измерительных систем и осуществлению координации работ с другими исполнителями. Для решения этих вопросов в 1978 году был образован специальный 71-й отдел испытаний комплексов средств технической разведки и оценки характеристик оружия противника. В.В. Лобыцын стал одним из первых его сотрудников⁸.

Еще на стадии разработки проекта 1941 (шифр «Титан») стало ясно, что корабль получается абсолютно уникальным. «Первоначально корабли такого класса, вооруженные системами специальных технических средств типа «Коралл», предназначались только для контроля испытаний средств стратегического ракетно-космического оружия вероятного противника с целью дальнейшего определения тактико-технических характеристик средств ракетно-космического нападения, противоракетной и противоспутниковой обороны США и других противостоящих Советскому Союзу государств, необходимых для проектирования отечественных систем и средств ракетно-космической обороны. Однако уже в процессе разработки корабля «Титан» с системой «Коралл» была установлена возможность его использования в интересах контроля космического пространства (ККП), прежде всего в Западном полушарии и южных широтах Мирового океана»⁹.

В 1981 году «Урал» заложили на Балтийском заводе, в 1983 году он был спущен на воду и в 1989 году вошел в строй. Помимо технических

⁶ Климов В.В., Старишинов В.А. Корабль командно-измерительного комплекса «Урал». С. 40.

⁷ Там же.

⁸ Сорок пять сорок пятому. С. 683.

⁹ Там же.

возможностей поражают основные данные корабля: водоизмещение (полное) 35 200 т, длина — 265 м, мощность атомной энергетической установки — 46 000 лошадиных сил. 21 сентября 1989 года, совершив 59-суточный переход, «Урал» пришел на Тихоокеанский флот, к месту своей службы. К сожалению, она оказалась недолгой, хотя работа его космическо-разведывательного комплекса вызывала восхищение специалистов. «Результаты эксплуатации корабля показали, что ВМФ оказался не подготовленным к приему в свою структуру принципиально нового и уникального корабля из-за отсутствия должного комплекса берегового базирования и недостаточного комплектования корабля необходимыми специалистами. Отчасти это можно объяснить тем, что в начале 90-х годов военно-политическое руководство страны выдвинуло тезис — “нынче такие корабли нам больше не нужны”. Директивой Генштаба Вооруженных Сил РФ от 6 октября 1994 года корабль был переведен в режим длительной стоянки (отстоя), с чего и началась его медленная гибель» — так, на наш взгляд еще довольно мягко, рассказали о судьбе уникального «Урала» судостроители¹⁰. В 2010 году корабль отправили на утилизацию на завод «Звезда». Для любого мыслящего человека очевидно, что это лишь маленькое звено в реализации программы уничтожения Вооруженных сил СССР и России, начавшейся во времена «перестройки».

В сентябре 1983 года Владимир Викторович Лобыцын уволился из рядов Вооруженных сил в звании подполковника-инженера и начал работать в Институте океанологии им. П.П. Ширшова Академии наук СССР (впоследствии — Российской академии наук), куда был принят по конкурсу на должность старшего научного сотрудника отдела экспериментальной и космической океанологии. Темой его научной работы стало исследование явлений на поверхности океана радиофизическими методами. С ноября 1983 года по май 1985 года В.В. Лобыцын работал в кабинете исследований океана дистанционными методами, с мая 1985 года — заведующим группой радиофизических методов.

Под его руководством в 1984–1985 годах была создана станция приема спутниковых изображений поверхности океана в оптическом, инфракрасном и СВЧ-диапазонах и разработана методика ее использования на научно-исследовательских судах. В 1986 году ее успешно испытали в 11-м рейсе научно-исследовательского судна «Витязь».

В аттестации заведующий отделом доктор физико-математических наук В.Н. Пелевин отметил, что научные статьи и доклады Владимира Викторовича «всегда отличались хорошим стилем». Это неудивитель-

¹⁰ Климов В.В., Старшинов В.А. Корабль командно-измерительного комплекса «Урал». С. 40–41.

но — к этому времени из-под пера Лобыцына вышло уже около трех десятков научных работ и он активно занимался исследовательской деятельностью, связанной с историей и литературоведением, в архивах и библиотеках. Ее результатом стали небольшие статьи в самых разных изданиях (первая вышла в 1974 году на страницах «Филателии СССР»). В той же аттестации написано: «Лобыцын В.В. проявил себя как хороший организатор и участник прибрежных и морских экспедиций, в том числе — международных (“Карибэ — Интеркосмос-88”, “Восточное море — 89”). С 1990 года после возвращения из совместного с Ленинградским гидрометеорологическим институтом рейса на н[аучно]-и[сследовательском] с[удне] “Профессор Сергей Дорофеев” Лобыцын В.В. является помощником директора института по научно-организационной работе. Находясь на этой должности, организовал две и провел одну советско (российско)-греческую экспедицию по программе ДЮМАНД (22-й рейс н[аучно]-и[сследовательского] с[удна] “Витязь”, 29-й рейс н[аучно]-и[сследовательского] с[удна] “Академик Мстислав Келдыш”»).

За сухим перечислением должностей, судов, рейсов и выполнявшихся работ стоит интереснейший период жизни В.В. Лобыцына. Суда Института океанологии работали во всех районах Мирового океана. Именно тогда Владимир Викторович воочию увидел многие места, связанные с событиями истории Российского флота. В этот период появляются его статьи, посвященные кораблям и судам, носившим имя «Витязь» (самым известным из которых является научно-исследовательское судно, в настоящее время установленное на вечную стоянку в Калининграде). Тогда же началась и его деятельность по увековечению памяти наших моряков в мемориальных знаках. Именно в очередном рейсе «Витязя» (уже четвертого по счету, вступившего в строй в 1981 году) Лобыцын посетил греческий порт Пилос, где впоследствии его стараниями появилась мемориальная доска с фамилиями моряков, погибших в Наваринском бою в 1827 году.

В Институте океанологии Владимир Викторович проработал до 1993 года. В 90-х годах научные проекты стали сворачиваться, суда больше занимались коммерческими рейсами, а то и вовсе ржавели у причалов или списывались «на иголки». А в жизни В.В. Лобыцына наступил новый, не менее увлекательный этап — работа специальным корреспондентом одного из старейших российских журналов — «Вокруг света». В 1983–2000 годах его возглавлял Александр Александрович Полещук. С конца 1980-х годов журнал (который и в «застойные» годы всегда был своеобразным окном в мир для советского человека) стал одним из самых интересных изданий, каждый номер которого читался на одном дыхании от корки до корки

(чего, увы, совсем не скажешь о нынешнем журнале, который, по сути, является совершенно другим изданием, рассчитанным не на вдумчивого читателя, а на современного потребителя «глянцевого картона»).

А.А. Полещук поддерживал многочисленные проекты В.В. Лобыцына. Результатом командировок становились не только статьи, рассказывающие о Галлиполи, парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа и других местах русской славы и трагедии (о которых еще недавно ничего писать было нельзя), но и установка памятных знаков. Об этой стороне деятельности В.В. Лобыцына немало написано и в его публикациях, и в воспоминаниях, опубликованных в сборнике. Список этих памятных знаков (приведенный ниже) впечатляет и сам по себе, а если знать, СКОЛЬКО за каждым из них стоит усилий, начиная от работы в архивах и заканчивая десятками писем, телефонных звонков и различных согласований, то он восхищает еще больше... Не говоря уже об удивлении тем, сколько же потрясающих дел может вместить в себя одна человеческая жизнь. Невольно вспоминаются слова Владимира Викторовича, вынесенные в заголовок интервью в «Русской мысли»: «У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней»... При этом ни в одной публикации и ни в одном публичном выступлении Лобыцын никогда не говорил о том, что установка того или иного памятного знака — его заслуга. Он всегда скромно отмечал, что это инициатива редакции журнала «Вокруг света».

А какими необычными в наше время, когда практически любой человек может (пока еще) поехать куда угодно, кажутся впечатления Владимира Викторовича от встречи с границей (где ему доводилось бывать и до этого, в рейсах научно-исследовательских судов). «К желанной встрече с Парижем я шел все первое полстолетие своей жизни». «Поехать в Турцию сейчас не труднее, чем в любой город России. Небольшая сумма в твердой валюте, заграничный паспорт — и вы садитесь в автобус турецкой компании, идущий от московского автовокзала у метро “Щелковская” прямо в Стамбул. Проведя в автобусе три дня и три ночи, вы наконец попадаете в Стамбул. И ваши страдания от долгой дороги, перенесенные унижения на таможнях, главным образом на украинской, быстро забываются в этом единственном в своем роде городе, лежащем одновременно на двух материках: Европе и Азии». Его «путевые заметки», опубликованные в разные годы, можно прочитать на страницах сборника. Отметим лишь, что во всех дальних странствиях В.В. Лобыцына интересовал прежде всего «русский след», сохранившаяся память о той ушедшей Исторической России, образу которой он был верен всю жизнь...

В последние годы жизни Владимир Викторович трудился в Российском фонде культуры (РФК) в качестве эксперта по военной истории. Его работа заключалась в описании коллекции общества «Родина», и прежде всего ее военно-морской составляющей — архива, библиотеки, части музея Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке. Об этом аспекте его деятельности неоднократно рассказывалось на страницах книги. Хотелось бы остановиться лишь на одном моменте. Безусловно, передача обществом «Родина» своей коллекции и библиотеки в Россию (в 1994, 1996, 1998, 2000 годах) стала важным событием в жизни российской культуры. С возвращением в Россию ценнейших коллекций, сохраненных эмигрантами за рубежом, в распоряжение музейных работников, искусствоведов, историков и других специалистов попал уникальный материал, позволяющий открыть новые страницы истории Отечества (в том числе и Российского флота), многие из которых ранее были абсолютно неизвестны.

Но, к сожалению, это богатейшее собрание расплылось по многим музеям и архивам, хотя именно оно могло бы послужить основой музея истории русской эмиграции. «Мы снова упустили шанс создать в России Музей русского зарубежья с рукописным отделом, библиотекой и т.д. Восстановлением исторической правды, своего долга перед изгнанниками, исправлением ошибок предшественников стало опубликование в 1999 году межархивного путеводителя по фондам бывшего РЗИА¹¹. Издание этого тома завершило десятилетний труд, ставший как бы исправлением ошибки послевоенных архивистов, расплывших РЗИА по многим архивам бывшего СССР. Печально, что собрание Общества “Родина” ждала та же судьба — раздробление. Поистине история ничему не учит. Уже сейчас ставится вопрос о необходимости реконструкции собрания “Родины”, необходимости составления межархивного путеводителя. Но когда это еще будет? Ведь для составления путеводителя по РЗИА понадобился десятилетний труд архивистов почти из всех республик бывшего СССР»¹², — с горечью, но совершенно справедливо написал современный исследователь А.В. Попов. Сейчас

¹¹ Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) — крупнейший из архивов русской эмиграции в Европе межвоенного периода. Существовал в 1923–1945 годах. После окончания Второй мировой войны попал в СССР и оказался разделен по многочисленным архивам (в том числе республик, ставших после 1991 года независимыми государствами). Основные коллекции РЗИА хранятся в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации.

¹² *Попов А.В.* Русское зарубежье и зарубежная архивная россика: (Документы российской эмиграции в архивах России: опыт архивного обзора) // Новый журнал. 2003. № 230. С. 245.

работа по созданию музея, в котором будет представлена вся история Русского Рассеяния, ведется Домом русского зарубежья. В его будущей экспозиции будет рассказано и о трудах В.В. Лобыцына.

Занимаясь архивной обработкой материалов «Родины», Владимир Викторович щедро делился ими (при поддержке директора президентских программ РФК Е.Н. Чавчавадзе, главного хранителя архива-библиотеки РФК О.К. Земляковой и заведующего В.В. Леонидова) с исследователями. Пожалуй, наибольшее количество уникальных материалов «Родины» было введено в научный оборот именно благодаря его усилиям.

Читая статьи и публикации В.В. Лобыцына, вспоминаются слова, процитированные в конце XIX века адмиралом С.О. Макаровым. «В одном месте [вахтенного журнала клипера «Абрек»] есть запись, замечательная по своей поучительности и принадлежащая давно уже, к сожалению, вышедшему в отставку штурманскому офицеру Тимофею Тимофеевичу Будрину, который отметил: “пишем что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем”. Слова эти сто́ят того, чтобы их вывесить на поучение молодежи в каждой штурманской рубке»¹³. Именно так, со штурманской точностью, Лобыцын готовил не только каждую, даже самую маленькую заметку, но и многочисленные письма разным адресатам.

Хотелось бы поделиться своими воспоминаниями о встречах и совместной работе с Владимиром Викторовичем. Мне всегда казалось, что мы познакомились осенью 2000 года. Но, готовя этот сборник, я нашел 10-й номер журнала «Вокруг света» за 1996 год с автографом В.В. Лобыцына на статье «Два памятника русским морякам». «Никите, в надежде, что будет интересно прочесть. В. Лобыцын. 5.11.96» — написано на журнальной странице. В памяти всплыл осенний день, когда я, будучи совсем молодым человеком (студентом 2-го курса РГГУ), очередной раз пришел в «высотку», находящуюся около метро «Дмитровская», где располагались редакции журналов, выпускавшихся издательством «Молодая гвардия». Обходя редакции любимых изданий — «Вокруг света», «Техники — молодежи» и «Моделиста-конструктора», — я покупал свежие номера. В год 300-летия Российского флота в каждом из них было столько интересного... В одном из кабинетов «Вокруг света» мы и разговорились с Владимиром Викторовичем. Конечно, сути разговора я сейчас не помню, но то, что автор интересной статьи, солидный и немолодой человек, подписал мне журнал, меня очень порадовало.

¹³ Макаров С.О. О трудах русских моряков по исследованию вод Северного Тихого океана // Морской сборник. 1892. № 5. С. 45. Разд. паг.

Ну а настоящее знакомство состоялось ровно через четыре года. Оно произошло на VII научно-практической военно-исторической конференции «Гражданская война в России, 1917–1922 гг.», организованной Военно-исторической комиссией Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, проходившей 21–22 октября 2000 года в знаменитом особняке в Гагаринском переулке — месте сбора всех «неформальных» военных историков позднесоветского и постсоветского периодов¹⁴. Владимир Викторович выступал с докладом «Поход “Китобоя”: Ревель — Севастополь — Бизерта. 1920». Тогда он уже подготовил к печати небольшой сборник, посвященный легендарному кораблю Белого флота, ставшему символом мужества и непреклонной воли российских моряков, проявленных ими в годы «русской Смуты» (он вышел в следующем году в петербургском издательстве «Галей Принт»). Я же рассказывал о речных флотилиях антибольшевистских формирований в 1918–1919 годах. Помню, что мы беседовали в перерыве между докладами. Предметом разговора стали мемуары одного из флотских офицеров, воевавших у Колчака, — Д.Н. Федотова-Уайта, вышедшие на английском языке в 1939 году. Тогда мне посчастливилось приобрести эту книгу через Интернет (что было еще в диковинку). Через несколько дней Владимир Викторович позвонил мне, и началось наше тесное сотрудничество.

Я горжусь и счастлив, что мне удалось внести скромный вклад в крупнейшие проекты Лобыцына — «Мартиролог русской военно-морской эмиграции», «Бизертинский “Морской сборник”. Избранные страницы», «Записки подводника» В.А. Меркушова и «Морские рассказы писателей русского зарубежья». Моя помощь заключалась, прежде всего, в уточнении биографических данных флотских офицеров по материалам Государственного архива Российской Федерации (в основном — в «Именном каталоге по истории белого движения и эмиграции 1918–1945 гг.»¹⁵) и Российском государственном архиве Военно-морского флота. В особо напряженные моменты перед сдачей

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность доктору исторических наук А.В. Ганину за информацию о конференции и фотографии.

¹⁵ Этот каталог был составлен сотрудниками архива в 1938–1950-х годах на основе документов, захваченных Красной армией в период Гражданской и Второй мировой войн. В указанный период архивное ведомство входило в систему органов государственной безопасности, и каталог был составлен с целью выявления участников антибольшевистского сопротивления и эмиграции. Большинство документов по Белому движению, на которые даются ссылки в каталоге, в настоящее время хранятся в фондах Российского государственного военного архива и Российского государственного архива Военно-морского флота.

очередного издания в печать мы иногда созванивались каждый вечер, и я по телефону передавал Владимиру Викторовичу новую порцию «разведанных». Помню, как мы оба радовались, когда какой-нибудь безвестный мичман или подпоручик по Адмиралтейству обрел имя-отчество, а то и биографию. Огромным подспорьем в работе оказались выявленные и скопированные в ГА РФ списки офицеров Русской эскадры на 1921 год и чинов Сибирской флотилии, ушедших из Владивостока.

Довелось мне принять участие и в расшифровке и комментировании некоторых текстов (связанных с историей участия моряков в Белом движении на Востоке) и при подготовке «Бизертинского “Морского сборника”». С радостью вспоминаю эту трудную, но интереснейшую работу.

В конце 2003 года я начал писать книгу «Русские моряки на чужбине» (она вышла в 2008 году в издательстве «Вече» под названием «Русский флот на чужбине»). Лобыцын «благословил» этот труд, хотя и обоснованно заметил, что создание такой книги — дело очень непростое. Он начал читать и редактировать первые главы рукописи, но его скоропостижная кончина прервала эту работу. Я посвятил книгу светлой памяти Владимира Викторовича.

Неоднократно я был в гостях у В.В. Лобыцына, в их с Маргаритой Михайловной небольшой и уютной квартире недалеко от метро «Перспект Мира», где всегда ждал теплый и радушный прием. Владимир Викторович обладал тонким чувством юмора. Вспоминаю одну из рассказанных им историй. Еще в советское время Лобыцын оказался около Николо-Богоявленского морского собора в Ленинграде, недалеко от которого установлен обелиск в память офицеров и команды эскадренного броненосца «Император Александр III», погибшего в Цусимском бою. Рядом с памятником валялся какой-то мусор. Владимир Викторович на подобные вещи смотреть спокойно не мог и решил навести порядок. В этот момент к памятнику подошла группа туристов, и экскурсовод стал рассказывать им о Цусиме, допуская при этом неточности и ошибки. Лобыцын мягко и вежливо (а по-другому он не умел) его поправил. Экскурсовод поблагодарил и сказал, обращаясь к своим «подопечным»: «Видите, в Ленинграде даже дворники какие интеллигентные».

Интересно, что с 1983 по 1989 год я жил в одной трамвайной останковке от дома В.В. Лобыцына. Как знать, не могли ли мы видаться еще тогда... Все в жизни не случайно... Последний раз мы все (я имею в виду группу московских историков флота, которую сплотил вокруг себя Лобыцын) встретились в стенах его осиротевшего дома на девятый день после кончины Владимира Викторовича...

Вспоминаю, что он относился ко мне как-то очень по-доброму, потечески, хотя и довольно часто ругал за опоздания, неорганизованность и нарушение сроков сдачи той или иной работы. Но как приятно было при очередной встрече получить от него ксерокопию статьи из «Журнала Кружка Морского училища во Владивостоке» или того же бизертинского «Морского сборника» со словами: «Возьми, это по твоей теме, опубликуешь где-нибудь». А каким чудом стало обретение фотографий сына адмирала С.О. Макарова Вадима Степановича или морского летчика В.М. Марченко, погибшего во время гражданской войны в Испании. Благодаря Владимиру Викторовичу и вместе с ним нам всем открылся новый, совершенно удивительный мир судеб офицеров Российского флота.

Владимир Викторович обязательно подписывал свои книги, которые он дарил. Причем он никогда не ограничивался банальным «на добрую память». Прежде чем подписать, он задумывался и для каждого находил свои слова благодарности и добрые пожелания. На книге о тральщике «Китобой» он написал мне: «Никите, с пожеланием успехов в нашем общем деле, русской истории — в событиях и лицах». Эти слова дали название разделу настоящего сборника, в котором опубликованы работы Владимира Викторовича.

О смерти В.В. Лобыцына 23 июня 2005 года я узнал в читальном зале Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Так сложилось, что в те дни там работала целая «московская делегация» историков флота. В зал вошла плачущая Эльвира Павловна Джунковская — заведующая библиотекой архива — и сказала, что Владимира Викторовича больше нет... Хотя мы все знали о его тяжелой болезни, но поверить в это было невозможно. Да не верится и сейчас... Иной раз, обнаружив в архиве интересный документ или выявив новую публикацию, думаешь: «Вот бы Лобыцын порадовался...» Впрочем, находясь в Лучшем Мире, Владимир Викторович радуется за нас и помогает в нашем общем деле...

***Мемориальные проекты,
осуществленные по инициативе и при участии
В.В. Лобыцына***

1992 год. На средства Морского историко-культурного общества «Петрофлот» была изготовлена памятная доска с именами русских моряков, погибших в Наваринском сражении. 24 октября она была освящена в церкви Казанской Божьей Матери в Коломенском и передана посольству Греции для установки в Пилосе (установлена в 1995 году).

1995 год. В октябре на памятнике морякам крейсера «Жемчуг», погибшего в 1914 году в Пенанге (Малайзия), установлена доска с 88 именами погибших.

1996 год. 28 июля в парке Генерального консульства России в Стамбуле открыт памятник 42 морякам, погибшим на подводной лодке «Морж», пропавшей без вести весной 1917 года.

10 августа на острове Сантахамина (Финляндия) на памятнике матросам и солдатам, погибшим при бомбардировке крепости Свеаборг англо-французским флотом в 1855 году, восстановлена утраченная икона Смоленской Божьей Матери.

1997 год. 17 марта в Успенском кафедральном соборе г. Хельсинки (Финляндия), в торце алтарной части была установлена памятная доска с именами 59 чинов флота (во главе с командующим — вице-адмиралом А.И. Непениным), погибших в 1917 году от рук своих соотечественников.

3 декабря в Стокгольме на территории посольства России открыт памятник погибшим во время 2-го Роченсальмского сражения 28–29 июня 1790 года (во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов), а также умершим в плену морякам гребной флотилии принца Карла Генриха Николая Отто Нассау-Зигена и солдатам десанта.

2008 год. 17 мая торжественно открыт восстановленный памятник, поставленный в 1921 году в Галлиполи (Турция) в память об умерших в 1920–1921 годах воинах 1-го корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля, о скончавшихся в турецком плену русских участниках Крымской войны и казаках-запорожцах. В.В. Лобыцын в 1994 году первым выступил с инициативой воссоздания этого мемориала и в течение более 10 лет вел напряженную борьбу за его восстановление.

С мамой – Алевтиной
Михайловной Тюриной

В.В. Лобыцын — курсант Артиллерийской
радиотехнической академии

Капитан В.В. Лобыцын

В.В. Лобыцын на испытаниях
боевого корабля

Корабль командно-измерительного комплекса «Урал» на Дальнем Востоке

В.В. Лобыцын на борту научно-исследовательского судна
«Профессор Сергей Дороев». 1990

Эскиз мемориальной доски в память о погибших на подводной лодке «Морж»

Памятный знак подводникам «Моржа» на территории Генерального консульства России в Стамбуле

В.В. Лобыцын выступает на конференции
«Гражданская война в России. 1917–1922 гг.». 2000

Русская история в событиях и лицах

Работы В.В. Лобыцына

Два памятника русским морякам¹

На финском острове...

Одинокая пирамида высилась на поросшей мхом поляне в окружении сосен. За ними виднелись здания финского военного городка, многие из которых, сложенные из добротного темно-красного кирпича, сто лет назад были русскими казармами. И остров носил русское название — Лагерный. Забытый русский памятник на финском острове Сантахамина, вошедшем в российскую военную историю под шведским названием Сандхамн...

Последнее упоминание о памятнике встретилось в книге, изданной в 1904 году и посвященной войне 1854–1856 годов. Эта война известна у нас как Крымская, хотя была она только частью обширной по театру войны, называемой Восточной. Залпы этой войны гремели не только в Черном, но и в Белом и Балтийском морях, на Тихом океане. Описывая военные действия англичан и французов против русских на Балтийском море, автор книги «Война 1854–1855 гг. на Финском побережье» Михаил Бородкин упоминает о памятнике на остро-

Памятник матросам и солдатам, погибшим при бомбардировке крепости Свеаборг англо-французским флотом в 1855 году. Остров Сантахамина (Финляндия)

¹ Впервые опубликовано: Вокруг света. 1996. № 10. С. 17–19.

ве Сандхамн, лежащем в Финском заливе, к юго-востоку от русской островной крепости Свеаборг, защищавшей с моря Гельсингфорс. Памятник был сооружен по проекту барона Петра Клодта — того самого русского скульптора, чьи бронзовые кони стоят на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге. Еще было сказано, что поставлен он в 1857 году в память матросов и солдат, погибших при бомбардировке Свеаборга в июле 1855 года.

Упоминание о памятнике на Сандхамне в книге Бородкина, как и описание его открытия 28 июля 1857 года в майском номере «Морского сборника» 1876 года, отыскал собиратель сведений о памятниках русской военно-морской истории за рубежами России капитан 2-го ранга Игорь Столяров. Никаких других сведений об этом памятнике в литературе последующих девяносто с лишним лет не встретилось. В России памятник был прочно забыт.

Оказавшись летом прошлого [1995] года в Финляндии и, конечно, отправившись на Свеаборг, я лишь узнал, что остров Сандхамн, ныне называемый по-фински Сантахамина (что на обоих языках означает «Святая гавань»), — военная зона и доступа туда нет. А о русском памятнике на Сантахамине краеведы и историки Свеаборга (ныне называемого по-фински Суоменлинна, то есть теперь уже не «шведская», а «финская крепость») ничего не слышали. И мы начали свой собственный поиск.

В военную зону мы «проникли», написав из редакции журнала «Вокруг света» письмо военному атташе посольства Финляндии в Москве полковнику А. Ийвонену. Он тоже ничего не слышал о русском памятнике на Сантахамине, но обещал навести справки прямо на острове. Свое обещание полковник Ийвонен сдержал, и вскоре мы держали в руках фотографии памятника. Выглядел он так же, как на собственноручном архитектурном рисунке барона Клодта, помещенном в «Морском сборнике» 1876 года. На фотографиях было видно, что памятник хорошо сохранился, хотя и утратил одну, но, может быть, самую важную деталь — икону Смоленской Божьей Матери, находившуюся в нише над фронтоном с памятной надписью.

Весной этого года я работал в Славянской библиотеке Хельсинкского университета (основанного, кстати, Императором Александром I) и, благодаря стараниям полковника А. Ийвонена, попал на остров.

Памятник, как гласила надпись, «убиенным 63-м матросам и солдатам, во время бомбардирования Свеаборга, англо-французским флотом 28-го и 29-го июля 1855 г.» оказался как раз напротив здания Кадетского училища. Шестиметровая пирамида, увенчанная православным крестом, заросла мхом, декорирующим большие серые камни, из которых была сложена. Но пустая, без иконы, забетонирован-

ная ниша делала памятник, при всей его величественности, каким-то жалким.

Ощущая себя одним из немногих, а может быть, единственным после 1917 года человеком из России, посетившим этот памятник, я испытывал чувство вины перед 63 воинами, на много лет забытыми их Родиной. И чтобы как-то загладить эту вину, следовало привести памятник в достойный вид, вернув ему икону Смоленской Божьей Матери, по преданию спасшую Свеаборг от вражеского разрушения.

Эта икона, попавшая на Русь в XI веке из Византии, считалась чудотворной спасительницей Смоленска от татарского набега в 1239 году. Ее носили по русскому лагерю перед Бородинской битвой, а после нее в Москве, в Лефортовском дворце, ей вдохновляли раненых воинов. Перед занятием Москвы французами икону удалось вынести и переправить в Ярославль. После окончания Отечественной войны икона была возвращена в Смоленск. Списки (копии) с иконы Смоленской Божьей Матери — Одигитрии («Путеводительницы») хранились во многих святых местах России. Ее образ находился и в гарнизонном соборе крепости Свеаборг, бомбардировка которой началась 28 июля 1855 года, как раз в день церковного праздника, посвященного этой иконе.

А бомбардировка была жестокой. В течение сорока пяти часов англо-французский флот непрерывно обстреливал крепость: днем — тремя линиями военных кораблей, коих было 64, а ночью — с вооруженных ракетных шлюпок, число которых даже не указывалось (английский контр-адмирал Дондас и французский — Пено в своих донесениях употребляли термин «с отряда ракетных шлюпок»). К тому же обстрел Свеаборга велся мортирной батареей, устроенной французами на маленьком островке Абрахам, лежащем в двух километрах от русских фортов.

На острове Сандхамн, вместе со Свеаборгом закрывавшем вход неприятельским кораблям в Финский залив, было устроено девять русских артиллерийских батарей, которым пришлось сражаться с тремя английскими кораблями: 60-пушечными винтовыми «Корнуэлл» и «Гастингс» и 31-пушечным фрегатом «Амфион». И тем не менее англо-французская армада успеха не добилась. Разрушить крепость, овладеть гаванью и русскими кораблями неприятелю так и не удалось. И православная церковь в Свеаборгской крепости осталась целой — тот самый собор Св. Александра Невского, в котором находилась икона Смоленской Божьей Матери. После этого икона была украшена серебряным окладом и на ней появилась надпись: «Высочайше повелено, в память бомбардирования Свеаборга в 1855 году, совершать 28 июля торжество с пушечною пальбою».

Русские офицеры и солдаты крепостной артиллерии и моряки кораблей Балтийского флота до конца выполнили свой воинский долг. 63 из них погибли в сражении. Их имена были высечены на мраморных плитах, установленных в соборе Св. Александра Невского.

После обретения Финляндией независимости собор был перестроен в кирху, купол которой сейчас хорошо виден из Хельсинки, судьба же плит оказалась неизвестной. Есть, правда, предположение, что они до сих пор находятся в подвалах нынешней кирхи, ставшей одновременно островным маяком.

Известны лишь имена 18 моряков, поскольку их мартиролог был помещен в сентябрьском номере «Морского сборника» за 1855 год: 23-го флотского экипажа матросы Гнездовский Иоахим, Сорокин Кирилл, Абязов Абдул, Максимов Александр; 25-го флотского экипажа матрос Прокофьев Николай; «крепостной капитана 1-го ранга Подлонского Александров Сергей»; корабля «Россия» квартирмейстер Анучкин Иван, матросы 1-й статьи Парф Якуб, Габдаев Дагальжа, Лятус Сим, Большаков Евстафий, Пальцов Гавриил, матросы 2-й статьи Егоров Иван, Степырев Никита, Крылов Прокофий, Росман Давыд; 19-го флотского экипажа матрос Базанов Федор; корабля «Иезекииль» матрос 1-й статьи Потапов Михаил.

Памятник на их братской могиле был установлен по инициативе контр-адмирала Ф. Нордмана, бывшего командира Сандхамнских батарей. Деньги на сооружение памятника собирались по добровольной подписке в Свеаборге и Гельсингфорсе. Проект памятника безвозмездно выполнил профессор Академии художеств барон П. Клодт. Строительные работы провели солдаты свеаборгской инженерной команды, руководимой поручиком Шуйским. 28 июля 1857 года, в день праздника иконы Смоленской Божьей Матери, памятник был торжественно открыт.

А 10 августа 1996 года, в такой же день праздника (по новому стилю), старый памятник как бы открывался заново. Ему была возвращена икона Смоленской Божьей Матери, писанная по благословению Русской православной церкви в мастерской московского Сретенского монастыря, что на Большой Лубянке.

В этот день, вероятно, впервые с 1918 года на острове Сантахамина было так много русских. Они собрались на торжественную церемонию, которая счастливо завершила поиск, предпринятый журналом «Вокруг света». Среди собравшихся был посол России в Финляндии Ю.С. Дерябин. Финскую делегацию возглавлял контр-адмирал Эско Илли — начальник Академии национальной обороны, на территории которой сейчас стоит памятник. Перед его открытием икона была задрапирована корабельным Андреевским флагом — возрожденным

флагом Российского флота, чье 300-летие отмечается в этом году. Вокруг памятника застыл почетный караул финских гвардейских егерей. После выступлений посла Юрия Степановича Дерябина и контр-адмирала Эско Илли, первый из которых отметил благородную инициативу одного из старейших российских журналов, «Вокруг света», а второй выразил удовлетворение актом укрепления добрососедских отношений наших стран, икона Смоленской Божьей Матери была открыта, и памятник словно ожил. Протоиерей Виктор Лютик, священник одного из хельсинкских приходов Московского патриархата, начал литию — моление об умерших, «за веру и Отечество живот свой положивших». Звучал небольшой хор, а капли святой воды, освятившей икону, стекали по ней и по золоченой надписи фронтона с Пресвятой Богородицей, отныне остающейся заступницей душ «убиенных 63-х матросов и солдат».

Радостно было сознавать, что нет больше забытого русского памятника на финском острове Сантахамина. Россия вспомнила своих героев, ибо, как у финнов, так и у русских всякий воин, отдавший жизнь за Родину — герой, «смертью смерть поправший». Вечная им память.

Финляндия, о-в Сантахамина

...И на берегу Босфора

28 апреля 1917 года подводная лодка Черноморского флота «Морж» вышла из Севастополя в боевой поход на блокаду пролива Босфор. И с тех пор ее судьба оставалась неизвестной. «Погибла в мае 1917 г. в районе Босфора при невыясненных обстоятельствах» — такой до последнего времени оставалась официальная версия. Редакции журнала «Вокруг света» удалось по турецким и немецким источникам выяснить время, место и обстоятельства гибели «Моржа». Более того, оказалось, что безымянные могилы пятерых членов экипажа до сих пор сохранились в парке Генерального консульства России в Стамбуле.

28 июля 1996 года, в день Российского Военно-Морского Флота, отмечающего свое 300-летие, на территории этого парка, принадлежащего России, был торжественно открыт памятник 42 морякам «Моржа». Памятник был установлен и открыт благодаря совместным усилиям нашего журнала и Генерального консульства России в Стамбуле.

<...>

В открытии памятника участвовали посол России в Турции В.И. Кузнецов, генеральный консул России в Стамбуле Л.И. Манжосин.

Главному редактору журнала «Вокруг света»
Полещуку А.А.

Уважаемый Александр Александрович!

В день открытия памятника морякам подводной лодки «Морж» Черноморского флота, погибшей в мае 1917 года на минном заграждении в районе Босфора, шлю Вам слова благодарности за Ваши усилия по увековечению памяти моряков Российского флота, погибших при исполнении воинского долга вдали от России. Выражаю уверенность, что памятник 42 морякам «Моржа», установленный в Стамбуле на территории российского генерального консульства, станет символом того, что Родина не забыла своих сынов, отдавших за нее жизнь.

Главнокомандующий Военно-Морским Флотом России
адмирал флота Ф. ГРОМОВ

Русские матросы в Пекине¹

Эта редкая фотография относится к не слишком громкой военной кампании России начала XX века, известной как «Поход в Китай 1900–1901 годов» или «Подавление Боксерского восстания». Она вернулась в Россию с коллекцией американо-русского общества «Родина» (Лейквуд, Нью-Джерси, США), часть которой в 1998 году была передана Российскому фонду культуры и возвращена им на Родину.

На картоне паспарту надпись чернилами: «Пекин 1900. Котик в саду Посольства у могил погибших в осаде матросов». На обороте позднейшее пояснение: «Спереди стоит Константин Константинович Таубе, пасынок тогдашнего посла в Пекине Михаила Николаевича Гирса».

Кто же эти русские матросы, чьи свежие могилы запечатлены на фотографии, и какова история их гибели вдали от Родины?

¹ В соавторстве И.Ю. Столяровым. Публикуется впервые по тексту авторской рукописи (компьютерная распечатка, правка), хранящейся в архиве ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына» в фонде 58 (Коллекция В.В. Лобыцына).

К.К. Таубе около могил русских матросов,
погибших при обороне посольства России в Пекине в 1900 году

В мае 1900 года общество «Ихэтуань» — «Большой кулак» (европейцы использовали название «Боксеры»), — поднявшее восстание против политики раздела европейскими странами Китая и захвата большей части его территории Японией, направило армию вооруженных «боксеров» к Пекину. Правящая императорская династия, неуклонно терявшая свое влияние после поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 годов, попыталась использовать недовольство населения в собственных целях, поддерживая «боксеров» и провоцируя их на расправу с христианскими миссионерами, иностранными дипломатами и вообще — иностранцами.

15 мая (нового стиля) 1900 года ввиду напряженного положения в Пекине и создавшейся угрозы захвата иностранных дипломатических миссий «боксерами» русский посланник в Китае Гирс обратился к командующему войсками Квантунской области адмиралу Алексееву. Он просил немедленно прислать в Пекин десантный отряд для охраны посольства «и защиты русских подданных и их интересов». На следующий день из Порт-Артура в Пекин была выслана рота моряков, усиленная взводом казаков при одном орудии, которая 18 мая прибыла на место и взяла под защиту территорию русского посольства.

23 мая в Пекин прибыло еще около 500 человек морского десанта: русского, английского, американского, французского и итальянского.

28 мая положение в китайской столице оценивалось как «чрезвычайно тревожное». Послы европейских стран обратились к адмиралам, командующим эскадрами в китайских водах, с просьбой немедленно прислать дополнительные десанты. В Пекине вокруг посольского квартала началось строительство баррикад, были выставлены кругло-сучочные посты.

Русская десантная рота, сформированная из экипажей эскадренных броненосцев «Наварин» и «Сисой Великий» (позже оба они погибли в Цусимском сражении), под командой лейтенанта барона Радена насчитывала 72 матроса. Помимо двух смен белья матросам был выдан шанцевый инструмент и по 60 винтовочных патронов. Через два дня были присланы еще три ящика патронов и снаряды к орудию. «Теперь у нас было по 140 патронов на человека, меньше, чем у кого бы то ни было, — вспоминал лейтенант Раден. — У наших соседей американцев, пополам с нами стоявших на баррикаде, их было по 35 тысяч на человека».

31 мая все оборонительные работы были закончены, а 6 июня всем европейцам в 24 часа было приказано покинуть Пекин. Зная не понаслышке, что в предыдущие дни «боксеры» делали с христианами-китайцами, в том числе женщинами и детьми, осажденные в посольском квартале и не подумали выполнить это приказание. Вечером следующего дня начался первый штурм квартала, который удалось успешно отбить. С этого времени нападения не прекращались ни на один день, а с 20 июня «боксеры» начали регулярный артиллерийский обстрел квартала.

К концу июня у наших моряков начал ощущаться недостаток боеприпасов. И матросы приспособились сами отливать пули из смеси свинца и бронзы, а порох брали из охотничьих патронов, найденных в английской миссии. «Таких патронов за осаду было сделано более 700 штук, и они спасли нас от верной гибели, так как китайские патроны доставались всегда с опасностью для жизни», — писал лейтенант Раден.

Долгожданное освобождение наступило 3 августа, когда союзные войска во главе с немецким фельдмаршалом фон Вальдерзее вошли в Пекин. За время осады посольства наш десант потерял убитыми четырех матросов: Егора Ильина, Константина Антонова, Ивана Иванова (с «Сисоя Великого») и Ивана Арбацкого (с «Наварина»). Двое матросов умерли во время осады: Егор Корабельников и Николай Шемякин (с «Сисоя Великого»).

7 августа больных и раненых отправили в госпиталь в Тяньцзин, а шестерых погибших похоронили на территории русской миссии, неподалеку от Успенской церкви. Вид их свежих могил и донесла до нас

пожелтевшая фотография, сохраненная нашими соотечественниками во всех перипетиях эмигрантских скитаний.

На фотографии удалось прочесть фамилии Ивана Арбацкого и Егора Ильина — их могилы соответственно третья и пятая слева (крайняя левая могила с каменным надгробием — старое захоронение). На четвертом и шестом (крайнем правом) крестах удастся различить лишь название корабля: «Сисой Великий».

Территория существовавшей в столице Китая с 1715 года Русской духовной миссии в 1958 году была возвращена советскому посольству. Но матросских и других могил, бывших когда-то возле церкви, не сохранилось. В 1998 году на территории нынешнего российского посольства был установлен поминальный православный крест. У его основания сделана надпись: «В честь и память соотечественников, в стране сей павших и погребенных». И тот, кто поклонится кресту, невольно поклонится памяти русских матросов, защитивших посольство своей страны и спасших своих соотечественников.

А мальчик на фотографии, стоящий у матросских могил, — Костя Таубе — окончил знаменитый Александровский лицей (среди первых выпускников которого был А.С. Пушкин) и, пойдя по стопам отчима, служил по Министерству иностранных дел. После революции оказался в эмиграции, жил в Париже, где и скончался 25 декабря 1939 года в возрасте пятидесяти двух лет. Его последний приют — русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

«Морж» погиб в районе Босфора...¹

Для Воронежа год 300-летия Российского флота — особенный, поскольку наказ Петра Великого «морским судам быть» начал воплощаться в жизнь именно здесь. Но, отмечая юбилей флота, следует вспомнить не только события, вошедшие в учебники истории, но и малоизвестные, которые тем не менее в равной степени этой истории принадлежат. И кроме того, вспомнить не только сами события, но и людей, чью жизнь или смерть они определили. Ибо, и в самом деле, «нет истории, а есть биографии». О гибели подводной лодки Черноморского флота «Морж» в мае 1917 года у нас не сообщалось ничего, кроме самого факта гибели «в районе Босфора». А между тем

¹ Впервые опубликовано: Коммуна (Воронеж). 1996. 13 марта. № 46. С. 4.

Подводная лодка «Морж» в доке в Севастополе

на ней погибли 42 моряка, среди которых, как сейчас стало известно, было пятеро «граждан Воронежской губернии», как сказано в разысканном в архиве скорбном списке июня 1917 года, когда надежды на возвращение лодки в Севастополь уже не осталось.

«Морж» был построен на верфи отделения Балтийского завода в Николаеве и спущен на воду в сентябре 1913 года. Ее конструктором и одновременно строителем, поскольку лодка была головной в новой серии, был известный русский кораблестроитель И.Г. Бубнов. В истории Первой мировой войны на Черном море «Морж» оставил след, став единственной подводной лодкой, дважды торпедировавшей немецкий линейный крейсер «Гебен», в начале войны вместе с «Бреслау» пропущенный английской эскадрой адмирала Трубриджа в Дарданеллы.

28 апреля (старого стиля) 1917 года «Морж» вышел из Севастополя для блокады Босфора. 19 мая Севастополь телеграммой сообщил в Петроград, в Главный морской штаб список экипажа подводной лодки «Морж», о которой не поступало сведений с момента выхода. 5 июня учетная канцелярия Черноморского флота составила для Главного морского штаба «Список матросов, без вести пропавших, на подводной лодке “Морж”». Его удалось разыскать капитану 2-го ран-

га Игорю Столярову в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Как уже говорилось, в этом списке присутствуют пятеро «граждан Воронежской губернии»: минный унтер-офицер 1-й статьи Владимир Филлипп Яковлевич призыва 1905 года, проживавший в Валуйском уезде Белоколодезной волости. Был женат, но имени и отчества жены не указано; рулевой боцман-мат Пашинцев Николай Антонович, призыва 1913 года, житель села Старо-Воскресенского Тешевской волости Задонского уезда. Жена — Пелагея Егоровна, двухмесячная дочь — Мария; электрик Сидоренко Василий Дмитриевич, призыва 1915 года, житель Ясиновской волости Богучарского уезда. Жена — Марфа Степановна, сын — Павел; старший электрик Камынин Федот Петрович, призыва 1915 года, житель села Новая Криуша Богучарского уезда. Жена — Анна Трофимовна; матрос 1-й статьи Чайкин Федор Яковлевич, призыва 1916 года, житель Калаченской волости Богучарского уезда. Жена — Анисья Ивановна, сын — Василий.

Помещая этот список, мы надеемся, что кто-то из читателей узнает своего родственника, погибшего при исполнении воинского долга вдали от России. Впервые обстоятельства гибели «Моржа» открылись после того, как в Стамбул после эвакуации из Крыма прибыли русские беженцы. Среди тех, кто вместе с армией генерала Врангеля в ноябре 1920 года оказался в Турции, был генерал-майор П.Н. Колзаков. Его племянник, молодой инженер-механик мичман Виктор Брискин погиб на «Морже» — и генерал Колзаков дал обещание родителям узнать у турецких властей о гибели русской подводной лодки. Но только в 1922 году с помощью известного русского дипломата Н.В. Чарыкова, также оказавшегося в Стамбуле, П.Н. Колзакову удалось узнать обстоятельства гибели «Моржа» в том виде, в каком они были известны туркам. Бывший русский генерал Колзаков был принят товарищем (заместителем) тогдашнего морского министра Турции Энвер-беом, который сообщил русскому посетителю результаты расследования, проводившегося по его указанию.

Оказалось, что русская подводная лодка подорвалась на mine в Босфоре близ местечка Анатоли-Кавак (ныне входящего в азиатскую часть Стамбула). Во время войны это место входило в германскую зону, и офицер германского флота Кох с баркаса выловил из воды пять трупов русских моряков. Все пятеро с отданием воинских почестей были похоронены в парке русского посольства Буюк-Дере (на европейском берегу Босфора, ныне — дача Генерального консульства России).

Могилы русских моряков в 1921 году с крестами без надписей видел бывший офицер Черноморского флота лейтенант Г. Гельмерсен, написавший в 1973 году об этом заметку в парижский эмигрантский

журнал «Военная быль». Бывший советский генконсул в Стамбуле Ю.П. Савостьянов сообщил, что на месте, где, по рассказам эмигрантов, когда-то были могилы русских моряков, консульство соорудило два символических надгробия, к которым в День Военно-Морского Флота возлагались цветы. Но эти безымянные могилы вызывают желание реализовать еще недавно столь популярный призыв «Никто не забыт, ничто не забыто». Редакция журнала «Вокруг света», одного из старейших русских журналов, авторы которого разыскали полный список погибших моряков «Моржа», начала работу по сооружению памятника. Мы надеемся, что она завершится так же успешно, как и предыдущая: установка в октябре 1995 года доски с именами 88 моряков крейсера «Жемчуг», погибших в бою с немецким рейдером «Эмден» в малазийском порту Пенанг в октябре 1914 года.

Последние 18 минут подлодки С-7¹

После того, как в августе 1998 года шведские аквалангисты обнаружили затонувшую советскую подлодку времен войны, а потом выяснилось, что это С-7, «Красная звезда» неоднократно рассказывала об экипаже «семерки» (командир Лисин Сергей Прокофьевич) и его последнем походе.

21 октября 1998 года, то есть спустя 56 лет после гибели С-7, с борта гидрографического судна Балтийского флота «Сибиряков» у буя, выставленного в точке с координатами: 59° 50,7' северной широты и 19° 32,2' восточной долготы, был опущен в воду венок в память экипажа подводной лодки. Но и сейчас продолжают поиски документов, проясняющих судьбу советских подводников. Некоторые из них мы сегодня публикуем.

19 октября 1942 года корабль Лисина в сопровождении двух малых охотников в 1:00 вышел с Лавенсаари и направился в точку погружения у восточной части Гогландского плеса. В 3:10 лодка погрузилась (максимальная глубина погружения ПЛ IX-бис серии, к которой относилась С-7, составляла 100 м) и начала переход на позицию в Ботническом заливе.

¹ Впервые опубликовано: Красная звезда. 1999. 17 марта. № 59. С. 4.

Подводная лодка С-7 входит в гавань Кронштадта

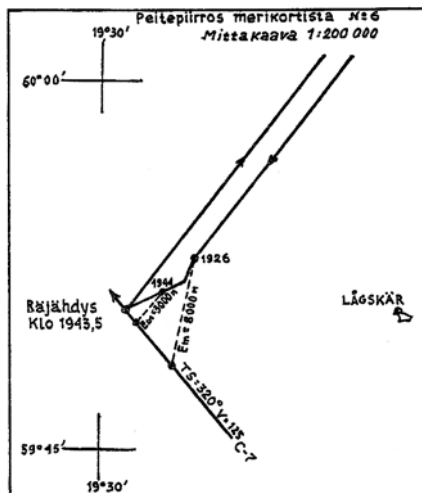

Схема торпедной атаки подводной лодки «Весииси» 21 октября 1942 года (к востоку от места гибели С-7 нанесен остров Логшер с маяком на нем)

21 октября в 4:00 командир донес о форсировании Финского залива и выходе в Балтийское море. 24 октября, по расчетам штаба бригады, С-7 находилась на переходе в Ботнический залив. Но ночью было перехвачено шведское радио, что в Аландском море финская ПЛ

(«Весихииси») потопила русскую подводную лодку, с которой удалось спасти и взять в плен четырех человек, в том числе командира. В этом районе могла находиться только С-7, от которой никаких сообщений не поступало с момента ее выхода из Финского залива.

До 3 ноября 1942 года на «семерку» посылались запросы, но ответов не приходило. 2 декабря истек срок автономности плавания С-7, командование посчитало ее погибшей. Предполагалось, что С-7 была потоплена при зарядке батарей перед началом форсирования пролива Южный Кваркен.

Теперь же мы имеем возможность узнать о гибели нашей ПЛ и из финских документов, ксерокопии которых были получены из Военного архива Финляндии при помощи военного, военно-морского и военно-воздушного атташе посольства Финляндии в Москве капитана 1-го ранга П. Инкинена.

Вот как в вахтенном журнале финской подводной лодки «Весихииси» зафиксированы те 18 минут, которые решили судьбу С-7 (перевод капитана 1-го ранга П. Инкинена):

«21.10.42

19 (час). 26 (мин). Обнаружили подводную лодку $t_s = 195^\circ$ (курс «Весихииси». — *Авт.*). Направление цели ориентировочно 330° , скорость ориентировочно 12 узлов. Начали атаку в надводном положении.

19.41. “Аппарат № 1. Выстрел” (угол упреждения 16°). Дистанция ориентировочно 3000 м.

19.42–19.44. Открыт огонь (2 выстрела из пушки Бофорса). Одновременно наблюдали огромный взрыв со вспышкой на корме подводной лодки. Артиллерийский огонь — недолет. Взрыв вызван попаданием в торпедный отсек. Подводная лодка затонула».

25 октября 1942 года командир «Весихииси» капитан-лейтенант О. Айтолла и старший офицер Л. Парма представили командиру дивизиона капитану 3-го ранга К. Паккала подробный рапорт о потоплении С-7 с приложением схемы торпедной атаки. В 1944 году, после выхода Финляндии из войны с копии этого рапорта, удостоверенной уже капитаном 3-го ранга О. Айтоллой, «военным чиновником А. Николаевым» был сделан перевод на русский язык для советского командования (хранится в Центральном военно-морском архиве).

Вот что сказано в рапорте о потоплении С-7 (сам рапорт включает еще и отчет об испытаниях торпедных механизмов и ответы плененного командира С-7 на вопросы, касающиеся последнего похода лодки):

«Подлодка “Весихииси” вместе с подлодкой “Ветехинен” вышла 21.10.42 в 18 часов в Аландское море на поиски неприятельской лодки. Районом действия для “Весихииси” был назначен: узкость Флетьян — Червен. В 19.26, перейдя с дизельного на электрический

ход, обнаружили подлодку, имея точный курс $t_s = 190^\circ$, на дистанции около 8000 м. При этом дали полный ход и повернули в сторону цели.

В 19.33 повернули на курс атаки $t_s = 240^\circ$, расчетный курс обнаруженной цели $t_s = 320^\circ$, скорость 12 узлов. Предполагаемое расстояние до цели $E_m = 2000$ м. Параметры прицеливания: $\beta = 90^\circ$ (угол встречи. — *Авт.*), угол упреждения $\alpha = 16^\circ$.

В 19.45 под этим углом выпустили торпеду из аппарата № 1. Торпеда пошла прямо, но казалось, что она прошла мимо, так как по прошествии 1,5–2 минут взрыва не произошло. Поскольку противник мог заметить подлодку “Весихииси” и погрузиться, в 9.43,5 был открыт артиллерийский огонь. В момент открытия огня в корме цели заметили сильный взрыв, после чего неприятельская лодка быстро пошла ко дну кормой вперед с приподнятым вверх носом. Из орудия (76-мм носовое орудие Бофорса. — *Авт.*) успели произвести два выстрела, но из-за ослепительного пламени в дуле падения снарядов не заметили.

Взрыв на неприятельской подлодке произошел от торпеды, дистанция, определенная на основе ее движения, была около 3000 м. По прибытии на место потопления ($\gamma 59^\circ 50,7' N$; $\lambda 19^\circ 32,2' 0$) обнаружили большое масляное пятно и непрерывное появление воздушно-масляных пузырей. Из воды слышались крики о помощи, ввиду чего были приняты меры по спасению утопающих. Удалось спасти офицера и трех матросов. Несмотря на поиски, на месте потопления не нашли никаких бумаг, поискам мешала темнота.

В 20.10 пошли обратно в Марианнахамина (главный город Аландских островов. — *Авт.*). Подлодке “Ветехинен” сообщили о случившемся и передали под район действия узкость Флетьян — Червен. В 22.20 пришли в Марианнахамина, где сдали военнопленных на судно-базу “Сису” для предварительного допроса.

Погода во время действий была малооблачной, ветер 2 балла, волнение слабое. Видимость в сторону Луны (с оста на зюйд) — хорошая (около 10 000 м), ухудшаясь к норду и весту, будучи на норд-весте сравнительно плохой (около 2000–3000 м), так что подлодка “Весихииси” и неприятельская подлодка имели одинаково хорошие обзорные возможности.

На судне-базе “Сису”, 24 октября 1942 г.»

О том, как выглядит сделанная аквалангистами находка, можно судить по видеокассете, переданной шведской стороной командованию ВМФ России и по просьбе журнала «Вокруг света» предоставленной главнокомандующим ВМФ России адмиралом В.И. Куроедовым. На записи, датированной 20 августа 1998 года, смонтированы кадры гидролокатора-сонара и видеосъемки. Для ее осуществления использо-

вался галогенный светильник, опускаемый на штанге и, к сожалению, зачастую попадающий в съемочный кадр и засвечивающий его. Кроме того, попадающие в кадр объекты (детали конструкции, пробоины) невозможно в большинстве случаев привязать к их месту на лодке.

Очень жаль, что не была сделана съемка на проходе от носа к кормовой части лодки. Поскольку ни одна характерная конструктивная особенность лодки IX-бис серии не оказалась зафиксированной, «опознание по приметам» сделать практически невозможно.

Несмотря на это, информация, содержащаяся на кассете, не оставляет сомнения, что найденная лодка — именно С-7. Прежде всего, координаты найденного объекта, ни разу не сообщавшиеся в печати (место находки, переданное в Главный штаб ВМФ: «в радиусе 8 миль от маяка Седерарм»), чрезвычайно близко совпадают с координатами, определенными О. Айтолллой на месте гибели С-7. Координаты места находки, записанные на кассете: $59^{\circ} 51,06' N$ и $19^{\circ} 32,24' 0$ — разница в долях минуты. Второй важный признак, что найденная ПЛ — это С-7, устанавливается по характеру ее повреждения, видимому на экране гидролокатора: у погибшей лодки почти оторвана кормовая часть.

Можно установить и место отрыва, произведя измерения на изображении погибшей лодки: оно приходится на 7-й торпедный отсек, как и указано в вахтенном журнале «Весихииси». Эти два признака исключают другие версии.

Следует сказать о двух важных деталях, которые видны на изображении лодки. Например, заметно повреждение наружного корпуса перед носовым орудием. Кроме того, пробоины, наблюдаемые на отдельных видеоизображениях, скорее всего, приходятся на ограждение боевой рубки. Так что, по-видимому, один или оба снаряда, выпущенные «Весихииси», попали в цель.

Перед роковой встречей с «Весихииси» С-7 шла в надводном положении, заряжая аккумуляторы. В этом режиме для интенсивного поступления воздуха к обоим работающим дизелям переборочные двери в 4-й (аккумуляторный) и 5-й (дизельный) отсеки бываюот отдраены. По причине, связанной с несением службы, в момент попадания торпеды в кормовую часть С-7 могла быть отдраена и переборочная дверь из 5-го в 6-й (электромоторный) отсек. Взрыв торпеды, разрушив оба корпуса лодки (и, судя по характеру разрушения на лодке, не вызвав детонации торпед С-7), балластные цистерны и переборку кормовой части корпуса, привел к почти мгновенному затоплению кормовой части лодки. К тому же часть 7-го отсека не отделилась от лодки и сыграла роль дополнительного груза. По этим причинам торпедированная С-7 начала быстрое погружение «кормой вперед с приподнятым

носом», как это и наблюдали с «Весихииси». Оно продолжалось всего около 30 секунд.

Вторая важная деталь: на одном из видеокадров хорошо видна перископная тумба и поднятый один из двух перископов — командирский. Я долго не мог понять, почему был поднят перископ. Возможное объяснение этому дал капитан 1-го ранга С.М. Кубынин, переживший в 1981 году очень похожую аварию на лодке С-178 Тихоокеанского флота. Тогда лодка, шедшая в надводном положении с открытыми «на просос» переборочными дверями, была протаранена встречным рефрижератором. Его форштевень пробил оба корпуса в шестом отсеке, а также балластные цистерны, и ПЛ, приняв забортную воду, в том числе через открытый рубочный люк, «кормой вперед и с приподнятым носом» за 15 секунд легла на грунт на глубине 32 м (глубина дна, где лежит С-7, составляет 35 м).

Как и в 1942 году, на С-178 при ударе был смыт в море находившийся на мостике командир лодки. Через двое суток старпом капитан-лейтенант Кубынин сумел вывести оставшихся в живых моряков на поверхность. Так вот, офицер считает, что перископ был выпущен моряками С-7, продолжавшими жить на затонувшей лодке за счет оставшегося в ней воздуха. И с одной лишь целью: чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, в которой оказалась лодка, надеясь, что, может быть, ПЛ все же лежит на перископной глубине.

Ленины — моряки Российского флота¹

На русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем одна могила невольно привлекает внимание фамилией, выбитой на гранитном постаменте: «Капитан 2 ранга Анатолий Ленин. 1878–1947». Эта фамилия, под которой всему миру известен создатель Советской России и СССР Владимир Ульянов, невольно вызывает вопрос: а разве был еще какой-то Ленин? Ведь много лет эта фамилия воспринималась только как псевдоним одного из самых известных исторических деятелей XX столетия, причем его происхождение никогда не раскрывалось.

¹ В соавторстве с В.Н. Дядичевым. Впервые опубликовано: Морской сборник. 1999. № 11. С. 78–83.

Разгадкой этой тайны занимался питерский историк Михаил Штейн, много претерпевший из-за своих попыток установить истину и закончивший в конце концов свои поиски монографией «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима» (СПб., 1997).

Фамилия на памятнике привлекла наше внимание еще в 1994 году. Тогда русский парижанин Владимир Александрович Шамраев, воевавший в годы Второй мировой войны в рядах французской армии, рассказал любопытную историю. Когда на Сент-Женевьев стали бывать приезжие из России, он водил их по русскому кладбищу и среди прочего говорил, что здесь похоронены Ленин и Троцкий. Слушатели при этом странно глядели на своего провожатого и даже не брали в труд возражать против этой, как им казалось, нелепости. Когда же Владимир Александрович подводил их к могиле Анатолия Ленина, его подопечные бурно взрывались: «Но это же не тот Ленин!» — «Я и не говорил, какой именно Ленин похоронен на Сент-Женевьевде-Буа! Пройдем теперь к могиле русского, носившего фамилию Троцкий».

Начав свой поиск в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге, мы обнаружили, что Ленин — фамилия не одного, а шестерых моряков Российского флота! Первый из них начал службу в 1757 году, а последний, тот самый капитан 2-го ранга Анатолий Ленин, закончил ее в 1920 году, вместе с другими офицерами Российского флота оказавшись в изгнании...

В архиве Военно-морского флота хранится послужной список «Гребного флота первой дивизии второй эскадры боцмана Якова Ленина»* (в словаре В.И. Даля, отставного мичмана, боцман определен как «морской фельдфебель, вахмистр, старший нижний чин во флоте»). Отчества в послужном списке нет, можно лишь определить год рождения — 1729 год, так как известно, что в 1791 году ему исполнилось 62 года.

Вступив в службу в 1757 году матросом, Яков Ленин только через шестнадцать лет получил унтер-офицерский чин квартирмейстера, а боцманом стал лишь в 1789 году, когда ему было уже шестьдесят лет (не зря, видимо, говоря о боцмане, в старину всегда добавляли прилагательное «старый»). Боцман Ленин дважды побывал в морских сражениях: во время Семилетней войны 1756–1763 годов и русско-шведской войны 1788–1790 годов. В первой из них на линейном корабле «Иоанн Златоуст» в августе 1760 года в составе

* РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 4. Д. 2598. Здесь и далее под звездочками примеч. авт.

эскадры адмирала Мишукова участвовал в бомбардировке прусской крепости Кольберг. Об участии боцмана Ленина во второй говорит такая запись в его послужном списке: «1790 — был на канонерской лодке и принимал участие в сражении с неприятельским флотом». Под чьим командованием Яков Ленин участвовал в сражении — не указано, хотя обычно фамилия командира называлась (на «Иоанне Златоусте» — «под командой Сергея Наумовича Сенявина»). Между тем список подписал лейтенант Федор Томашевский, командовавший во втором Роченсальмском сражении 28 июня 1790 года шебекой* «Минерва» и попавший к шведам в плен**. Именно под его командой в 1791 году боцман Ленин на канонерской лодке «совершил рейс до Роченсальмского порта, где ныне и находится». Может быть, потому и не указана фамилия командира канонерской лодки, что им был лейтенант Федор Томашевский, подписавший список, и как раз на «Минерве» и служил Яков Ленин?

Документов о службе Якова Ленина после 1791 года не нашлось. Получил ли он офицерский чин — неизвестно, но лейтенант Томашевский 24 октября 1791 года закончил послужной список старого боцмана так: «Поведения хорошего. К должности рачителен, к повышению чина быть достоин».

Все следующие моряки Ленины принадлежали к роду, ведущему свое начало от енисейских казаков и получившему в XVII веке дворянство под такой фамилией за освоение Сибири, и в частности за устройство казачьих зимовий по реке Лене***.

Василий Михайлович Ленин окончил Морской корпус и в 1796 году получил чин мичмана — первый чин строевого офицера в Российском флоте. Его служба в Балтийском флоте была непродолжительной и не содержала каких-либо особенных моментов: на фрегате «Нарва» он дважды был в плаваниях у берегов Англии в Немецком (ныне Северном) море. В 1801 году Василий Михайлович Ленин был уволен от службы в чине лейтенанта****. Интересно, что именно он в 1827 году был «восприемником от купели при Святом Крещении» сына своего пятиродного брата Егора Федоровича Ленина, отставного штабс-капитана****. Этот-то сын, Николай Ленин, и стал тем человеком, чей паспорт в 1900 году вскоре после его смерти оказался у

* Шебека — русское гребное судно 2-й половины XVIII века, имело до 40 весел и до 50 пушек малого калибра.

** Общий морской список. СПб., 1890. Ч. V.

*** Штейн М. Ульяновы и Ленины: Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 156.

**** Общий морской список. СПб., 1890. Ч. IV. С. 233.

***** Штейн М. Ульяновы и Ленины. С. 198.

Владимира Ульянова, подавшего прошение о выдаче заграничного паспорта, чтобы в случае отказа получить его на имя вполне благонадежного российского подданного — нужно было лишь подчистить и исправить год рождения. В 1901 году в Штутгарте, где печатался журнал российских социал-демократов «Заря», Владимир Ильич Ульянов по просьбе владельца типографии предъявил российский паспорт на имя Николая Егоровича Ленина, а в декабре того года в «Заре» появилась статья, подписанная «Н. Ленин»*.

Сыновья Василия Михайловича Ленина, погодки Сергей и Михаил (1810 и 1811 годов рождения), в 1824 году поступили в Морской корпус и по Высочайшему приказу «за оказанные в службе нашей ревность и прилежание, в наши мичмана 1828 года апреля 25 дня всемилостивейше пожалованы»**. Вся их флотская служба, закончившаяся для Михаила в 1840 году в чине капитана Корпуса корабельных инженеров, а для Сергея — в 1843 году в чине капитан-лейтенанта, прошла на Балтике. В 1830 году оба они на фрегате «Анна» совершили плавание из Кронштадта до Исландии. Михаил Васильевич в 1832 году был произведен в лейтенанты, служил на корвете «Князь Варшавский» и фрегате «Мария», а в 1838 году был переведен в Корпус корабельных инженеров. Сергей Васильевич был произведен в лейтенанты в 1834 году с прикомандированием к Гвардейскому экипажу. В декабре того же года был зачислен в Гвардейский экипаж с назначением на яхту «Дружба», на которой плавал между Петербургом и Кронштадтом.

Следует отметить, что в службе Михаила Васильевича «Ленина 2-го» было одно яркое событие, оставившее его имя не только в истории флота, но и науки. В архиве Военно-морского флота хранится рапорт директора Морского корпуса, в офицерском классе которого состоял мичман Михаил Ленин, поданный 27 мая 1831 года начальнику Главного Морского штаба князю А.С. Меншикову.

Директор корпуса И.Ф. Крузенштерн представляет перевод книги французского профессора Луи Поенсо (в современных библиографических указателях — Пуансо) «Начальные основания статики»: «Желая ввести упомянутое сочинение в Морском корпусе, я поручил перевести сию книгу на русский язык мичману Ленину, коего могу рекомендовать Вашей светлости как офицера, страстно занимающегося математическими науками. По окончании перевода я поручил академику Остроградскому (М.В. Остроградский состоял под началом И.Ф. Крузенштерна, будучи профессором математики офицерских

* Штейн М. Ульяновы и Ленины. С. 207.

** РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2284.

классов Морского корпуса. — *Авт.*) рассмотреть оный, и, как он письменно меня уведомил, что перевод точен и во всем весьма исправен, я решил напечатать оный».

Добавим, что последнее, пятое издание «Статики» через М.В. Остроградского предоставил для перевода сам автор. При переводе Михаил Ленин пользовался советами еще одного известного математика — академика В.Я. Буняковского. Кроме самого перевода, Ленин в специальном приложении дал собственный аналитический метод решения одной важной задачи статики, которую французский автор решал «совершенно геометрически».

Успех молодого мичмана был оценен: по представлению князя Меншикова Император Николай I «Всемилоостивейше повелел наградить мичмана Ленина 2-го бриллиантовым перстнем».

Офицером флота в роду Лениных был и Александр Васильевич, возможно брат Сергея и Михаила. Сведения о нем мы обнаружили в «Общем флотском списке» за 1856, 1857 и 1859 годы. В последнем из них в разделе «Штаб- и обер-офицеры рабочих экипажей Балтийского и Черноморского флотов» (с. 21) числится капитан 3-го экипажа Балтийского флота Ленин Александр Васильевич. В службе — с 1832 года, офицером — с 1837-го, в чине (капитан) — с 1858 года. В 1855 году награжден знаком отличия за 15 лет беспорочной службы, в 1856 году — бронзовой медалью «В память Восточной войны 1853–1854–1855–1856 годов». И это все, что удалось узнать о его службе: в РГА ВМФ послужных списков А.В. Ленина не нашлось, а «Общий флотский список» за период 1860–1871 годов обнаружить не удалось. В таком списке за 1872 год, имеющемся в Центральной военно-морской библиотеке (и следующем в этом собрании за списком 1859 года), Александра Васильевича Ленина уже нет. Михаил Штейн нашел указание о его могиле на православном Волковом кладбище Санкт-Петербурга, где он назван «майором флота, скончавшимся 11 октября 1881 года».

Последним известным нам шестым моряком Лениным был внук Сергея Васильевича — Анатолий. По прошению его матери, Веры Васильевны Лениной, жены губернского секретаря, отставного корнета Василия Сергеевича Ленина, поданному 28 января 1891 года начальнику Морского училища (тогдашнее название Морского корпуса), внук отставного капитан-лейтенанта Анатолий Васильевич Ленин, 1877 года рождения, из потомственных дворян Нижегородской губернии, был допущен к вступительным экзаменам. Выдержав экзамены, 30 августа 1891 года Анатолий Ленин «поступил в Морской корпус кадетом». Перейдя в старшие специальные классы, стал гардемаринном, и по существовавшему положению с 15 сентября 1895 года начала

исчисляться его действительная служба в Российском флоте. Михаил Штейн ошибся, связав эту дату из послужного списка Анатолия Ленина с началом службы «на кораблях Балтийского и Черноморского флотов» после окончания корпуса — еще три года оставаться ему в Морском корпусе гардемаринном, а до «кораблей Балтийского флота» — вообще более восьми лет!

Выпуск Морского корпуса 1898 года состоялся 15 сентября. Об этом столетней давности выпуске, многие офицеры которого оставили след в истории Российского флота, была специальная статья Александра Першина в № 12 «Морского сборника» за 1998 год.

Мичман Ленин получил назначение в 33-й флотский экипаж Черноморскою флота «помощником заведывающего обучением новобранцев». Служба Анатолия Ленина на кораблях Черноморского флота началась в марте 1899 года. Он служил вахтенным начальником вначале на номерном миноносце, а позже — эскадренном броненосце «Двенадцать апостолов», транспортах «Ингул» и «Пендераклия», мореходной канонерской лодке «Донец». На ней в мае 1902 года мичман Ленин под командой капитана 2-го ранга Парфенова ходил в Турцию. Скорее всего, «Донец» совершил заграничное плавание в Константинополь, и по дипломатическому протоколу среди других офицеров «Донца» мичман Ленин удостоился «ордена и знаков отличия турецкого ордена Османие IV степени» (в годы Первой мировой войны, когда Турция была противником России, этот орден среди наград Анатолия Ленина не указывался).

6 апреля 1903 года выполнивший плавательный ценз мичман Ленин производится в лейтенанты, а 30 июня Высочайшим приказом неожиданно «зачисляется в запас флота». Что стояло за этой явно экстренной мерой, нам выяснить не удалось.

В связи с начавшейся Русско-японской войной 1 марта 1904 года «состоявший в запасе флота и числившийся по Петербургскому уезду лейтенант Анатолий Ленин» призывается на действительную службу. Он назначается в Ревель в 13-й экипаж Балтфлота и попадает вахтенным начальником на эскадренный броненосец «Сисой Великий», готовящийся к походу на Дальний Восток. Вот когда начинается служба Анатолия Ленина «на кораблях Балтийского флота»!

Однако ей не суждено было состояться. Вечером 31 августа Анатолий Ленин съезжает с броненосца на берег, видимо договорившись с сослуживцами о «прикрытии». Вечером 5 сентября он возвращается на корабль. Его отлучка между тем не прошла незамеченной: командующий эскадрой контр-адмирал Рожественский по своим собственным каналам узнал об этом и, будучи безжалостным службистом, устроил показательную экзекуцию. Положение

усугублялось доносом старшего адъютанта Главного Морского штаба (его имя легко устанавливается — в это время данную должность занимал капитан 2-го ранга Зилоти), который «известил» начальство о том, что лейтенант Ленин «выманил обещанием жениться у киевской мещанки Богуславской 1600 рублей, а от командира броненосца — заявление, что лейтенант Ленин — алкоголик» и, стало быть, жениться не может. Для интереса мы просмотрели адресно-справочную книгу «Весь Киев на 1904 год». В ней указаны две Богуславских: домовладелицы Агнесса Семеновна и Надежда Васильевна — и два Богуславских: врач-дантист с инициалами А.М. и некто без инициалов, держащий рекламную контору. К кому из них имела отношение «киевская мещанка Богуславская», выдавшая деньги жениху?

Нельзя не сказать, что автор монографии Михаил Штейн вводит своих читателей в заблуждение: узнав об анекдотическом «заявлении» из архивного дела, он, опустив все подробности его появления, всерьез сообщает, что «в ходе переписки между Главным Морским штабом и командованием эскадры выяснилось, что... лейтенант Ленин — алкоголик». Обращает на себя внимание, что этот, говоря современным языком, компромат ничем не подтверждается в заведенном в отношении лейтенанта Ленина «Деле об увольнении от службы без прошения». Каких-либо свидетельств, равно как и объяснений командира «Сисоя Великого» капитана 1-го ранга Озерова о выдаче лейтенанту Ленину «заявления» в деле нет. Открытие дела сулило Анатолию Ленину много неприятностей. Статья 128 Военно-морского устава о наказаниях признавала побегом в военное время «самовольное отсутствие... от команды или от места своего служения, продолжавшееся более трех дней». А статья 130 этого устава предусматривала за побег в военное время исключение офицера из службы с лишением чинов. А это означало такой позор, с каким жить в обществе было бы просто невозможно.

Но Анатолию Ленину, совершившему служебный проступок, возведенный «грозным адмиралом» Рожественским в принцип «дать резкие доказательства серьезности отношения высшего начальства к провинностям», неожиданно повезло. В дело вмешался генерал-адмирал Великий Князь Алексей Александрович. И тогда нашелся компромисс: лейтенант Ленин увольняется по прошению на Высочайшее имя, но с так называемым реверсом, на что Рожественский нехотя согласился. И 16 сентября 1904 года лейтенант Ленин подает прошение на имя Императора Николая II об увольнении от службы в связи с «расстроенным здоровьем» и предоставлением «установленного законом реверса»: «Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что в случае

увольнения меня от службы никаких денежных пособий просить не буду». 20 сентября 1904 года Высочайшим приказом лейтенант Ленин увольняется в отставку.

Можно сказать, что Анатолию Ленину повезло — адмирал Рожественский вынужден был отступить. Но это «везение» еще не раз напомнит о себе отставному лейтенанту. Как только Анатолий Ленин намеревался сделать в жизни решительный шаг, тут же следовал запрос в Главный Морской штаб: соблаговолите сообщить причину отставки, «о коей совершенно умалчивается в приказе об увольнении». Так было, когда он в ноябре 1904 года, еще оставаясь в Ревеле, намеревался жениться на дочери купца Киришгофа и когда в марте 1906 года, находясь в Риме, обратился в российское консульство с просьбой о принятии на службу. Ответы из Главного Морского штаба, несмотря на упреждающие письменные просьбы Анатолия Ленина «не отказать в благоприятном ответе», ставили крест на мечтах отставного лейтенанта и о женитьбе, и о дипломатической карьере. Общественное мнение не прощало увольнения с военной службы «за неодобрительное в нравственном отношении поведение».

Третья служба Анатолия Ленина началась в связи с Первой мировой войной. 9 октября 1914 года он зачисляется во 2-й Балтийский экипаж. Он остается лейтенантом, но чин ему «за пребыванием в отставке» отсчитывается с 16 декабря 1913 года. Кстати, Анатолий Ленин получил и «золотой знак по окончании курса Морского корпуса», введенный в 1910 году и наряду с орденами и медалями включавшийся в список наград.

Лейтенант Ленин назначается в Экспедицию особого назначения капитана 1-го ранга (впоследствии контр-адмирала) М.М. Веселкина, созданную в августе 1914 года для транспортировки военных грузов по Дунаю в Сербию. О службе А.В. Ленина в этой экспедиции красноречиво говорит найденный нами в архиве Военно-морского флота наградной лист на присвоение ему за боевые отличия чина старшего лейтенанта.

Заполняя графу «За что представляется», командир отряда капитан 1-го ранга Семенов написал следующее: «Состоя комендантом вооруженного парохода “Граф Игнатъев” (во время войны на судах, хотя и вооруженных, но не переведенных в Морское ведомство, назначался комендант, в ведении которого находились все военные вопросы. — *Авт.*), в течение 1914 и 1915 гг. успешно конвоировал транспорты в Сербию и обратно, причем благодаря своей энергии, бдительности и знанию дела провел их 45 раз, неоднократно предупреждая попытки взрыва караванов и отражая атаки неприятельских аэропланов.

Кроме того, бдительно охранял устье Дуная, что дало возможность выполнить землечерпательные работы по углублению Потаповского канала, благодаря чему транспорты, подымаясь вверх по Дунаю, имели возможность миновать нейтральные воды Румынии, где зачастую появлялись неприятельские подводные лодки».

Здесь же имеются резолюция начальника экспедиции М.М. Веселкина, ставшего к этому времени контр-адмиралом: «Усердно ходатайствую о награждении чином этого блестящего офицера» — и согласие с этим начальника Морского штаба Верховного Главнокомандующего адмирала Русина, датированное 7 июля 1916 года. 30 июля Анатолий Ленин стал старшим лейтенантом.

Было очень приятно отыскать документ, восстанавливающий доброе имя А.В. Ленина как блестящего боевого офицера! Кстати, его боевые отличия на Дунае этим не ограничивались: в апреле 1915 года он получил орден Св. Анны III степени с мечами и бантом и в том же году удостоился сербских боевых наград: ордена Св. Саввы IV степени и Косовской медали.

В ноябре 1916 года старший лейтенант Ленин был назначен командиром бывшего румынского товаро-пассажирского парохода «Романия», переданного России и ставшего «авиационным крейсером» или «гидрокрейсером» в Воздушной дивизии Черноморского флота.

Активного участия в Первой мировой войне «Румыния» принять не успела, но ей приписывается «участие в боях против войск Каледина на реке Дон в декабре 1917 г.» в начавшейся Гражданской войне. Командиром «Румынии» и в это время оставался А.В. Ленин. Что же было на самом деле, удалось выяснить по документам РГА ВМФ, долгое время бывшим секретными.

Следует сказать, что до кровавых событий 15–16 декабря 1917 года власть в Севастополе принадлежала эсеровски-меньшевистскому Совету военных и рабочих депутатов. Центральный комитет Черноморского флота (Центрофлот) еще напрямую не управлял флотом: приказы подписывал командующий флотом (контр-адмирал Немитц) или его начальник штаба (контр-адмирал Саблин), подпись же представителя Центрофлота была второй (интересно, что недавними историками власть стала считаться советской только после кровавой ночи с 15 на 16 декабря 1917 года, когда совет стал большевистским).

12 ноября 1917 года из Севастополя в Ростов для борьбы с войсками донского правительства генерала А.М. Каледина, не признавшего советской власти, вышла флотилия в составе пяти кораблей Черноморского флота. 25 ноября флотилия «с большими трудностями»

ми» пришла в Ростов-на-Дону и начала боевые действия против войск Каледина. В этот же день в Севастополе Центрофлот провел заседание с комиссиями Совета военных и рабочих депутатов и командованием ЧФ. Несмотря на возражение комфлота, совещание решило послать на Дон новый отряд кораблей: эсминцы «Поспешный» и «Дерзкий» и гидрокрейсер «Румыния». 30 ноября на флотилию поступила радиogramма — ответ на просьбу прислать деньги, боеприпасы и подкрепление. В ответе, подписанном главным комиссаром ЧФ Василием Роменцом, среди прочего сообщалось: «Миноносцы “Поспешный” и “Дерзкий” ушли к вам, гидрокрейсер “Румыния” также будет базироваться в Мариуполе. На нем три гидроаэроплана». Отсюда следует, что посылка «Румынии» в Ростов и не планировалась. Скорее всего, предполагались боевые вылеты гидросамолетов, привезенных «Румынией».

Однако сделать это вряд ли успели: 2 декабря Ростов был взят войсками Каледина, а флотилия стояла на Дону без боезапаса и топлива. Любопытен исторический факт, о котором рассказал Алексей Платонов — матрос-большевик с линкора «Свободная Россия», председатель I Общечерноморского съезда, проходившего в Севастополе в ноябре 1917 года: ревком Ростова через делегацию предъявил Каледину требование выдать всех оставшихся в живых матросов и отпустить уголь для флотилии. Эти требования Каледин согласился выполнить с тем условием, что матросы покинут Ростов. Не имея поддержки из Севастополя, флотилия вынуждена была уйти из Ростова.

6 декабря вся флотилия собралась в Мариуполе, а 8 декабря судовой комитет гидрокрейсера телеграфировал в Севастополь просьбу прислать в Мариуполь вместо «Румынии» какое-либо «военное судно». На этом настаивал бесфамильный «комиссар Мариуполя», также подписавший телеграмму. Таким в действительности было участие «Румынии» в боях с войсками Каледина.

Уцелевший во время кровавых расправ с офицерами в Севастополе командир гидрокрейсера «Румыния» военный моряк Ленин в декабре 1917 года подал рапорт об увольнении в отставку, с которой согласились судовой комитет и штаб начальника Черноморской воздушной дивизии и которая была принята Центрофлотом 7 января 1918 года.

Как сложилась судьба А.В. Ленина в период Гражданской войны, выяснить не удалось. В документах штаба командующего Белым Черноморским флотом (РГА ВМФ, ф. р-72), когда-то попавших в азово-черноморскую ЧК и хранящихся в обложках с ее титулом, каких-либо сведений об А.В. Ленине обнаружить не удалось. Ясно лишь,

что, оставаясь старшим лейтенантом Российского флота (к 25 октября 1917 года двухсотым по старшинству), следующий чин капитана 2-го ранга он получил в Белом флоте. Можно предположить, что он вернулся на пароход «Граф Игнатъев», на котором проплавал с 1914 по 1916 год. Известно, что этот пароход входил в состав Кинбурнского отряда Белого Черноморского флота, поддерживавшего операции Добровольческой армии под Херсоном и Николаевом в августе 1919 года.

Так или иначе, капитан 2-го ранга Анатолий Ленин оказался в числе русских беженцев в Константинополе. Последние годы жизни А.В. Ленин провел в Париже, где торговал с лотка конфетами (по рассказу отца Бориса, сына контр-адмирала Г.К. Старка, однокашника А.В. Ленина по Морскому корпусу; в 1952 году отец Борис вернулся на Родину и до конца своих дней служил священником в Ярославле).

От парижской жизни А.В. Ленина чудом сохранился и попал в Россию, в архив «Морского сборника», любопытный «экспонат» — меню обеда, устроенного бывшими морскими офицерами в день праздника Морского корпуса, 6 ноября 1928 года, в эмигрантском ресторане «Большой московский эрмитаж». На обороте меню между полосами Андреевского флага расписались участники встречи, и среди них — Анатолий Ленин. Как уже говорилось, его парижская жизнь закончилась на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Причем на памятнике с развевающимся эмалевым Андреевским флагом и очеканенным из красной меди барельефом головы Иисуса Христа в терновом венце в качестве года рождения проставлен 1878, который сам Анатолий Васильевич считал правильным.

Такой была служба в Российском флоте шести моряков, носивших фамилию Ленин. Жизнь каждого из них по-своему отразила события российской истории, став в то же время ее частью.

В заключение мы хотели бы выразить глубокую благодарность людям, свято хранящим историю Российского флота, без помощи которых мы не смогли бы провести долгий и кропотливый поиск. Это — научные сотрудники Российского государственного архива Военно-морского флота Т.С. Федорова, Н.А. Гоц, Л.А. Юрковская, сотрудники Центрального военно-морского музея К.П. Губер, Л.И. Березницкая, Е.Е. Головкин, Г.А. Лаврентьева, сотрудники Центральной военно-морской библиотеки Э.А. Ильин, К.К. Столт.

Три поколения Горенко¹

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
А я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых,
И говорила сестре сердито:
Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента.

А. Ахматова.

У самого моря (1914)

Выдающаяся русская поэтесса Анна Ахматова — дочь Андрея Антоновича Горенко и Инны Эразмовны, урожденной Стоговой, — происходила из морской семьи. Оба ее деда: Антон Андреевич Горенко и Эразм Иванович Стогов, а также отец Андрей Антонович и брат Виктор Андреевич были флотскими офицерами. Но об их службе в Российском флоте известно немного.

Сама Анна Андреевна в автобиографических заметках скупко сообщает, что отец был «отставным инженер-механиком флота». Трагическое стихотворение 1918 года с известными строчками «На Малаховом кургане офицера расстреляли» посвящено ей, как считали в семье, погибшему брату. Немногочисленные сведения о морской службе трех поколений флотских офицеров Горенко можно найти только в отдельных публикациях, таких как ссылка на некролог Андрея Антоновича Горенко в «Одесском листке» за 7 сентября 1915 года, помещенная в биографическом словаре «Русские писатели» (М., 1989), а также в опубликованных фрагментах семейных воспоминаний и рассказах третьих лиц. Немного больше сказано об этом в краткой биографии Андрея Антоновича Горенко в библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (М., 1934. Т. 3. Вып. 2). Приводятся основанные на документах штрихи

¹ В соавторстве с В.Н. Дядичевым. Впервые опубликовано: Морской сборник. 1995. № 3. С. 87–90.

Лейтенант Андрей Антонович
Горенко. Санкт-Петербург. Начало
1880-х гг.

Корабельный гардемарин
Виктор Горенко. 1916

флотской службы Антона и Андрея Горенко, хотя и избыточные неточностями, в обстоятельной работе В.А. Черных, посвященной родословной А.А. Ахматовой (в сб.: Памятники культуры: Новые открытия. М.: Наука, 1993. С. 71–84).

Вместе с тем сведения о службе офицеров Российского флота с конца 20-х годов XIX века и до самой революции составлялись весьма тщательно и, слава Богу, в большинстве своем уцелели. Они-то и позволяют достаточно полно восстановить картину службы в Российском флоте деда, отца и брата Анны Ахматовой.

Итак, ее дед по отцу — Антон Андреевич Горенко (1818–1891), поступив в 1832 году юнгой в Черноморское артиллерийское училище, к концу службы в 1887 году имел чин подполковника по Адмиралтейству и состоял в Черноморском Его Императорского Высочества генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича флотском экипаже*. Вся его жизнь и служба прошли в Севастополе. Здесь он родился в семье унтер-офицера Андрея Яковлевича Горенко, участника Русско-турецкой (1806–1812) и Отечественной (1812) войн, а также Заграничных походов русской армии (1813–1814), непосредственного участника Бородинского сражения и взятия Парижа русскими войсками**.

По окончании Черноморского артиллерийского училища Антон Горенко служил унтер-офицером во 2-м учебном Морском экипаже в Севастополе. В апреле 1842 года получил первый офицерский чин прапорщика по ластовым экипажам***. В 1842–1843 годах плавал по Черному морю на транспортах «Слон» и «Сухум-Кале». Получив в 1851 году очередной чин подпоручика, служил в 4-м ластовом экипаже в Севастополе, где его и застала война 1853–1856 годов. В послужном списке подпоручика Горенко так говорится о его участии в обороне Севастополя: «В походах и делах против неприятеля находился на Николаевской батарее во время бомбардирования Севастополя англо-французами 5 и 6 октября 1854 г. и 14-го — в усиленной рекогносцировке против неприятельских укреплений на Инкерманских высотах».

* РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 661. 1887 г.

** РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ч. 2. Д. 3271. 1840 г.

*** Ластовый экипаж — отдельная команда матросов для службы на вспомогательных судах. По словарю В.И. Даля, «ласт... мера в 12 четвертей хлеба или другого сыпучего вещества. При измерении вместимости купеческого судна: две тонны или 120 пудов. <...> Ластовый, к ласту относящ[ийся]: морск[ой термин] — назначенный для перевозки тяжестей, для транспортной и портовой службы. Ластовые экипажи, назначенные для ластовой службы. Ластовый сбор, с купеческих судов, по величине их, по числу ластов».

За этими скупыми строками — драматические события обороны города: первая из шести за время осады массированных бомбардировок Севастополя, произведенных с моря и суши, Инкерманское сражение, последовавшее 24 октября 1854 года за «усиленной рекогносцировкой». Тогда наступлением русской армии на Инкерманские высоты, занятые и укрепленные неприятелем, удалось сорвать назначенный на начало ноября штурм Севастополя, что вынудило противника перейти к изнурительной зимней осаде. За «дела против неприятеля» подпоручик Горенко в апреле 1855 года был награжден орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом. Получил он также серебряную медаль «За защиту Севастополя» и бронзовую «В память войны 1853–1856 гг.»*

С этого времени служба Антона Андреевича Горенко проходит исключительно «при берегу» на должностях старшего адъютанта сначала в штабе ластовой бригады, а затем в штабе начальника дивизии Черноморского флота (1856–1860), смотрителя Севастопольского морского госпиталя (1860–1873), смотрителя казенных земель и садов Севастопольского порта (1873–1886). В чине капитана в марте 1869 года он был назначен «состоять по Адмиралтейству», что по флотской иерархии было выше «состояния по ластовым экипажам». В апреле 1880 года ему присвоили чин майора, а в марте 1885 года — подполковника. Уволен от службы Антон Андреевич Горенко в апреле 1887 года «с мундиром и пенсией» полковником по Адмиралтейству.

Помимо наград за Крымскую войну он имел боевую бронзовую медаль «В память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», как находившийся под огнем противника в Севастополе, когда 13 августа 1877 года город бомбардировали два турецких броненосца. Был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом за 25 лет военной службы, орденами Св. Станислава II степени и Св. Анны II степени с императорской короной.

Теперь об отце Анны Андреевны Ахматовой — старшем из трех сыновей Антона Андреевича, Андрее Антоновиче Горенко (1848–1915). «В службу вступил в Черноморскую штурманскую роту кадетом 10 июня 1858»**. Такое название в 1826 году получило штурманское училище в Николаеве, основанное в 1798 году. За время девятилетнего курса обучения Андрей Горенко, произведенный в 1862 году в юнкера с назначением в 1-й сводный Черноморский

* Портрет А.А. Горенко упомянут в «Историческом каталоге музея Севастопольской обороны» (Пг., 1914. С. 112). Во время Великой Отечественной войны портрет был утрачен.

** РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 724. 1875 г.

флотский экипаж, плавал по Черному и Азовскому морям на шхунах «Салгир», «Бомборы» и «Псезуапе», транспортах «Килия» и «Дунай», пароходах «Инкерман» и «Сулин», корвете «Волк» и императорской яхте «Тигр». Столь пестрый состав судов, на которых проходили его служба и обучение, объясняется действием статей «разгромного» Парижского трактата 1856 года, запрещавших России иметь на Черном море военный флот. Утратил же этот трактат силу лишь в 1871 году.

В 1868 году юнкер Горенко был произведен в кондукторы корпуса инженер-механиков флота и назначен на пароход «Прут», на котором в 1868–1869 годах плавал по Черному и Азовскому морям. В 1869–1870 годах был в заграничном плавании в Константинополь на пароходе «Тамань».

По возвращении из заграничного плавания А.А. Горенко 14 декабря 1870 года получает первый офицерский чин прапорщика корпуса инженер-механиков флота. Состоя в Черноморском экипаже в Николаеве, а затем в 1-м Черноморском флотском Его Императорского Высочества генерал-адмирала Великого Князя Константина Николаевича экипаже в Севастополе, он плавает по реке Буг и Черному морю на шхунах «Дон», «Салгир» и винтовом корвете «Львица».

В 1874 году в связи с реорганизацией механической службы флота Высочайшим приказом Андрей Антонович «переводится во флот мичманом», перейдя в самую престижную когорту флотских офицеров, а в следующем 1875 году приказом по Морскому ведомству назначается штатным преподавателем Морского училища в Санкт-Петербурге* (так с 1867 по 1891 год именовался Морской корпус). Признаться, трудно объяснить такое перемещение по службе мичмана, состоявшего в этом чине чуть более года и ставшего единственным мичманом в штате из 18 преподавателей одного из самых привилегированных военных учебных заведений России. Но служба молодого преподавателя паровой механики идет успешно. Высочайшим приказом он «произведен по линии в лейтенанты с оставлением в должности 1 января 1879 г.», а 1 апреля того же года за 15 лет службы награжден орденом Св. Станислава III степени.

Наряду с преподавательской работой лейтенант А.А. Горенко активно на общественных началах занимался и деятельностью, направленной на улучшение организации торгового мореплавания Российского государства. Так, еще в 1878 году он представляет в Общество для содействия русской промышленности и торговле доклад о недостатках в деятельности Русского общества пароходства и торговли

* РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 790. 1876 г.

(РОПиТ)*. Но случай чуть не обрывает его так удачно складывающуюся карьеру и успешную общественную деятельность. Впрочем, может быть, этот «случай» как раз и подстроили влиятельные силы РОПиТа, чтобы заставить замолчать опасного критика их деятельности.

В конце апреля 1881 года, после убийства Императора Александра II, когда «проштрафившийся» департамент полиции Министерства внутренних дел всюду стал усиленно искать «врагов Империи», в Инспекторский департамент Морского министерства поступило сообщение о «политической неблагонадежности» группы морских офицеров, в которой фигурировал и лейтенант Горенко. Повод — «предосудительное содержание» его писем в Николаев чиновнику Яценко и народофильские симпатии двух его сестер**. Лейтенант Горенко немедленно отрешается от должности преподавателя и 7 сентября 1881 года «зачисляется по резервному флоту». Дело между тем набирает обороты, и 25 сентября министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев дает согласие на возбуждение против лейтенанта Горенко дела «особого производства по исследованию вредного его направления».

Находясь за штатом и ожидая решения о своей участи, А.А. Горенко тем не менее мужественно продолжает свою общественную деятельность. 2 декабря 1881 года он делает в вышепоименованном обществе доклад «Русское общество пароходства и торговли и его значение как субсидируемого пароходства»***, вызвавший большой общественный резонанс. Возможно, именно этот доклад, оказавшийся полезным правительству для его нового соглашения с РОПиТом, а также явная неприятность предъявляемых лейтенанту Горенко обвинений и вынудили департамент полиции «прекратить дело без последствий». 18 октября 1882 года Андрея Антоновича возвращают из резерва на действительную службу, но к преподавательской работе не допускают, а откомандировывают с оставлением во флоте — «для службы на судах коммерческого флота»****.

В этот период, длившийся около трех лет, А.А. Горенко активно участвует в изучении состояния торгового мореплавания на юге России, в подготовке предложений по новому уставу РОПиТа. Наконец 15 июня 1885 года его возвращают на действительную службу и 17 июня зачисляют во 2-й Черноморский флотский его королевского высочества герцога Эдинбургского экипаж в Николаеве. В 1885–1886 годах он плавает по Черному морю старшим штурманом на пароходе «Редут-Кале» и вахтенным начальником на шхуне «Казбек».

* Труды Общества. СПб., 1888. Ч. 19. С. 171.

** ГА РФ. Ф. 102. III Отделение. Д. 537. 1881 г.

*** Труды Общества. СПб., 1883. Ч. 13. С. 42.

**** РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2775. 1887 г.

В конце 1886 года А.А. Горенко приезжает из Николаева в Санкт-Петербург в отпуск. Здесь он 3 марта 1887 года подает прошение на Высочайшее имя об отставке по болезни. При ее оформлении было, как положено, подсчитано число так называемых цензовых, т.е. проведенных в плаваниях, дней. Оно оказалось равным 2165 дням. Значит, Андрей Антонович за свою 23-летнюю календарную службу на флоте находился в плаваниях без месяца 6 лет.

5 марта 1887 года лейтенант А.А. Горенко был уволен в отставку «с мундиром и пенсией» и производством в очередной чин — капитана 2-го ранга.

В дальнейшем, с 1889 по 1905 год, он находился на гражданской службе, связанной с делами торгового мореплавания, был награжден четырьмя высокими орденами и чином статского советника, полученным им за отличие в 1900 году. До последних дней своей жизни Андрей Антонович не порывал связей с Обществом содействия русской промышленности и торговле, для которого еще в молодости готовил доклады. Вообще, А.А. Горенко, несомненно, сделал немало для развития торгового мореплавания в России и даже, можно сказать, сыграл крупную роль в этом деле, до сих пор еще не оцененную по заслугам. Умер Андрей Антонович Горенко 25 августа 1915 года и похоронен на православном Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Брат Анны Ахматовой — Виктор Андреевич Горенко (1896–1976) поступил в Морской корпус в 1913 году по прошению отца о приеме сына в старший общий класс, поданному на имя тогдашнего директора корпуса контр-адмирала В.А. Карцова. Выдержав приемные экзамены, петербургский гимназист 9 сентября 1913 года стал кадетом Морского корпуса*. В 1915 году, уже гардемарин, он совершил учебное плавание на Тихом океане и в следующем 1916 году был произведен в корабельные гардемарины.

30 июля 1916 года в Морском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпусе произошел последний за его более чем 200-летнюю историю «царский» выпуск офицеров Российского флота. Мичман Горенко направляется в Черноморский флотский экипаж и убывает к месту службы в Севастополь**. Здесь он назначается на эскадренный миноносец «Зоркий», который в 1916–1917 годах нес охранную службу у западных берегов Черного моря. Послужной список мичмана Горенко в РГА ВМФ не сохранился, но факты его службы вначале на «Зорком», а после революции на «Керчи», пото-

* РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 944. 1913 г.

** РГА ВМФ. Научно-справочная библиотека. С-72. С. 597.

пившей по приказу Совнаркома ряд кораблей Черноморского флота в Новороссийске летом 1918 года, известны с его слов*.

По воспоминаниям В.А. Горенко известно также, что в декабре 1917 года он ушел из Севастополя пешком в Бахчисарай и благодаря этому уцелел, в то время как десятки флотских офицеров были расстреляны на Малаховом кургане, как было позже объявлено Военно-революционным комитетом, «в связи с контрреволюционным настроением командного состава, а также выступлением Каледина». Родные в Петрограде, и среди них сестра Анна, получили известие о гибели Виктора, поскольку на миноносец он не вернулся. Так родилось известное стихотворение Анны Ахматовой:

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

По словам Виктора Андреевича, он «в марте 1918 года прибыл во Владивосток». Здесь след мичмана Горенко обнаруживается в Морской роте штаба командующего Сибирской флотилией, куда он был зачислен 5 октября 1918 года**. Документов о его дальнейшей службе пока обнаружить не удалось, хотя известно, что до конца 20-х годов он жил в Александровске-на-Сахалине, затем — «много лет в Шанхае» и наконец в ноябре 1948 года переехал в Нью-Йорк, где и умер 4 февраля 1976 года в возрасте 80 лет.

Такой разной оказалась продолжавшаяся без малого 100 лет служба трех поколений семьи Горенко в Российском флоте, но она по-своему отразила историю России, являясь ее частью, а потому — нашим общим достоянием.

* Бюллетень Общества бывших русских морских офицеров в Америке. 1966. 10 апреля. № 1 (109).

** РГА ВМФ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 150 (Циркуляр нач. штаба Сиб. флотилии № 59).

Жизнь и смерть мичмана Пасвика, одного из последних Георгиевских кавалеров Первой мировой войны¹

На старинной фотографии изображен юный гардемарин Морского корпуса в парадной форме. На обороте — надпись: «Милому и доброму Владимиру Ивановичу на добрую память, к сожалению, о столь кратковременном соплавании на “Авроре” и вечерних беседах в лазарете — от маленького соплавателя». И подпись — В.Н. Пасвик, СПб, 26/III/1914 г. Ниже — приписка Владимира Ивановича Бологовского, врача крейсера «Аврора», которому была подарена фотография: «Убит при постановке мин со шлюпок у Босфора 11 мая 1917 года». Я не мог и предположить, что когда-нибудь увижу фотографию Володи Пасвика, у чьей могилы в парке российского генерального консульства в Стамбуле я стоял на панихиде 28 июля 1996 года...

В парке российского генконсульства Буюк-Дере, террасами поднимающегося вверх от Босфора, стоит мраморная стела с надписью: «Памяти моряков, погибших на подводной лодке “Морж” в мае 1917 года в Босфоре». И после перечисления имен погибших подводников: «Тела пятерых из 42-х моряков были извлечены из воды и похоронены в парке русского посольства. Вечная память соотечественникам, нашедшим покой на этой российской земле вдали от Родины». Памятник был торжественно открыт в День Военно-морского флота, 28 июля 1996 года. А на самой верхней террасе парка сохранились могилы русских моряков. Два московских священника отслужили панихиду по воинам, на поле брани за Отечество павшим. А вокруг стояла многочисленная русская колония Стамбула с поминальными свечами в руках...

В тот год, когда широко отмечалось 300-летие Российского флота, казалось, что судьба подводной лодки Черноморского флота «Морж», бесследно пропавшей в мае 1917 года со всем экипажем, наконец-то раскрыта. В архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге сохранилась телеграмма командующего Черноморским флотом вице-адмирала Колчака адмиралу Русину, представлявшему флот в Ставке Верховного главнокомандования: «Вышедшая в очередной дозор 28 апреля подводная лодка “Морж” старлейта Гадона до сих пор не вернулась. Посланные на поиски эсминцы захватили пленных, кото-

¹ Впервые опубликовано: Российские вести (приложение «Древо»). 2001. 25 апреля. № 4. С. 16–17.

рые показали, что первого мая видели бой подводной лодки с гидропланами у Эрегли. Вследствие этого является предположение, что лодка во время боя погибла. Точка. 15 часов 25 минут. 12 мая 1917 года». В отечественной и зарубежной военно-морской историографии о судьбе «Моржа» говорилось более осторожно: «Погиб в районе Босфора при невыясненных обстоятельствах».

И вот в парижской газете «Последние новости» удалось отыскать статью капитана 2-го ранга Черноморского флота Александра Павловича Лукина, в эмиграции в Париже в 1934 году выпустившего двухтомник под названием «Флот», посвященный действиям русских моряков в период 1914–1917 годов. Статья, напечатанная 23 июля 1929 года, называлась «Судьба “Моржа”». (Из воспоминаний морского офицера)». В ней рассказывалось о том, как эвакуированный из Крыма генерал П.Н. Колзаков, прибыв в Константинополь, стал выяснять судьбу своего племянника «инженер-механика Борисова», погибшего на «Морже». За помощью Петр Николаевич обратился к бывшему российскому послу в Турции Н.В. Чарыкову, в эмиграции жившему в Константинополе. Тот в свою очередь обратился к «товарищу турецкого морского министра (так в прежние времена в России именовались заместители. — *Авт.*) Энвер-бею». А уж тот поручил

Владимир Николаевич Пасвик —
гардемарин Морского корпуса

расследование «Мехмеду Али, инспектору спасательной станции Румелийского берега» (побережья Балканского полуострова, примыкающего к Босфору. — *Авт.*). И вот каков был ответ последнего.

«После наведенных по всем направлениям справок выяснилось, что приблизительно четыре года тому назад (судьба «Моржа» расследуется в 1922 году. — *Авт.*), во время войны, русская подводная лодка, ставившая мины в Бююк-Лимане в целях загородить выход к Черному морю, наскочила на мину и взорвалась.

Ввиду того что были замечены плавающие на поверхности воды остатки вышеуказанной подводной лодки, к Анатоли-Кавак (место на азиатском берегу Босфора неподалеку от выхода в Черное море. — *Авт.*), находящемуся в германской зоне, отправился капитан Кох на буксире. Им было выловлено пять трупов в кусках — командира и механика русской подводной лодки, а также трех матросов ее экипажа. Он положил эти трупы в отдельные мешки и перевез их в парк русского посольства Бююк-Дере, похоронив командира и механика в одном рву, а трех матросов — в другом».

Не только фамилия П.Н. Колзакова, но и Н.В. Чарыкова, Энвера и Мехмета Али — подлинные. В справочнике германского Кригсмарине — военно-морского флота — нашелся и капитан-лейтенант Кох, в 1917 году бывший «начальником акватории Босфора». Только фамилия инженер-механика — не Борисов, а Брысов, и похоронены в Буюк-Дере не моряки с «Моржа»². То, что на самом деле случилось в мае 1917 года в Босфоре и о чем будет рассказано ниже, было хорошо известно офицеру Черноморского флота кавторангу Лукину — случившееся описано во втором томе его книги «Флот».

Зачем же Александру Павловичу понадобилась такая публикация о «судьбе» подводной лодки «Морж»? А дело в том, что был он

² В 2002 г. место гибели «Моржа» было обнаружено в 11 милях северо-восточнее входа в пролив Босфор в ходе работ международной экспедиции по поискам болгарской шхуны «Струма», погибшей в 1942 г. (подробнее см.: *Стрельбицкий К.Б.* Навечно остались в глубинах Черного моря...: Мартиролог черноморских подводников Отечества (1909–1945) // Тайны подводной войны. М., 2003. Вып. 16. С. 12–17). Тогда же стало ясно, что тела погибших моряков не могли быть вынесены к Анатоли-Каваку (из-за направления течений в этом районе). Знал об этом факте и В.В. Лобыцын. В связи с этим вызывает удивление утверждение украинских исследователей, сделанное ими в 2006 г.: «Авторы убеждены, что тела членов экипажа подводной лодки “Морж” не могли оказаться на берегу пролива, уж очень далеко от берега погиб корабль» (*Алексеев И.В., Гончаров А.С., Зabloцкий В.П.* Подводные лодки типа «Морж» // Морская кампания. 2006. № 3. С. 31). В этой же работе справедливо отмечается, что на «Морже» погиб не инженер-механик мичман В.А. Брискин (как указано на памятной доске), а служивший в таком же чине В.И. Брысов.

ярим противником минирования Босфора, осуществленного летом 1915 года подводным минным заградителем «Краб». И в эмиграции вел по этому поводу яростную полемику со всеми, кто был с ним не согласен.

Версия гибели «Моржа», изложенная автором, рассматривалась им как веский аргумент, доказывающий его правоту: «На “Морже” не было мин заграждения... Если он взорвался на mine, то на чужой. Между тем неприятельских мин в Анатоли-Кавак не было. Там ставил мины наш подводный минный заградитель “Краб”. Не погиб ли “Морж”, проникнувший в Босфор, на заграждении “Краба”? Тогда злую шутку сыграла с ним судьба! Сторонники же идеи минирования Босфора получили ужасное подтверждение не только бессельности, но и прямой опасности для своих заграждения активной позиции».

Что же все-таки произошло в мае 1917 года в Босфоре? В Российском государственном архиве ВМФ на Миллионной улице, 36 в Санкт-Петербурге, столь почитаемом историками флота, мне попался удивительный документ. Отдел о военнопленных российского МИДа 7 августа 1917 года со ссылкой на российскую же миссию в Гааге (Голландия в Первую мировую войну была нейтральной страной) сообщает Главному морскому штабу, что «26 мая около Босфора выброшено волнами тело одного русского морского офицера и еще тела трех матросов. Личность офицера выяснена по найденным на нем визитным карточкам, на которых значилось: “Мичман Владимир Николаевич Пасвик”. Имена матросов не установлены. Упомянутые лица принадлежали к экипажу двух минных заградителей, погибших у входа в Черное море в ночь с 25 на 26 мая с.г. Они погребены в ограде летней резиденции Константинопольского Российского посольства в Бююк-Дере 27 мая в 11 часов утра по обряду Православной церкви и со всеми воинскими почестями».

А еще в июле 1917 года Главный морской штаб получил из распорядительной части штаба командующего Черноморским флотом доклад с сообщением, «что мичман Пасвик, находившийся в отпуске в г. Севастополе, явился вечером 10 мая с.г. на крейсер “Память Меркурия” перед уходом в поход и попросил начальника особой операции взять его в предполагавшуюся операцию охотником, что ему и было разрешено. В ночь на 13 мая при выполнении отрядом баркасов второй части заградительной операции у неприятельских берегов мичман Пасвик, находясь на баркасе линейного корабля “Иоанн Златоуст”, погиб среди других от взрыва мины на рядом идущем баркасе, причем тело его обнаружено не было».

Эта безумная по смелости постановка минного заграждения в Босфоре с моторных баркасов в ночь на 25 и 26 мая (по новому стилю)

1917 года хорошо известна. В изданиях советского времени умалчивалось только, что план этой операции был разработан по инициативе и при активном участии командующего Черноморским флотом вице-адмирала Колчака, еще недавно командовавшего Минной дивизией на Балтике. Вот как она описана в известной «Боевой летописи русского флота» 1948 года.

«Для постановки малых мин в Босфоре корабельные моторные баркасы были доставлены к проливу крейсером “Память Меркурия” в сопровождении эскадренных миноносцев “Пронзительный” и “Гневный”. В 10 милях от входа в пролив баркасы были спущены на воду, приняли 120 мин с “Пронзительного” и подведены на буксире последнего к границе минного поля. Отсюда баркасы самостоятельно отправились в прорыв. Постановка мин была выполнена в течение 25 минут совершенно скрытно от неприятеля. В следующую ночь операция была повторена. Приняв мины с “Гневно”, баркасы на буксире быстроходного катера в строе кильватера отправились в глубь пролива, где, перестроившись в строй фронта, начали ставить мины. На одном из баркасов крейсера “Память Меркурия” во время постановки произошел взрыв, причем были убиты командир баркаса и четверо матросов. Вскоре на нем произошел второй взрыв, и остававшийся на плаву поврежденный баркас затонул. Уцелевшие люди были подобраны из воды находившимся близко вторым баркасом, который, пострадав от взрыва, позже также затонул. Звуки взрывов привлекли внимание турок, которые открыли освещение прожекторами, но ничего не обнаружили, что дало возможность уцелевшему баркасу на буксире быстроходного катера со спасенными благополучно вернуться к крейсеру».

Среди 15 погибших было три офицера: лейтенант Борис Моисеев, командовавший злополучным баркасом, с «Памяти Меркурия», мичман Михаил Псиол — командир баркаса с «Иоанна Златоуста» и находившийся на этом баркасе его друг и однокашник по Морскому корпусу мичман Владимир Пасвик. Все трое были посмертно награждены орденами Св. Георгия IV степени.

Какой же была так рано оборвавшаяся жизнь мичмана Володи Пасвика, вахтенного начальника крейсера Балтийского флота «Россия», которому устроили отпуск по болезни в майский Севастополь, кончившийся для него отпуском бессрочным?

...Владимир Николаевич Пасвик родился 23 декабря 1895 года в Виндаве (нынешнем Вентспилсе) в семье служащего таможи, отставного штабс-капитана корпуса флотских штурманов Николая Владимировича Пасвика. В сентябре 1910 года Володя стал кадетом Морского корпуса. В его деле воспитанника корпуса, хранящемся в

Российском государственном архиве Военно-морского флота, отмечено, что он хорошо владеет немецким и французским языками. В деле сохранился любопытный документ, колоритно отразивший учебу в Морском корпусе. Это «Хронологический перечень проступков кадета».

18 октября. Плохо шел во фронте на улице и подзывал собаку — 2 суток ареста.

23 октября. Намеревался уйти в отпуск с чужим палашом; был на улице в неформенных перчатках — 2 суток ареста.

7 февраля. Спать ложится последним и всегда опаздывает во фронт. К занятиям относится индифферентно.

30 сентября. Отправил с дневальным письмо каким-то особам женского пола, которые прогуливались мимо окон, — 5 суток ареста.

26 октября. Умышленно нарушал приказание не закрывать дверь в спальню — 2 часа под винтовкой.

19 ноября. Был в собственных сапогах — три очереди без отпуска.

13 января. Опоздал из отпуска на 14 минут, явился, кроме того, в собственных ботинках — месяц без отпуска и 5 суток ареста.

30 марта. Шумно вел себя на экзамене по английскому языку — внушение.

24 февраля. Ходил на праздниках в гимнастических туфлях — 5 суток ареста и 1 месяц без отпуска.

И тем не менее характеристика, данная отделенным начальником лейтенантом Попандопуло, была положительной: «Очень способен, довольно ленив, весьма интересуется морским делом, что иногда вредит классным занятиям. Характера весьма веселого и добродушного, умеет вполне отстоять свою независимость среди товарищей. Весьма нравственен, к правилам корпуса и обязанностям службы относится весьма исправно. Благовоспитан».

А вот воспоминание о Владимире Пасвике его однокашника Леонида Павлова: «Небольшого роста, русский, сероглазый, был прост и располагал к себе... Море ему давалось легко, он просто был в море дома... Одна мысль, одно желание владели им с ранних лет: получить Георгиевский крест...» (И как это часто бывает, судьба подслушала желание и выполнила его, к сожалению, не обговорив условий выполнения...)

30 июля 1915 года состоялся выпуск Морского корпуса. Следует сказать, что в этом году выпускники Морского корпуса во второй — и последний — раз были приняты в Царском Селе Императором Николаем II.

Мичман Пасвик был направлен во 2-й Балтийский флотский экипаж и попал на батарею тяжелых морских орудий, которая располагалась

лась на одном из островов Моонзундского архипелага. Тяготясь береговой службой, сумел добиться перевода вахтенным начальником на броненосный крейсер «Россия». К маю 1917 года он еще не оправился от последствий плеврита, и по рекомендации врачей ему был предоставлен отпуск по болезни. В Севастополе его вместе с мичманом Михаилом Псиолом встретил прибывший с Дуная Леонид Павлов — и не узнал. «С Мишей был молодой, бледный, мне неизвестный офицер. И только когда он сам радостно назвал меня по имени, я увидел, что это мой Пасвик».

Михаил Псиол, служивший на линкоре «Иоанн Златоуст», рассказал Леониду Павлову, что в числе добровольцев они с Пасвиком идут минировать Босфор. Прощаясь с друзьями на Графской пристани, Леонид Павлов предложил им взять что-либо из теплого и дождевого платья. Уже с отваливающего катера Володя Пасвик ответил: «Все есть, спасибо, не сахарные, не растаем!» И снова судьба — именно сахар погубил друзей...

Мины, называемые «рыбками», ставились на предохранитель куском сахара, который закладывался между особых стержней-усов, не давая им сжаться. После сбрасывания мины за борт в морской воде сахар растворялся, усы сжимались, и мина вставала на боевой взвод. А дальше — толчок или удар — и мина взрывалась...

Во время второй постановки три баркаса, приняв мины, на буксире катера подошли к Босфору и уже самостоятельно вошли в пролив. Погода была свежая, и хотя борта баркасов были защищены парусиновыми обвесами, волна, поднимая каскады брызг и водяной пыли, попадала на мины. Подойдя почти вплотную к маяку Фенар на азиатском берегу Босфора, баркасы начали сбрасывать мины за борт. Баркас с «Иоанна Златоуста» должен был ставить мины третьим в очереди, но его командир мичман Псиол голосом попросил уступить ему постановку вне очереди, так как его заливают волна. Баркас с линкора «Ростислав» уступил ему очередь, и Псиол благополучно закончил минирование. Его продолжил баркас с «Ростислава». И вдруг с баркаса крейсера «Память Меркурия» раздался крик лейтенанта Моисеева: «Меняю сахар!» Смену сахарного предохранителя могла вызвать только опасность взрыва мины на борту баркаса из-за таяния сахара от попавшей забортной воды.

Через несколько секунд на баркасе лейтенанта Моисеева раздался сильнейший взрыв. На находившемся неподалеку баркасе с «Ростислава» взрывом за борт смело почти всех. Лопнули баки с бензином, и баркас запылал. Раненый мичман Брикке, ползая по дну, с помощью нескольких уцелевших матросов сбрасывал за борт оставшиеся мины. Баркас с «Иоанна Златоуста» пытался подобрать с воды

уцелевших, но на баркасе с «Меркурия» грянули еще два взрыва, и «Иоанн Златоуст» исчез в море огня. Кто-то из уцелевших рассказывал потом, что видел Пасвика лежащего на дне баркаса с обезображенной головой...

На помощь погибавшим ринулся быстроходный катер. Между тем мичман Старченко, вытасченный из воды, контуженный, принял руководство спасением погибавших. Все уцелевшие были подняты с воды на едва державшийся обгорелый баркас с «Ростислава», который был взят на буксир подошедшим катером. Глубокой ночью катер доставил уцелевших на борт миноносца «Пронзительный», который полным ходом пошел в Севастополь. Здесь раненых поместили в госпиталь, где их посетили командующий флотом вице-адмирал Колчак и оказавшийся в Севастополе Керенский.

А вот как финал операции был описан немецким военно-морским историком Г. Лореем.

«26 мая около полуночи босфорский маяк на азиатском берегу слышал шум моторов и два взрыва. В свете прожекторов ничего не было видно. Позже оказалось, что это были русские. На расстоянии 300 метров от входа два их моторных заградителя подорвались на минах и погибли. Впоследствии были найдены четыре трупа и обломки. ...В тот же день было обнаружено новое минное заграждение из 72 мин, поставленных вплотную ко входу в Босфор».

Пожалуй, эта операция стала последней, в которой матросы и офицеры Черноморского флота были вместе. А дальше была спровоцированная Временным правительством «свобода» и как ее следствие — отказ от выполнения воинского долга, отстранение от командования флотом адмирала Колчака. И апофеоз — «еремеевские» ночи в декабре 1917 года, унесшие жизни многих офицеров Черноморского флота и поставившие большинство из них, уцелевших, по другую сторону баррикады, воздвигнутой рвущимися к неограниченной власти большевиками.

Возможно, погибнув героем, Володя Пасвик избежал участи быть расстрелянным матросами на Малаховом кургане, заколотым штыком в севастопольской тюрьме в декабре 1917 года или просто застреленным на улице Севастополя в феврале 1918 года при «втором пришествии» революционных матросов, вошедших во вкус безнаказанных убийств «контры»?

Но нынешняя Россия должна вспомнить о подвиге моряков-черноморцев. И рядом с памятником «Моржу» должен встать памятник морякам Черноморского флота, погибшим при минировании Босфора. А пока, оказавшись в Стамбуле, ставшем в последние годы столь близким большому числу россиян, можно просто доехать до Буюк-Дере

и, поднявшись на последнюю террасу российского парка, положить цветы на могилы Володи Пасвика и трех его боевых товарищей. И поклониться им, упокоившимся так далеко от России, за которую они погибли в том далеком и роковом 1917 году.

***Русские моряки, погибшие в мае 1917 г.
во время минной постановки в Босфоре³***

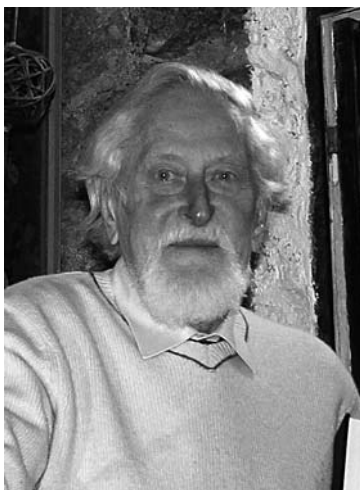
1. **Моисеев** Борис Алексеевич — лейтенант крейсера «Память Меркурия».
2. **Пасвик** Владимир Николаевич — мичман линейного корабля «Иоанн Златоуст».
3. **Псиол** Михаил Иванович — мичман линейного корабля «Иоанн Златоуст».
4. **Дейнецкий** Антон Федорович — минный унтер-офицер крейсера «Память Меркурия».
5. **Василенко** Степан — матрос 1-й статьи линейного корабля «Иоанн Златоуст».
6. **Довганенко** Григорий Акакиевич — матрос 1-й статьи линейного корабля «Иоанн Златоуст».
7. **Бобровский** Марк (Марцелий) Станиславович — старший минер крейсера «Память Меркурия».
8. **Некlessа** Терентий — старший минер линейного корабля «Иоанн Златоуст».
9. **Балацан** Иван Степанович — минер крейсера «Память Меркурия».
10. **Калиниченко** Марк Мефодиевич — моторист линейного корабля «Ростислав».
11. **Хохлов** Даниил — моторист линейного корабля «Иоанн Златоуст».
12. **Омеля** Конон — сигнальщик линейного корабля «Иоанн Златоуст».
13. **Черноус** Семен — марсовый крейсера «Память Меркурия».
14. **Клязьмин** Петр Михайлович — матрос линейного корабля «Ростислав».
15. **Хрущев** Владимир — «воспитанник Морского училища».

³ Список впервые был опубликован К.Б. Стрельбицким (*Стрельбицкий К.Б. Навечно остались в глубинах Черного моря... С. 17*).

Слово к другу¹

Об А.В. Плотто

В декабре 1990 года я впервые оказался в Париже с обширным списком телефонов русских парижан, к которым мои московские друзья имели поручения. В нем значился и Александр Владимирович Плотто, за-

Александр Владимирович Плотто

нимавшийся историей русского флота. Наша встреча состоялась в Исси-ле-Мулино, в квартире моей тетки Елены Александровны Звегинцевой.

Но по-настоящему нас связала Бизерта — место последней стоянки Русской эскадры, вызывавшая огромный интерес у всех в России, занимавшихся восстановлением истории русского флота в период Гражданской войны и после нее. Александр Владимирович, как и Анастасия Александровна Ширинская, был живой связью с тем ушедшим временем. И конечно, энциклопедией по Бизерте. От него мы узнавали о судьбах личного состава Русской эскадры, судьбах ее кораблей и судов, жизни Морского корпуса.

Тут подошло время выхода в свет большой книги Александра Владимировича «Служба под Андреевским флагом», которая содержала биографии многих известных и не очень известных офицеров русского флота. Появление этой книги в России стало заметным событием, с дарственной надписью автора она была передана в отдел русского зарубежья Российской государственной библиотеки, библиотеку Российского государственного архива Военно-морского флота.

А дальше настало время выхода уже в России книг по истории русского флота в Первую мировую и Гражданскую войны, о судьбах русских белых моряков, оказавшихся в эмиграции. И любая из этих книг, начиная с небольшой о тральщике «Китобой», на чужбине сохранившем честь Андреевского флага, выходила с участием Александра

¹ Публикуется впервые по тексту авторской рукописи (компьютерная распечатка), хранящейся в архиве ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына» в фонде 58 (Коллекция В.В. Лобыцына).

Владимировича. Он щедро помогал авторам всеми известными ему сведениями, а также редчайшими фотографиями людей и кораблей.

Многочисленные материалы, присылавшиеся им из Парижа, сами собой становились фундаментом новых книг. Так были созданы «Избранные страницы бизертинского “Морского сборника”», воскресившие неизвестные эпизоды участия русского флота и русских моряков в двух войнах, книга о подъеме в 1919 году в Севастополе линкора «Императрица Мария», книга об участии Черноморского флота в румынской кампании 1916–1917 годов и целый ряд других. А о количестве благодарностей А.В. Плотто в журнальных статьях по истории флота не приходится и говорить.

Александр Владимирович стал, можно сказать, надеждой и опорой всех авторов исторических материалов. Касалось ли это сведений о людях или фотографий кораблей, последняя инстанция — «спросить — и попросить у Плотто».

Бесценны материалы о службе более тысячи офицеров русского флота, собранные Александром Владимировичем и переданные им в Россию. То же можно сказать и о документах Русской эскадры в Бизерте, которые легли в основу телевизионного фильма, показанного на канале «Россия». То же можно сказать о грандиозном труде «Хроника Бизерты», ныне воплощаемом, как это ни странно на первый взгляд, в далеком челябинском городе Трехгорный.

Остается от всей души поблагодарить нашего парижского друга, русского человека, потомка офицеров русского флота Александра Владимировича Плотто, пожелать ему здоровья и дальнейших трудов на благо истории России!

«Еремеевские ночи»¹

Год надежд, самых смелых ожиданий, ликований и в конце концов — год ужаса, проклятий, смерти и отчаяния. Будем надеяться, будем верить, что кровавый туман, окутавший Россию, развеется, что на развалинах старого, прогнившего насквозь здания будет создано новое, величественное, и на фронте его будут красоваться слова: Свобода, Равенство, Право. С верой этой и с этой надеждой мы вступаем в 1918 год.

Ал. Кондури. 1917 год («Крымский вестник», 30 декабря 1917 года)

Расстрелы, начатые в марте 1917 года на Балтике, вместе с красным Октябрем и «революционными балтийскими матросами» докатились, как яблочко из песни, и до Севастополя. Но автор статьи, с надеждой встречавший 1918 год, еще не знал, что по законам начавшейся Гражданской войны расстрелы станут в России повседневностью и город русской славы содрогнется от очередной «еремеевской ночи», которая унесет жизни нескольких сотен жителей — и уже не только офицеров флота.

Севастопольские события начались с того, что 13 декабря 1917 года* на миноносце «Фидониси», находившемся в море, выстрелом из машинного люка был убит гулявший по палубе мичман Николай Скородинский, общий любимец команды, воображавший себя ее революционным руководителем. А на следующий день в Севастополь прибыли «эшелоны борцов с контрреволюцией». В заметке под таким названием «Крымский вестник» 14 декабря сообщил о «добровольцах, ездивших на Дон для борьбы с Калединым». Известно, что матросский отряд был разгромлен казаками. Обвинив в этом своего мобилизованного командира лейтенанта А.М. Скаловского, уцелевшие матросы расстреляли его под Тихорецкой**. Они вернулись в Севастополь, привезя с собой 18 убитых (с линкора «Евстафий», крейсера «Память Меркурия» и тральщика № 224), которых хоронили в этот день. Газета писала: «Уставшие, грязные, оборванные, сопровождали они своих павших товарищей в последний путь. Из эшелонов большинство

¹ В соавторстве с В.Н. Дядичевым. Впервые опубликовано: Родина. 1997. № 11. С. 28–32.

* Все даты, если это не оговорено, даны по старому стилю.

** Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 13. С. 101.

матросов с разных судов, но есть также и солдаты харьковского гарнизона». Газетная заметка старалась опровергнуть слухи о том, что разгромленные казаками матросы вернулись в Севастополь «буржуев резать». «Не резать приехали, а порядок устанавливать», — приводила газета слова одного из них. Об этом установлении революционного порядка уже 17 декабря другая севастопольская газета — «Вольный Юг» — поместила маленькую заметку, почему-то набранную как белые стихи.

Сколько расстреляно

По слухам, в ночь с 15 на 16 декабря отрядом приехавших с Дона Расстреляно около 30 офицеров флота.

Расстрел начался в 5 часов вечера

И продолжался всю ночь.

Часть расстрелянных выброшена в море.

На судах офицеры содержатся под арестом.

Настроение всюду тревожное.

Днем 16 декабря слышались выстрелы со стороны порта.

Говорят, что там расстрелян некто Павловский.

Слухи проверить не удалось.

До конца декабря других сообщений о расстреле в газетах не было...

Первыми вечером 15 декабря на Малаховом кургане были расстреляны шесть офицеров Минной бригады. Кто именно, поначалу не было известно. Да и спустя много лет бывшие офицеры Черноморского флота, вспоминая эти «жуткие дни», называли разные фамилии расстрелянных. Слухи о расстреле офицеров на Малаховом кургане дошли до Петрограда. В числе убитых называли мичмана Виктора Горенко с эскадренного миноносца «Керчь» — младшего брата Анны Ахматовой. И родилось пронзительное стихотворение:

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане

Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

Но слухи не подтвердились: двадцатилетним мичманом, расстрелянным на Малаховом кургане, оказался другой Виктор — Краузе, кстати сказать, окончивший Отдельные гардемаринские классы вместе с известным советским адмиралом и на старости лет морским писателем Иваном Исаковым.

Яков Шрамченко, в те дни капитан 2-го ранга, командир эсминца «Беспокойный», в своих воспоминаниях, названных «Жуткие дни», рассказывал об этом расстреле*. Днем 15 декабря на эскадренный миноносец «Гаджибей», недавно введенный в состав действующего флота, пришла группа агитаторов. Возник митинг, куда судовой комитет пригласил и офицеров «Гаджибея». Один из агитаторов рассказывал команде, что казаками, разбившими матросов-добровольцев, руководили офицеры. «И вы такие же?» — задал офицерам вопрос председатель судового комитета. «А что ж, мы не хуже донских офицеров», — будто бы ответил командир «Гаджибея» капитан 2-го ранга В.М. Пышнов. Тут же митинг постановил арестовать офицеров и отвести их в арестный дом при Черноморском экипаже. Заодно прихватили и лейтенанта П.Н. Кондратовича с эсминца «Фидониси», пришедшего в гости к офицерам «Гаджибея». В арестном доме офицеров почему-то не приняли, и тогда «революционные балтийцы» посоветовали отвести офицеров-контрреволюционеров куда-нибудь и расстрелять. Кому-то пришло в голову, что для этого подойдет Малахов курган. По словам Я. Шрамченко, мичману Краузе, самому молодому, предложили не ходить туда, а вернуться на корабль. «Я пойду туда, куда и мой командир», — будто бы ответил Виктор Краузе.

Рассказывают, что один из матросов-расстрельщиков сошел с ума и в городе останавливал шарахавшихся от него встречных, говоря им, что он лично просил мичмана вернуться на миноносец и не ходить на Малахов курган.

Также были расстреляны старший инженер-механик лейтенант Е.Г. Томасевич, трюмный инженер-механик подпоручик по Адмиралтейству Н.А. Дыбко, ревизор мичман В.П. Иодковский и, как уже говорилось, за компанию минный офицер с эсминца «Фидониси» того же 3-го дивизиона Минной бригады лейтенант П.Н. Кондратович. Их фамилии 29 декабря 1917 года поместил «Крымский вестник», когда

* Морские записки. Нью-Йорк, 1961. Т. 19. № 1/2 (54). С. 41.

Следственная комиссия Севастопольского совета военных и рабочих депутатов решила «оповестить список убитых офицеров».

Согласно этому списку в ночь на 16 декабря было убито 23 офицера, среди которых три адмирала и генерал-лейтенант Военно-морского судебного ведомства. В это число попал и командующий Минной бригадой капитан 1-го ранга И.С. Кузнецов, молодым офицером принимавший участие в восстании П.П. Шмидта, но по суду оправданный. В декабре 1917-го ему в вину было поставлено участие в комиссии по разбору не удавшегося в 1912 году восстания на Черноморском флоте, а ведь в ней он, «истинный революционер и демократ», как мог отстаивал арестованных матросов.

А тем самым «неким Павловским», о котором 17 декабря говорилось в «Вольном Юге», был упомянутый в списке старший артиллерист крейсера «Память Меркурия» старший лейтенант Д.И. Павловский, по рассказу Я. Шрамченко днем 16 декабря затоптанный под стальными листами на территории Севастопольского порта.

Жертвой роковой ночи стал и командир эсминца «Пронзительный» кавторанг Н.Д. Каллистов, талантливый морской писатель и поэт. Вместе с командиром на Малаховом кургане были расстреляны старший офицер лейтенант Г.А. Тивяшев и штурманский офицер лейтенант З.И. Полянский.

«Лиха беда начало» — расстрельный список дополнился фамилиями семерых, «убитых в ночь с 19 на 20 декабря». Среди них были врач Владимир Куличенко и престарелый священник отец Афанасий (Чефранов), обвиненный в нарушении тайны исповеди арестованных матросов мятежного «Очакова». Яков Шрамченко, сидевший с шестью в арестном доме и спасенный оттуда своей командой, сообщил, что ночью эти двое вместе с офицерами капитаном 2-го ранга В.И. Орловым, лейтенантами Б.Д. Дубницким и В.Е. Погорельским («хорошим музыкантом и немного композитором», по воспоминаниям знавшего его Я.В. Шрамченко) были забиты прикладами и заколоты штыками. Полковник по Адмиралтейству Н.К. Грубер был также расстрелян на Малаховом кургане (он упомянут в известной повести А. Малышкина «Севастополь» в числе «наиболее ненавистных офицеров»^{*}).

Седьмой из расстрелянных, капитан 1-го ранга Ф.Д. Климов, был арестован на госпитальном судне «Сюжет», где находился на лечении. При аресте он сумел вырваться, бросился в воду с борта судна и поплыл, надеясь спастись на миноносце, которым незадолго до этого командовал. Я.В. Шрамченко, которого в это время вели под конвоем

^{*} Малышкин А. Севастополь. М., 1933. С. 317.

в арестный дом, видел, как несчастного догнала спущенная шлюпка, доставила на берег, где он тотчас и был застрелен.

Среди кровавого кошмара севастопольской трагедии были случаи, хотя и нечастые, когда матросы спасали своих офицеров от расправы. Тот же командир «Беспокойного» был выпущен из-под ареста после долгих препирательств между председателем судкома и комиссаром. Судком свидетельствовал: «Знаем Шрамченко за очень хорошего человека. Что же касается его контрреволюционной деятельности, то даем об этом свои лучшие отзывы». Только после этого командир «Беспокойного» вместе с тремя офицерами был отпущен на эсминец «под ответственность команды». «Команда не спала, — вспоминает Я.В. Шрамченко. — Нам приготовили чай и хлеб с маслом. Десятки рук протягивали папиросы и спички. “Вас же могли убить! Теперь будете жить на миноносце, и никто не посмеет убить или взять вас. Поставим двойной караул!”»

Матросы штаба Минной бригады вызволили из арестного дома флагманского штурмана бригады лейтенанта Ульянина и 2-го флагманского минера лейтенанта Трейдлера. Придя вооруженными, они забрали «по требованию матросов» двух своих офицеров в штаб, сразу переодев их в матросские шинели*.

И еще об одном случае, взволновавшем его, рассказывает в своих воспоминаниях Я.В. Шрамченко. Матрос «Беспокойного» Михайлюк, призыва 1910 года, уходя в конце декабря 1917 года в запас, раздал всем офицерам эсминца бумажки со своим деревенским адресом и сказал на прощание: «Если кому из вас придется скрываться, тот у меня найдет защиту и хлеб».

В конце декабря самочинные матросские расправы прекратились. Зато вовсю заработал суд революционного трибунала, сводя старые счета с арестованными офицерами. Отставной контр-адмирал Н.Г. Львов, бывший начальник 7-го транспортного отряда, был приговорен ревтрибуналом «к лишению свободы на 10 лет за активное подавление революционного восстания черноморских моряков на крейсере “Память Меркурия” в 1912 году, когда он был командиром крейсера**». «Я всегда поступал по чести и совести. Каяться мне не в чем», — сказал в последнем слове адмирал.

3 января 1918 года севастопольский «Вольный Юг» описывал суд ревтрибунала над капитаном 2-го ранга И.Г. Цвингманом, недавним «нараспом» — начальником распорядительной части штаба Черноморского флота. Он обвинялся в том, что «в бытность его

* Возрождение. Париж, 1961. № 111. С. 116.

** Вольный Юг. Севастополь. № 1. 3 янв. 1918. С. 2.

старшим офицером л/к “Свободная Россия” (бывшая «Императрица Екатерина Вторая». — *Авт.*) вел себя крайне подозрительно, терроризировал команду обходами по ночам. Тайно подслушивал разговоры команды на политические темы». Из выступления защитника: «Он, Цвингман, был лишь исполнителем воли самодержавных самодуров». Решение революционного трибунала после трехчасового совещания: «Он, Цвингман, в контрреволюции невиновен, но виновен в подавлении восстания моряков на корабле “Евстафий” в 1912 году. Именем революции постановляем лишить гражданина Цвингмана свободы на три года».

Капитан 1-го ранга Ф.Ф. Карказ, заведующий хозяйством Морского кадетского корпуса в Севастополе, был осужден «на вечную каторгу» за участие в суде над П.П. Шмидтом в 1905 году. Но осуществиться этим «гуманным» приговором суда революционного трибунала было не суждено. В феврале 1918 года Севастополь был накануне второй «варфоломеевской ночи»...

30 января 1918 года до флота доводится декрет СНК о ликвидации старого флота и создании «социалистического Рабоче-крестьянского Красного флота», руководимого народным комиссаром по морским делам и коллегией этого комиссариата. Управление Черноморским флотом перешло в руки Центрального комитета Черноморского флота (Центрофлота). В последнем приказании командующего Черноморским флотом, подписанном, ввиду неизвестности его местонахождения, начштаба контр-адмиралом Саблиным, говорилось: «Все приказы и распоряжения впредь будут исходить исключительно от Центрофлота. Всякий, кто не исполнит приказа Центрофлота, будет караться как противник народовластия».

Сигналом к началу новых репрессий послужила телеграмма Центрофлоту от члена коллегии Народного комиссариата по морским делам Ф. Раскольников с требованием «искать заговорщиков среди морских офицеров и немедленно задавить эту гидру». Вечером 23 февраля 1918 года на линейном корабле «Воля» (бывший «Император Александр III») собрался матросский митинг. К полуночи был утвержден план действий: после полуночи группы матросов числом 15–20 сходят на берег, имея списки офицеров и состоятельных граждан, которых следовало уничтожить. Матросам-карателям было предложено перевернуть ленточки, чтобы не было видно название корабля. И началась вторая «еремеевская ночь», которую пообещали «контре» распаленные митингом матросы.

Прежде всего были расстреляны все офицеры, содержащиеся в арестном доме и ожидающие исполнения приговора ревтрибунала. На этот раз местом расстрела была выбрана Карантинная балка. Чудом

избежавший расстрела офицер, подписавшийся «В. Л-р», позже опубликовал свои «воспоминания очевидца» «Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года»*. «Сколько в эту кошмарную ночь было перебито народу в Севастополе, никто не узнает. Утром грузовые автомобили собирали трупы по улицам, на бульварах, свозили их на пристань и сбрасывали в море. И неудивительно, если вы встретите севастопольца, преждевременно поседевшего, состарившегося и с расстроенным воображением. Никто не думал, что, живя в Севастополе, мы находимся в клетке с кровожадными зверями. Мы не могли себе представить того кошмара, какой был 23 февраля в Севастополе».

Сколько же офицеров Черноморского флота погибло в декабре 1917-го и феврале 1918 года? Кто именно? Раньше их фамилии назывались только по воспоминаниям, написанным в эмиграции (Я. Шрамченко, Н. Монастырева, Н. Гутана), или по эмигрантским мартирологам, помещавшимся в 20-х годах в «Морском журнале» и позднее, в 60-х годах, — в журнале «Возрождение».

Первым разысканным нами документом стал список 30 погибших (в «Крымском вестнике» № 295 от 29 декабря 1917 года), составленный не по сообщениям корреспондентов газет, а «оповещенный» следственной комиссией Севастопольского совета военных и рабочих депутатов. Другой документ нам помогла отыскать в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге старший научный сотрудник Людмила Юрковская. Она посоветовала нам просмотреть фонд ЦК Черноморского флота, все годы остававшийся закрытым для исследователей. В этом фонде № 115, датированном 21.04.1917–12.12.1918 и не содержащем отдельных описей и дел, обнаружился любопытный документ, озаглавленный «Список убитых большевиками офицеров Черноморского флота» и содержащий 67 фамилий. Оказалось, что именно его, впрочем никогда на него не ссылаясь, в комментариях к воспоминаниям капитана 2-го ранга Н.Р. Гутана, в то время командира эсминца «Поспешный»**, использовал знаток истории Российского флота старший научный сотрудник РГА ВМФ безвременно умерший А.Е. Иоффе.

Судя по заголовку, список не мог быть составлен офицером, поскольку в него включены два врача, лекарский помощник и священник. Вряд ли такое название мог дать и кто-либо из большевиков. Но список, написанный четким, но никак не писарским почерком, несомненно, удовлетворил занимавшегося им деятеля Центрофлота, сде-

* Морской сборник. Бизерта, 1922. № 2. Автор — Лидзарь Владимир Антонович (1882–?), чиновник особой части штаба командующего Черноморским флотом.

** Гангут. Вып. 4. СПб., 1992.

лавшего ряд пометок и наложившего резолюцию: «В дело. 23.X.18», скрепленную росчерком БК*.

Фамилии трех офицеров в список не попали, хотя и упоминались в газетах: поручик по Адмиралтейству В.П. Штрицтинг («Утро России», № 288, 30.12.17), флагманский минный офицер Минной бригады лейтенант Н.В. Шука и прапорщик по Адмиралтейству Кальбус («Утро России», № 34, 12.3. – 27.2 старого стиля 1918).

В список Центрофлота включены три фамилии погибших не в Севастополе: капитан 1-го ранга Н.С. Пономарев, бывший старший инженер-механик линейного корабля «Синоп» (застрелен матросским патрулем в Одессе), лейтенант А.М. Скаловский, командир добровольческого матросского отряда на Дону (расстрелян под Тихорецкой), и бывший тайный советник, главный доктор Севастопольского морского госпиталя Э.Э. Кибер (расстрелян матросами с «Гаджибея» в Ялте; там же они расстреляли более ста офицеров Кавказской армии. Причем престарелого доктора Кибера расстреливали дважды: после залпа и падения в воду старик невероятным образом выбрался на берег и, несмотря на крики толпы, что дважды не казнят, был застрелен).

Хотя в обоих списках — следственной комиссии и Центрофлота — чины, фамилии и имена зачастую были искажены, они легко восстановлены по списку офицеров Черноморской Минной бригады на ноябрь 1917 года** и «Списку старшинства офицерских чинов флота и Морского ведомства», изданному в Петрограде в 1917 году и по иронии судьбы законченному 25 октября.

Парижский журнал «Возрождение» (№ 116, август 1961) со ссылкой на «газеты 1918 года» опубликовал «Предварительный список чинов Черноморского флота, погибших во время террора 1917–1918 гг.». В него вошли шесть новых фамилий офицеров, но время, место и обстоятельства их гибели остались неизвестными: вице-адмирал Н.С. Маньковский, старший лейтенант С.А. Чабовский, лейтенант

* Среди перечисленных в списке 63 офицеров четверо не относятся к составу Черноморского флота. По нашей просьбе сотрудник Российского государственного военно-исторического архива А.А. Васильев просмотрел документы армейских офицеров и выяснил, что генерал-майор Милошевич, чье имя в списке — Михаил — исправлено карандашом на Григорий, — это отставной генерал-майор Григорий Никитич Милошевич, родившийся в 1855 году, кубанский казак, участник Русско-турецкой и Русско-японской войн, бывший командир бригады сводной казачьей дивизии. Может, это была месть за разбитый на Дону казаками матросский отряд? Включенные в список подполковники Иван Траутман и Александр Зиновьев, штабс-капитан Василий Ильяшенко — это армейские офицеры Севастопольской крепости И.И. Трауман, А.Я. Зиновьев и В.Е. Ильяшенко, разделившие смертную участь офицеров Черноморского флота.

** РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2168.

Н.Д. Маврокордато, мичман Станислав Вышемирский, мичман военного времени Мищенко, штабс-капитан по Адмиралтейству П.С. Орлов.

Итак, в общей сложности известны имена 68 погибших офицеров Черноморского флота: 6 адмиралов, 5 генералов, 15 штаб- и 42 обер-офицера, 4 медицинских чина и священник... Ни один из противников России по еще продолжавшейся войне даже во сне не мог себе представить таких потерь в офицерском составе Черноморского флота! Без единой неприятельской торпеды, мины, бомбы или даже пули Черноморский флот перестал быть боеспособным, а вскоре вообще прекратил свое существование.

Еще в конце декабря 1918 года в Одессе, занятой белыми, возникла редакционная комиссия по изданию книги «Жертвам долга». Она задумывалась как литературный памятник на символическую могилу черноморцев, павших от рук убийц. Весь доход от книги предполагалось передать в помощь вдовам и сиротам погибших. История, однако, распорядилась так, что этому проекту, как, впрочем, и многому другому, не было суждено осуществиться.

Вечная память!

Мартиролог севастопольских расстрелов декабря 1917 и февраля 1918 года

Контр-адмирал Александров А.И., капитан 2-го ранга Антонов А.А., священник отец Афанасий (Чефранов), мичман Баль Е.П., лейтенант Богданов С.Н., вице-адмирал Васильковский С.Ф., капитан 2-го ранга Вахтин Б.В., старший лейтенант Ведерников Г.В., капитан 1-го ранга Гестеско Е.Е., доктор Гефтман А.П., старший лейтенант Гривцов Н.Г., полковник по Адмиралтейству Грубер Н.К., генерал-майор Корпуса гидрографов Дефабр И.И., поручик по Адмиралтейству Доценко И.Н., лейтенант Дубницкий Б.Д., подпоручик по Адмиралтейству Дыбка Н.А., мичман Иодковский В.П., капитан 2-го ранга Каллистов Н.Д., капитан 1-го ранга Карказ Ф.Ф., инженер-механик старший лейтенант Картиковский В.А., контр-адмирал Каськов М.И., капитан 1-го ранга Климов Ф.Д., лейтенант Кондратович П.Н., мичман Краузе В.Э., генерал-лейтенант Военно-морского судебного ведомства Кетриц Ю.Э., капитан 1-го ранга Кузнецов И.С., доктор Куличенко В.В., генерал-майор флота Ланге К.Х. (в марте 1917 года в Гельсингфорсе жертвой расстрела стал его сын старший лейтенант Ланге В.К., штурманский офицер линкора «Император Павел I»), лейтенант Литвинов Д.Ф., контр-адмирал Львов Н.Г., мичман Марков Г.Е., подполковник по Адмиралтейству Муляров В.А., мичман Насакин А.Н., вице-адми-

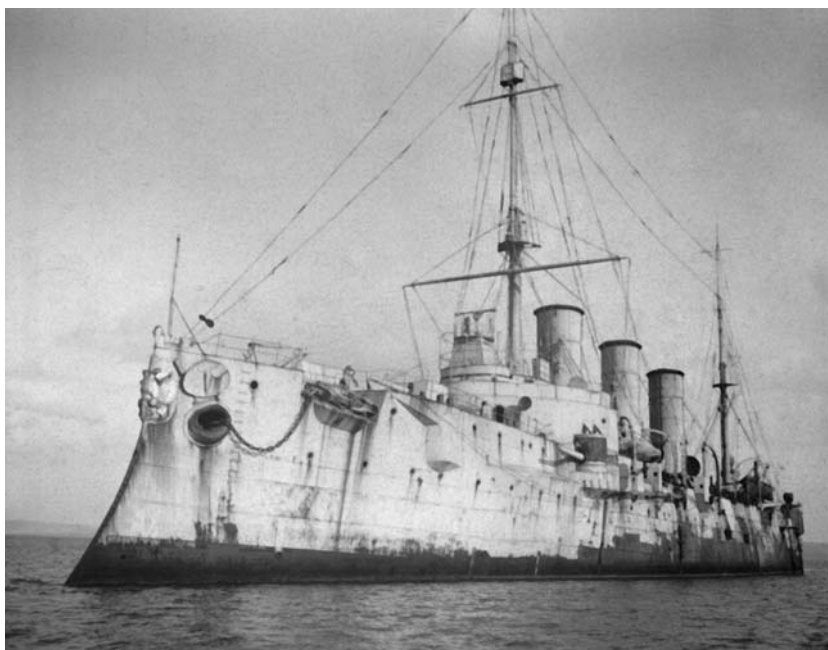
рал Новицкий П.И. с сыном Сергеем, лекарским помощником, капитан 2-го ранга Орлов В.И., старший лейтенант Павловский Д.И., капитан по Адмиралтейству Плотников Н.И., старший лейтенант Погорельский В.Е., лейтенант Полянский З.И., инженер-механик капитан 1-го ранга Попов К.Н., лейтенант Прокофьев Г.К., капитан 2-го ранга Пышнов В.М., генерал-майор флота Ризенкампф А.Е., генерал-майор флота Сакс Н.А., капитан 2-го ранга Салов Н.С., капитан 1-го ранга Свинын А.Ю., лейтенант Сериков В.А., мичман Скородинский Н.Н., лейтенант Тивяшев Г.А., лейтенант Тихов Н.П., инженер-механик лейтенант Томасевич Е.Г., лейтенант Томашевич А.А., мичман Целицо Леонтий, капитан 2-го ранга Цвингман И.Г., мичман Шепелев Николай, полковник по Адмиралтейству Шперлинг Н.А., мичман Юрьевич М.И., капитан 2-го ранга Яковлев А.А., полковник по Адмиралтейству Яновский Ф.Г., подпоручик по морской части Иванов Н.А.

Навеки в памяти потомков¹

Боевой путь крейсера «Генерал Корнилов»

В 1998 году Российский фонд культуры совместно с Центральным музеем Вооруженных сил сумел добиться возвращения в Россию оставшейся части коллекции американско-русского историко-просветительского и благотворительного общества «Родина» (г. Лейквуд, штат Нью-Джерси, США). Первая, значительная часть коллекции была привезена из Лейквуда сотрудниками музея осенью 1994 года. На ее основе была развернута выставка «Возвращенные реликвии», ставшая с лета 1996-го постоянной экспозицией Центрального музея Вооруженных сил. Долгий и далекий путь проделали предметы этой уникальной коллекции вместе со своими владельцами, покинувшими Россию в 1920 году. Позже они — часто уже отдельно от владельцев — пересекли океан и осели в музее общества «Родина». Однако русские изгнанники верили, что окончательным местом хранения собранных и сохраненных ими реликвий должна быть Родина. «Хранить до возвращения в национальную Россию» — так было написано на одном из альбомов с фотографиями, переданном в музей общества «Родина». И вот наконец, проделав обратный путь, реликвии

¹ Впервые опубликовано: Родина. 2001. № 8. С. 88–89.

Крейсер «Генерал Корнилов» в Бизерте

русской истории возвратились в Россию. Среди архивных документов белого Черноморского флота обратил на себя внимание рапорт контр-адмирала Остелецкого*, поданный на имя командующего флотом** в сентябре 1919 года в Севастополе.

* Остелецкий Павел Павлович (1880–1946). Окончил Морской корпус (1899) и Морскую академию (1911). Участник обороны Порт-Артура и боя кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры с японцами в Желтом море 28 июля 1904 г. Во время Первой мировой войны был флаг-капитаном по распорядительной части штаба командующего Черноморским флотом. С конца 1918 г. в Добровольческой армии — в Морском управлении штаба Главнокомандующего. С 16 апреля 1919 г. — командир крейсера «Кагул», переданного союзниками Вооруженным силам на Юге России. В мае 1919 г. принял командование отрядом кораблей Черноморского флота. С сентября 1919 г., произведенный в контр-адмиралы, исполнял должность начальника штаба Черноморского флота. В Бизерту прибыл одним из младших флагманов Русской эскадры — начальником т.н. 1-го отряда кораблей. Позже переехал в Париж, где был активным членом Военно-морского союза. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

** Командующим Черноморским флотом с середины 1919 г. по 8 февраля 1920 г. был вице-адмирал Ненюков Д.В. (1869–1929).

«Крейсер 1-го ранга “Генерал Корнилов”
Рапорт командующему Черноморским флотом
“ ”* сентября 1919 г.

Рейд Севастопольский

В начале марта 1919 года группой морских офицеров был занят крейсер 1 ранга “Кагул” и с нечеловеческими усилиями в несколько дней приведен в такое состояние, что мог принять непосредственное участие в снятии с камней французского крейсера “Мирабо”. В короткое время до эвакуации из Севастополя приемом охотников-реалистов и гимназистов, приглашением добровольцев-офицеров как морского, так и сухопутного ведомств крейсер получил способность жить активной жизнью, и когда обстановка заставила уходить из Севастополя в апреле сего года, то крейсер принял все ценности Государственного и частных банков, все учреждения Морского ведомства, семьи своих служащих и вышел в Новороссийск под флагом вице-адмирала Саблина**.

Все дни подготовки к выходу стоили очень немногочисленному личному составу крейсера невероятных нравственных и физических мучений. Совершенно не привыкшие к физическому труду гимназисты и реалисты, воодушевленные примером немногочисленного офицерства, работали выше всяких похвал, падали от усталости и полного изнеможения до обморока, подымались и опять брались за непривычную и непосильную работу. На переходе до Новороссийска было несколько случаев острого заболевания и даже были случаи, когда офицеры и команда падали в кочегарках, так как у них шла горлом кровь.

* Дата не указана.

** Саблин Михаил Павлович (1869–1920) — вице-адмирал. С 25 декабря 1917 г. по 17 июня 1918-го был командующим Черноморским флотом. После заключения Брест-Литовского мирного соглашения увел из Севастополя в Новороссийск часть кораблей Черноморского флота (2 дредноута и 14 эскадренных миноносцев).

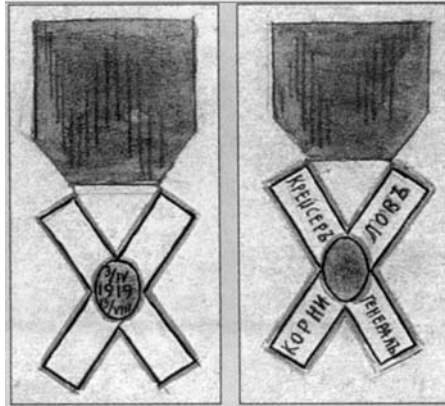
Получив 13 июня 1918 г. приказ председателя Совнаркома о потоплении флота, выехал в Москву, надеясь на отмену этого приказа. По приезде был арестован, но с помощью моряков из караула бежал из-под ареста. Пробравшись на юг, занимал различные должности в Морском управлении ВСЮР. В апреле 1919 г. в связи с уходом французской эскадры из Севастополя добился от союзников передачи части кораблей Черноморскому флоту (в частности, крейсера «Кагул»), которые и привел в Новороссийск. По его же настоянию союзники вернули Черноморскому флоту увиденные ими в Константинополь русские корабли. С 8 февраля 1920 г. снова командовал Черноморским флотом, но уже 17 февраля по распоряжению главкома ВСЮР генерала Деникина сдал должность вице-адмиралу Герасимову. 19 апреля 1920 г. генерал Врангель вновь назначил вице-адмирала Саблина командующим флотом. В сентябре он неизлечимо заболел, 17 октября 1920 г. скончался и был похоронен в Севастополе во Владимирском соборе — усыпальнице черноморских адмиралов.

Обстановка момента требовала со стороны крейсера поддержки в море тем немногочисленным судам, которые выходили из Севастополя на буксире, и крейсер держался три дня на пути Севастополь — Новороссийск, пока все суда не вышли благополучно. Пробыв всего несколько дней в Новороссийске, приняв уголь, воду и провизию, крейсер вышел к Акманайским позициям под Керчью, где огнем своей артиллерии с необученной командой поддерживал левый фланг и центр Крымско-Азовской армии. Малочисленная команда и офицеры делали невозможное, работали круглые сутки, создавали боевую мощь крейсера и приводили его в порядок, отказываясь от помощи людьми к орудиям, которую предложил английский адмирал, бывший на Феодосийском рейде. Вся работа личного состава крейсера проходила на глазах у многочисленных английских судов и находила свою оценку в тех восторженных отзывах, которые приходилось слышать от командиров и офицеров английских судов.

В самое короткое время дело организации боевой мощи крейсера продвинулось так быстро вперед, что он мог выполнять очень ответственные задачи по обстрелу неприятельских позиций до предельной дистанции. Крейсер “Кагул” принял самое непосредственное участие своим огнем, поддержкой сухопутного десанта и высадкой своих людей на берег в момент начала наступления Крымско-Азовской Добровольческой армии для очищения Крыма от большевиков. Работа “Кагула” была отмечена главнокомандующим Вооруженными силами Юга России генералом Деникиным переименованием крейсера в “Генерал Корнилов”, т.е. получением высшей боевой награды, существующей в Добровольческой Российской армии.

С новой энергией крейсер принял непосредственное участие в очаковских и днепровских операциях, срывая батареи красных в Очакове и поддерживая огнем своей артиллерии наши вспомогательные суда, проходившие в Днепровский канал, и, наконец, высадил свой десант на Николаевскую приморскую батарею, где поставил в три дня снятое с крейсера своими средствами 75-мм орудие, причинившее много беспокойства очаковским большевикам. Наконец, обстановка в северо-западной части Черного моря потребовала от крейсера “Генерал Корнилов” новой работы, и он принял руководящую роль во взятии Одессы и в высадке сухопутного десанта под Одессой.

В последние дни до взятия Одессы крейсер, верный заветам великого героя русского, имя которого носит, — Лавра Георгиевича Корнилова, — проявил присущую генералу твердость, связанную с гордостью, и заставил считаться со своими словами и наших союзников, и иностранцев. В операции взятия Одессы крейсер “Генерал Корнилов” получил нравственное удовлетворение от сознания, что

Проект нагрудного знака в память
о службе на крейсере «Генерал Корнилов»

действием своей мощной артиллерии он позволил немногочисленному десанту занять Одессу абсолютно без потерь, даже без раненых, нанеся большевикам значительные потери людьми, орудиями и испорченными путями сообщения.

При попытке атак Одессы бронепоездами в последующие дни крейсер отражал их все с полным успехом.

Боевая работа крейсера в последние полтора месяца протекала при условиях длительного недоедания, лишений и огромной физической усталости, что ни на одну минуту не отражалось на энергии и бодрости духа всего состава крейсера.

Доведя крейсер до его теперешнего состояния, личный состав знает, что совершена колоссальная работа действительного воссоздания флота, и гордится этим.

Преследуя цель запечатлеть в памяти потомства и флота тот героический труд, который был понесен личным составом крейсера по его воссозданию с памятной ночи захвата из рук рабочих и до завершения дела освобождения Черноморского побережья от большевиков, офицеры и команда крейсера обратились ко мне с просьбой возбудить через Ваше Превосходительство ходатайство перед Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России об установлении нагрудного знака в память службы на крейсере “Кагул — Генерал Корнилов” по прилагаемому образцу.

Правом на ношение этого нагрудного знака пользуются: адмирал Саблин, командир, офицеры и команда крейсера до 13 августа 1919 года, когда крейсер со взятием Одессы закончил боевые опера-

ции на Черном море. Докладывая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство не отказать в возбуждении ходатайства».

Следует сказать, что это — один из вариантов рапорта, имеется и другой, несколько сокращенный. Оба они сохранились в бумагах капитана 1-го ранга В.А. Потапьева, сменившего П.П. Остелецкого на должности командира крейсера и в конце концов приведшего его в Бизерту. В литературе не встречается упоминаний об учреждении памятного знака крейсера «Генерал Корнилов». По-видимому, последовавшие вскоре события, закончившиеся эвакуацией армии генерала Врангеля из Крыма в ноябре 1920-го, были тому причиной.

При эвакуации из Крыма на «Генерале Корнилове» держал флаг Главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П.Н. Врангель, а при переходе Русской эскадры в Бизерту — ее командующий вице-адмирал М.А. Кедров. На этом переходе «Генерал Корнилов» отличился еще раз, мастерски сняв с мели буксир «Черномор», после того как это не смогли сделать корабли французского эскорта*.

После ликвидации Русской эскадры в ноябре 1924 года «Корнилов» еще долго находился в Бизерте. Только в 1933-м он был уведен французами в Брест и вскоре разобран на металл. Так закончил свой путь корабль, начавший его как «Очаков», на котором в ноябре 1905 г. в Севастополе произошло вооруженное выступление матросов, которым согласился руководить отставной офицер Черноморского флота П.П. Шмидт.

Трагический эпизод крымской эвакуации осенью 1920 года¹

В два часа пятьдесят минут пополудни 2 ноября 1920 года с Графской пристани Севастополя на крейсер «Генерал Корнилов» прибыл главнокомандующий Русской армией генерал Врангель и отдал приказание сниматься с якоря. Началась эвакуация армии, флота, учреждений и всех русских людей, не пожелавших остаться в Советской России, из портов Крыма в Константинополь. На кораблях Черноморского флота, французских военных кораблях, судах Добровольного флота, русских и французских коммерческих судах в Константинополь было эвакуи-

* Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Кн. 1.: Исход. М., 1998. С. 281–283.

¹ Впервые опубликовано: Электронный журнал «Исследовано в России». 2002. С. 135–139. URL: <http://www.sci-journal.ru/articles/2002/012.pdf>.

Гардемарин Морского корпуса Евгений Нифонтов
(сидит крайний слева). 1915

как миноносец «Рыбец» водоизмещением 410 т) — было погружено 250 пассажиров из числа Донского офицерского резерва и эскадрона 17-го гусарского Черниговского полка. Из-за неисправности машины «Живой» самостоятельно идти на мог и должен был двигаться «на привязи» у буксира «Херсонес». Однако его команда решила не покидать Родины, и тогда на буксир вместо штатного перешел почти весь экипаж «Живого» во главе с его командиром капитаном 2-го ранга Павлом Эмеретли. На «Живом» были оставлены лейтенант Евгений Нифонтов и корабельный гардемарин Владимир Скупенский, прибывшие в Крым из Владивостока, и пять членов команды.

5 ноября 1920 года «Живой» на буксире «Херсонеса» вышел из Керчи. В ночь с 6 на 7 ноября разыгрался шторм, достигший силы в семь баллов, во время которого буксирный конец, соединявший «Живого» с «Херсонесом», лопнул. Нештатному экипажу «Херсонеса» в условиях шторма не удалось ни подать на «Живой» новый буксирный конец, ни снять с него людей, когда стало очевидным, что новая буксировка невозможна. «Живой» с людьми был оставлен в

ровано около ста пятидесяти тысяч человек. По приходе всех судов в Босфор выяснилось, что нет лишь эскадренного миноносца «Живой»...

Эскадренный миноносец «Живой» накануне эвакуации находился в Керчи в составе кораблей 2-го отряда Черноморского флота, пришедших с Азовского моря. Здесь же для посадки войск были сосредоточены три транспорта, четыре парохода и семь паровых шхун. Когда же в ходе посадки обнаружилось, что войск и беженцев намного больше предполагаемого числа, их стали грузить и на все корабли 2-го отряда. На «Живой» — эсминец (заложенный в 1902 году

штормовом море. Так этот трагический эпизод описан в работе члена Военно-морского исторического кружка в Париже капитана 2-го ранга Н.С. Чирикова² «Краткий очерк действий флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 года и его пребывание на чужбине». Ее полный текст хранится в архиве-библиотеке Российского фонда культуры, усилиями которого в 1998 году в Россию было возвращено собрание американо-русского историко-просветительного и благотворительного общества «Родина» (Лейквуд, Нью-Джерси, США). В составе собрания «Родины» с 1974 года находились исторические материалы Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке (указанная выше работа анонимно в виде сокращенной статьи с тем же названием была напечатана в «Морских записках», т. XIII–XVI, 1955–1958, Нью-Йорк).

Из-за отсутствия радиотелеграфа о пропаже эсминца стало известно лишь по приходе кораблей в Константинополь. Тотчас на поиски «Живого» был послан транспорт «Далланд», к которому присоединились английские и французские миноносцы и посыльные суда. Но найти «Живого» или каких-то его следов не удалось. С 257 людьми на борту «Живой» бесследно исчез в штормовом море.

И впоследствии никаких следов этой трагедии не открылось — во всяком случае, ни в эмигрантской, ни в советской, ни в зарубежной печати каких-либо сообщений, проясняющих судьбу «Живого», не появилось. И вдруг сенсация — в сборнике документов и материалов «Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов», первый том которого вышел в московском издательстве «Гея» в 1998 году, появляется сообщение о том, что эскадренный миноносец «Живой» не погиб во время шторма, а был приведен в Севастополь. Поскольку сборник включал ранее не публиковавшиеся документы из центральных архивов ФСБ и СВР России, это сообщение вызвало огромный интерес историков Белого движения.

В книге первой «Исход» первого тома «Так начиналось изгнание 1920–1922 гг.» в коллективном «Предисловии» на с. 30 сообщалось: «Караван судов из Керчи в море попал в семибалльный шторм. По счастливой случайности не затонул вместе с пассажирами и коман-

² В журнале «Морские записки» (1958. № 3 (48). С. 59) в заключительной части опубликованного отчета об эвакуации Крыма отмечено: «Со времени появления на страницах “Морских записок” “Краткого очерка действий Флота при эвакуации Крыма в ноябре 1920 г.” <...> в редакцию неоднократно поступали запросы о том, кто является автором этого отчета. По имеющимся сведениям, труд этот был составлен в штабе командующего Русской эскадрой во время пребывания ее в Бизерте. Главное участие в составлении очерка принимал участие капитан 1 ранга Н.П. [так в тексте, правильно: Н.Р. — *Сост.*] Гутан».

дой эскадренный миноносец «Живой»: на его борту было до 260 человек». О судьбе «Живого» упомянуто в двух из опубликованных в сборнике документов. В документе № 56 — выписке из ежемесячного рапорта штаба французской Восточно-Средиземноморской эскадры Генеральному штабу вооруженных сил Франции за ноябрь 1920 года — говорится: «Благодаря прекрасной погоде, главный конвой русских транспортов отправился из Крыма в Константинополь, не имея потерь, за исключением “Живого”, буксир которого поломался и который был брошен своим буксировщиком. “Живой” так и не был отыскан, несмотря на весьма интенсивные поиски» (с. 245). Во втором документе, № 62 — еженедельной сводке разведотдела штаба Восточно-Средиземноморской эскадры на 27 ноября 1920 года — сообщается: «Эвакуация в Константинополь завершена, все отбившие корабли вернулись, за исключением миноносца “Живой”, который из-за нехватки топлива был взят на буксир; буксир лопнул, корабль уклонился от курса и до сих пор не найден» (с. 255).

К приведенным строкам из документа № 56 имеется примечание за № 38: «Поиски “Живого” впоследствии ничего не дали. Считалось, что на нем погибло около 260 человек. В действительности он был отбуксирован из-за поломки машин в Севастополь» (с. 395). Какого-либо подтверждения этому высказыванию в примечании не приведено. В то же время, как следует из цитированных выше упоминаний о судьбе «Живого» в рассекреченных французских документах, никаких новых данных они не содержат. Иными словами, сенсационное сообщение оказалось «без комментариев».

Поначалу казалось, что знакомство с «подноготной» сенсационного сообщения оставит его на совести автора. Однако авторитет издания, впервые опубликовавшего документы, ранее недоступные историкам, приводит к тому, что вопрос о том, что «Живой» не погиб, а был приведен в Севастополь, периодически возникает в среде исследователей. Когда же такой вопрос со ссылкой на новые данные, опубликованные в упомянутом издании, был задан русским парижанином и историком флота А.В. Плотно, стало ясно, что необходимо взяться за перо, как сказали бы раньше, или сесть за компьютер, как приходится говорить сейчас, чтобы разобраться, что же в действительности кроется за сенсационным сообщением о судьбе «Живого».

Мне удалось выяснить, что автором сообщения был ведущий научный сотрудник Института военной истории В.А. Авдеев. В подтверждение своего высказывания он указал на два следующих факта. Во-первых, на одной из виденных им схем-диспозиций Морских сил Черного моря начала 20-х годов в Севастополе указано место боевого корабля «Живой». Во вторых, согласно сборнику «Документы внеш-

ней политики СССР» в 1921 году советское правительство передало корабль под таким названием Турции.

Но что же в действительности стоит за этими фактами? При эвакуации из Крыма в Севастополе белыми был оставлен ряд приведенных в негодность кораблей Черноморского флота. И среди них — катер-истребитель американской постройки СК-3, в октябре 1917 года зачисленный в Черноморский флот и числившийся быстроходным моторным катером. В декабре 1920 года он был включен в состав Морских сил Черного моря, поставлен на ремонт и в мае 1921 года переименован в «Живой» (кстати, и все другие корабли дивизиона катеров-истребителей получили имена черноморских миноносцев: «Беспокойный», «Дерзкий», «Зоркий» и т.д.). Нет сомнения, что именно этот «Живой» и был указан на севастопольской диспозиции Морских сил Черного моря. А 3 октября 1921 года морской истребитель «Живой» был передан советским правительством Турции, о чем сказано в третьем томе указанного выше сборника документов (М., 1959, с. 675 — примечание 54). Про истребитель «Живой» и его передачу Турции можно было прочесть в справочнике, составленном под руководством покойного С.С. Бережного, — «Корабли и вспомогательные суда Советского Военно-морского флота (1917–1927 гг.)» (М., 1981), который хорошо известен историкам флота. Возможно, автор комментария не придавал значения тому, что английским термином *destroyer* — истребитель — в то время в русском флоте было принято называть сторожевые катера американской постройки, тогда как в своем основном значении — эскадренный миноносец — этот термин до сих пор употребляется в британском и американском флотах.

Так что выявленные В.А. Авдеевым факты относятся к катеру-истребителю «Живой», а бесследное исчезновение в штормовом море эскадренного миноносца «Живой» в ноябре 1920 года до сих пор остается неизвестной страницей крымской эвакуации.

Список моряков, погибших на «Живом», до сих пор обнаружить не удалось. Оказались известными лишь два имени.

Лейтенант Евгений Иванович Нифонтов по окончании Морского корпуса (который с ноября 1914 года назывался Морским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпусом) 30 июля 1915 года был произведен в мичманы и назначен в Сибирскую флотилию. 1 января 1919 года адмиралом Колчаком за боевое отличие был произведен в лейтенанты. В январе 1920 года ушел из Владивостока на транспорте «Якут». В Порт-Саиде сошел с «Якута», чтобы поскорее добраться до Крыма, куда прибыл в августе 1920 года и получил назначение на эсминец «Живой».

Корабельный гардемарин Владимир Сигизмундович Скупенский был воспитанником Морского училища во Владивостоке. Вместе с

училищем ушел оттуда в январе 1920 года на вспомогательном крейсере «Орел» и в числе старших гардемарин, окончивших курс училища, 2 апреля 1920 года был произведен в корабельные гардемарины (производство состоялось на «Орле», стоявшем на рейде Сингапура, — начальник училища капитан 1-го ранга М.А. Кителин не имел права производства в мичманы). Когда в порту Дубровник «Орел» был возвращен Добровольному флоту, Владимир Скупенский вместе с другими корабельными гардемаринами перешел на «Якут», на котором в составе команды прибыл в Севастополь. Все 47 прибывших корабельных гардемарин 10 декабря 1920 года были произведены генералом Врангелем в мичманы (со старшинством от 11 апреля 1920 года). Поскольку этот приказ готовился еще в Крыму, фамилия В.С. Скупенского при подписании в Константинополе исключена не была, и он — таким образом, посмертно — был произведен в мичманы.

В материалах по истории 17-го гусарского Черниговского полка, поступивших в составе собрания общества «Родина» и хранящихся в архиве-библиотеке Российского фонда культуры, удалось найти список 17 офицеров полка, погибших при эвакуации из Крыма на эскадренном миноносце «Живой». Вот эти имена, никогда ранее не появлявшиеся в печати: корнет Власенко, штабс-ротмистр Богуславский, полковник Гонскевич, поручик Данилов [Николай], корнет Данилевич и Дзичканец, поручик Куражковский, корнет Лукьянов, поручик Повалишин, ротмистр Романовский, полковник Сабуров, штабс-ротмистр Сасин, корнет Тарасов, штабс-ротмистр Фадеев, корнет Чиж [Евгений Сергеевич], штабс-ротмистры братья Ярошевы — Дмитрий и Николай.

...На память приходит один эпизод из истории Первой мировой войны на Черном море, участником которого было суждено стать «Живому». 27 февраля 1916 года при подходе отряда кораблей Черноморского флота к болгарским берегам эсминцы «Лейтенант Пушин» и «Живой» были посланы в разведку. «Лейтенант Пушин» наскочил на мину, взорвался, переломился пополам и затонул. «Живой» приблизился к месту его гибели, и с него спустили шлюпку для спасения людей. Но, приняв какой-то предмет на поверхности моря за перископ неприятельской подводной лодки, «Живой» не счел возможным атаковать ее из-за находившихся на воде людей и на полном ходу ушел с места гибели «Лейтенанта Пушина». На шлюпке удалось спастись пятерым офицерам и десяти матросам, которые выгребли к болгарскому берегу, где были взяты в плен. И как знать, не явилась ли гибель «Живого» карой за нарушение одной из главных воинских заповедей: сам погибай, а товарища выручай? Ведь изо всех ушедших из Крыма кораблей погиб только один «Живой» — вопреки своему названию...

Белая гвардия: последний приют¹

Бредить Парижем и страстно желать встречи с ним — давняя русская особенность. Еще в 1790 году молодой путешественник Николай Карамзин, приближаясь к Парижу, писал: «“Вот он, — думал я, — вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, — которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами, в Европе и в Азии, в Америке и в Африке, — которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в романах, так много слышал от путешественников, так много мечтал и думал!.. Вот он!.. Я его вижу и буду в нем!..” — Ах, друзья мои! Сия минута была одною из приятнейших минут моего путешествия!»

К желанной встрече с Парижем я шел все первое полстолетие своей жизни. Но тогда выезд в Париж был для меня, как и для многих, так же реален, как полет на другие планеты... И вот наконец в декабре 1990 года, когда еще гремели фанфары перестройки и русские были желанными гостями за рубежом, я, как и молодой путешественник двести лет назад, приближался к Парижу — с такими же «живыми чувствами, с таким любопытством, с таким нетерпением».

Я ждал встречи с парижскими музеями, улицами и площадями, бульварами, знаменитыми кафе, Сенной, Эйфелевой башней и многим другим...

Но было в Париже одно место, посетить которое я считал более своим долгом, чем интересом. Это — русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в южном пригороде Парижа, где похоронены и мои родственники.

Живя в Париже у своих родных, я, сам поначалу этого не осознав, получил редкую возможность, попав на Сент-Женевьев, не торопиться к отъезжающему автобусу.

Начало декабря в Париже было сродни нашему октябрю. И в ясный день словно бы нашей золотой осени я входил в ворота русского кладбища на окраинной улице Лео Лагранж. И началось...

Была белая свеча Успенской церкви, вызывающей в памяти образ Покрова на Нерли, звонница, словно бы перенесенная сюда из древнего Новгорода, березы, еще не совсем облетевшие... Тишина... И каскад знакомых по истории и литературе русских фамилий...

¹ Впервые опубликовано: Вокруг света. 1994. № 1. С. 22–27.

Но больше всего меня поразили могилы участников Белого движения. Я почувствовал, до какой степени справедливы слова князя Сергея Евгеньевича Трубецкого, запомнившиеся мне при чтении его воспоминаний, написанных в эмиграции: «Будет ли наш прах покоиться в родной земле или на чужбине — я не знаю, но пусть помнят наши дети, что где бы ни были наши могилы, это будут *русские* могилы и они будут призывать их к любви и верности России». На каждой из них — какой-нибудь символ ушедшей России: Андреевский флаг из голубых и белых цветов, изображение русского ордена, восьмиугольный крест с крышей и золотыми куполами-луковками, горящие в нишах крестов свечи... И оставшиеся такими злободневными слова: «Боже, спаси Россию!» — на могиле братьев Кудрявцевых, добровольцев русской Северной армии. Я обходил полковые участки алексеевцев, дроздовцев, корниловцев, моряков, казаков, лежащих плечом к плечу, как когда-то в боях... И участки, где похоронены те, кто хотел, чтобы их вспоминали как кадетов, и где на каждой могильной плите лежит погон кадетского корпуса из цветного фарфора...

Рассматривал воссозданный Галлиполийский памятник и думал о тех, кто покоится в тишине французского кладбища, — о русских людях, страстно любивших Родину, не щадивших своей жизни на войнах с ее врагами и оказавшихся далеко от ее пределов...

Я уехал из Парижа, вспоминая, конечно, его неповторимый облик, уют уличной жизни, архитектурные шедевры и шедевры искусства, обаятельных парижан, но унося в сердце русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Об этом кладбище много написано, но главным образом как о пантеоне деятелей русской культуры за рубежом. У меня же возникло желание — как чувство долга — написать об участниках Белого движения, нашедших здесь вечный покой. Неторопливо рассказать о них, используя в палитре рассказа все краски, а не только одну. Чтобы «прикосновение к истории» не осталось только поэтическим символом. Чтобы взгляд на их могилы стал поводом поговорить о нашей недавней истории — без кавычек.

И была задумана работа, в которой фотографии дополнялись бы текстом, не только сообщающим сведения из истории, но и воскрешающим — насколько это возможно — облик погребенных здесь русских людей.

Начав работу, я с глубоким сожалением убедился, что практически некому рассказать о Гражданской войне по собственным впечатлениям. На помощь пришли многочисленные воспоминания, изданные за рубежом и наконец-то ставшие доступными для чтения в России. Материалы архивов, в том числе Русского зарубежного историческо-

го архива, созданного русскими эмигрантами в Праге и привезенного оттуда в СССР после окончания Второй мировой войны, но около полвека закрытого для исследователей. Неоценимым источником стали также исторические собрания друзей, в которых зачастую находишь нужную книгу, лишь протянув руку к полке.

С особым чувством эта работа ведется сейчас, когда тень Гражданской войны вновь пугает Россию. Именно в наши дни нелишне вспомнить, какие беды несет братоубийственная война, в которой нет победителей...

Я горячо благодарю историков: члена-корреспондента Российской академии наук Я.Н. Шапова, научного сотрудника Института военной истории А.И. Дерябина и заведующего отделом Артиллерийского музея П.К. Корнакова за профессиональную помощь, оказанную автору.

Ниже предлагается несколько страниц из задуманной работы.

Кубанский казак Улагай

Улагай... В этой фамилии слышится что-то от азартной охоты, памятна она не только тем, кто изучал историю Гражданской войны, но и просто знакомым с поэзией 20-х годов в России:

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки, по следам Улагая,
То чешской, то польской,
То русской речью —
За Волгу, за Дон,
За Урал, в Семиречье.

Это строки из романтической «Песни о ветре», с которой в 1926 году началась поэтическая известность бывшего красноармейца Владимира Луговского.

Генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Улагай (1876–1944) — кубанский казак, выпускник Николаевского кавалерийского училища (которое в бытность его Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров окончил Лермонтов), участник Русско-японской войны.

В первую мировую он — полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. В конце 1917 года на Кубани, где он оказался после участия в неудавшемся выступлении генерала Л.Г. Корнилова против Временного правительства, Улагай формировал добровольческие части. В Ледяном походе Добровольческой армии в феврале – мае 1918 года с Дона на Кубань и обратно полков-

ник Улагай командовал пешими кубанскими казаками-пластунами. Позднее был начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии, а с марта 1919 года — командиром 2-го Кубанского конного корпуса.

В ноябре 1918 года был произведен в генерал-майоры, в 1919-м — в генерал-лейтенанты. В феврале 1920 года, выжив после тифа, Улагай вступил в командование Кубанской армией Вооруженных сил Юга России.

Он вошел в историю как командир группы особого назначения Русской армии генерала Врангеля, высадивший из Крыма десант на Кубань летом 1920 года. П.Н. Врангель вспоминал: «Генерал Улагай мог один с успехом “объявить сполох”, поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник, разбирающийся в обстановке, смелый и решительный, он во главе казачьей конницы мог творить чудеса».

Но «поднять» кубанское казачество Улагаю не удалось. Десант на Кубань, одна из последних ставок белых в Гражданской войне, потерпел поражение. Советская история приписала главнокомандующему Русской армией генералу Врангелю увольнение генерала Улагая из рядов армии как виновника поражения. На самом деле два приказа Главнокомандующего, от августа и сентября 1920 года, отражают лишь перемещение генерал-лейтенанта Улагая по службе. Интересно, что писал о нем советский военный историк А.В. Голубев, сам участвовавший в боях с десантом: «Улагай крепко держал в руках управление своими частями и, несмотря на ряд частных поражений, не допустил разгрома своих главных сил.

Это и дало ему возможность планомерно произвести обратную эвакуацию в Крым, забрав с собой не только все свои части, больных и раненых, но и мобилизованных, бело-зеленых, пленных красноармейцев, в том числе и раненых». Это — оценка, данная в 1929 году, когда в России человеку пишущему еще удавалось представить события такими, какими они были.

После эвакуации из Крыма, как и большинство русских офицеров, уцелевших в Гражданской войне, генерал-лейтенант Сергей Улагай эмигрировал. Но не было у него ни службы в албанской армии, ни сотрудничества с гитлеровцами в годы Второй мировой войны, приписанных ему советской историей, поскольку, как выяснилось, к этому имел отношение другой человек — полковник Кучук Улагай.

Считается, что Сергей Георгиевич Улагай умер в 1944 году. В 1948 году его прах был перевезен «откуда-то издалека» на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где после отпевания отцом Борисом

Могила генерала С.Г. Улагая

(Старком) С.Г. Улагай нашел свое последнее пристанище². «Вечная слава Русскому Воину» — написано на его скромной могиле. И вечная память.

Дроздовцы

Дроздовцы, воины Добровольческой армии, носили на малиновых погонах вензель³ и на мотив марша Сибирских стрелков (хорошо известный нам по песне «По долинам и по взгорьям») пели свой, Дроздовский марш:

² По данным историка Н.Н. Рутыча, С.Г. Улагай скончался 20 марта 1947 г. в Марселе, а 22 января 1949 г. останки генерала были перенесены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (См.: *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 245).

³ В виде буквы Д, установленный в память о М.Г. Дроздовском.

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский, трудный долг.

Полковник Генерального штаба Михаил Гордеевич Дроздовский (1881–1919) в декабре 1917 года в Румынии начал формировать из русских, воевавших на Румынском фронте, добровольческий отряд. В марте 1918 года отряд, называвшийся 1-й отдельной бригадой русских добровольцев, выступил из Ясс на Дон. «Впереди лишь неизвестность дальнего похода. Но лучше славная гибель, чем позорный отказ от борьбы за освобождение России!» — напутствовал своих бойцов Дроздовский. Дроздовцы совершили 1200-верстный поход, с боями заняли Новочеркасск и Ростов и в июне 1918 года присоединились к только что вышедшей из Ледяного похода Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Полковник М.Г. Дроздовский принял командование 3-й дивизией, основу которой составил его отряд.

В ноябре 1918 года в бою под Ставрополем Дроздовский был ранен и 14 января 1919 года умер от заражения крови в ростовском госпитале. Тело его было перевезено в Екатеринодар и похоронено в Войсковом соборе. В память М.Г. Дроздовского, перед смертью произведенного в генерал-майоры, его шефство было дано стрелковому и конному полкам.

В марте 1920 года в Екатеринодар, уже занятый красными войсками, ворвался отряд дроздовцев и вывез гроб генерал-майора, — чтобы не повторилось неслыханное надругательство, какое в апреле 1918 года в том же Екатеринодаре было учинено над прахом генерала Л.Г. Корнилова. Гроб с телом генерала М.Г. Дроздовского морем был вывезен из Новороссийска в Севастополь и там в сокровенном месте похоронен. Где — теперь этого уже никто не знает...

Дроздовские части были одними из самых боеспособных. За три года Гражданской войны дроздовцы провели 650 боев. Их стихией были особые атаки — без выстрелов, во весь рост, впереди — командиры. Более пятнадцати тысяч дроздовцев остались лежать на полях сражений братоубийственной войны, ставшей трагедией России.

Последние дроздовские части закончили свое существование в Болгарии, куда попали после эвакуации галлиполийского лагеря. А на участке русского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа, именуемом «дроздовским», похоронены рядом друг с другом уцелевшие в Гражданскую «дрозды», как они себя называли, и на чужбине сохранившие верность своему полковому братству.

Сейчас над могилами дроздовцев уже не возвышается хорошо известная по старым фотографиям трехарочная звонница — в 1987 году

«Дроздовский» участок на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа

взамен обветшавшего памятника был установлен новый. Но, как и прежде, на нем ярко выделяется бело-малиновый крест с вензелем дроздовцев и надписью «Яссы» — знак 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. И все долгое парижское лето могилы дроздовцев украшают белые и малиновые флоксы.

Поручик Рябчиков

Поручик Александр Матвеевич Рябчиков (1888–1965) — рядовой участник Белого движения. Выпускник Московского технического прядильно-ткацкого училища, он ушел на фронт Первой мировой войны вольноопределяющимся. В 1916 году окончил Петергофскую

школу прапорщиков и до марта 1918-го воевал на Юго-Западном фронте. Командир роты 43-го Охотского пехотного полка поручик Рябчиков за отражение атаки 13 августа 1917 года на реке Збруч, по представлению солдат роты, был награжден Георгиевским крестом IV степени.

В марте 1918 года на станции Клин тогда еще Николаевской железной дороги у возвращавшегося по демобилизации боевого офицера враждебно настроенная толпа сорвала погоны и Георгиевский крест. Все домашнее имущество многодетной семьи, нажитое трудом отца, отставного унтер-офицера, фабричного служащего, было реквизировано... И тогда для демобилизованного поручика во имя спасения России от собственного, не чужеземного врага началась вторая война, такая же Великая, как и прошедшая, — в рядах Северо-Западной армии генерала Юденича.

Было наступление на красный Петроград, едва не закончившееся его победным взятием, отступление, ад обстрела белых частей орудиями главного калибра линейного корабля «Севастополь» (парадокс истории: в марте 1921 года «Севастополь» стал ядром антибольшевистского Кронштадтского восстания).

В ноябре 1919 года отступавшая под натиском красных, уставшая от непрерывных боев Северо-Западная армия встретила на границе направленные на нее штыки недавних союзников: граница ставшей независимой Эстонии оказалась на замке. Когда все же «милостивое» разрешение эстонского командования перейти границу было получено, части Северо-Западной армии разоружили и загнали в леса и болота. И только после вмешательства английской миссии русские части были размещены в населенных пунктах близ Нарвы.

Но тут на еще недавно доблестную армию, стоявшую у ворот Петрограда, обрушилась новая беда — сыпной тиф. Журналист Г.И. Гроссен, оставивший воспоминания «Агония Северо-Западной армии», писал: «Пьеса “Мороз по коже” петроградского Театра Ужасов бледнела перед тем ужасом, который я испытывал в Нарве в начале февраля (1920) при посещении “госпиталя” — парусиновой фабрики, которая, в полном смысле этого слова, была гробом живых и мертвых людей». Поручику Рябчикову повезло — он выздоровел, спасенный добрыми людьми, на крыльцо дома которых был положен «живым трупом»...

После окончательного расформирования Северо-Западной армии в марте 1920 года выживших после тифа русских солдат и офицеров, ставших «лицами без определенных занятий», эстонское правительство направило на принудительные лесные работы — лесоповал и добычу торфа.

Этот очередной круг ада — полуживую жизнь в лесу — преодолели только самые стойкие. Бывший поручик Рябчиков оказался в их числе.

А потом был переезд во Францию, эмигрантское существование в Париже, ожидание ареста во время немецкой оккупации. И всю жизнь — тоска по России, страстное желание увидеть кого-нибудь из оставшихся на Родине близких. Приехавшая в конце 1965 года в Париж после долгого и изнурительного оформления выезда сестра Татьяна Матвеевна застала лишь свежую могилу брата, с которым рассталась сорок семь лет назад...

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо
Куда ушло?

Галлиполийский обелиск

Этот памятник возвышается в центре участка, называемого «галлиполийским». Когда-то подобный памятник стоял неподалеку от Галлиполи — небольшого турецкого порта в Дарданеллах, где в ноябре 1920 года, после эвакуации из Крыма, по распоряжению французского оккупационного командования были размещены части Русской армии генерала Врангеля. Здоровье людей, высаженных в буквальном смысле на голом месте, было подорвано перенесенными тяготами — и на греческом кладбище вскоре стали появляться русские могилы. Их становилось все больше, и русских изгнанников начали хоронить на месте старого армянского кладбища, где, по преданию, хоронили пленных запорожских казаков и русских солдат Крымской войны. Здесь и образовалось Русское военное кладбище.

У обитателей галлиполийского лагеря возникла мысль увековечить память своих соотечественников, умерших на чужбине. Решили соорудить памятник. Автором его проекта и одновременно строителем стал подпоручик Технического полка Н.Н. Акатьев. Для сооружения памятника по приказу генерала А.П. Кутепова, командира 1-го армейского корпуса, в который были сведены русские части в галлиполийском лагере, каждый должен был принести хотя бы один камень.

И потекла «бесконечная вереница людей, согнувшихся под своей добровольной ношей, в том числе седых стариков и малых детей, с тихими и серьезными лицами приходивших на кладбище», — вспоминал Николай Николаевич Акатьев. Было принесено 24 тысячи камней.

Памятник, торжественно открытый 16 июля 1921 года, напоминал одновременно и древний курган, и шапку Мономаха, увенчанную крестом. На мраморной доске под двуглавым российским орлом было написано: «Упокой, Господи, души усопших. 1-й Корпус Русской Армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–21 годах и в 1854–55 гг., и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену».

Галлиполийский памятник был разрушен землетрясением 23 июля 1949 года. Его уменьшенную копию как дань памяти всем участникам Белого движения в России к сорокалетию со дня открытия было решено установить на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где к тому времени нашли последний приют многие участники движения. И как когда-то камни, теперь — деньги на сооружение памятника были собраны русскими людьми, уже рассеянными по всему миру. Проект воссоздания Галлиполийского памятника безвозмездно делали супруги Бенуа: Альберт Александрович и Маргарита Александровна, ранее создавшие проекты Успенской церкви на этом же кладбище и храма-памятника под Реймсом в честь погибших во Франции в 1914–1918 годах русских воинов.

Памятник был открыт в воскресенье 2 июля 1961 года в присутствии большого количества народа. На мраморной доске под двуглавым орлом была сделана новая надпись: «Памяти наших вождей и соратников». Другая мраморная доска с краткой историей памятника прикрывала замурованную нишу, куда были вложены списки «в рассеянии скончавшихся» участников Белого движения. А по восьмиугольному цоколю шли посвящения генералу Лавру Георгиевичу Корнилову и всем воинам корниловских частей — корниловцам, адмиралу Колчаку и всем морякам российским, генералу Маркову и марковцам, казакам, генералу Дроздовскому и дроздовцам, генералу Деникину и первым добровольцам, генералу Алексеву и алексеевцам, генералу Врангелю и чинам конницы и конной артиллерии...

Ни один из вождей Белого движения, чье имя увековечено на памятнике, не нашел здесь своего последнего приюта. Большинство приняло смерть в России и осталось там без могил и крестов. Прах умершего в Екатеринодаре М.В. Алексева удалось перевезти в Сербию, а уцелевшие А.И. Деникин и П.Н. Врангель оказались погребенными далеко от парижского кладбища, где одиноким стражем могил русских воинов возвышается Галлиполийский памятник.

А.А. Полещук⁴

Несколько слов в заключение

Когда знакомишься с работой Владимира Лобыцына «Русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Белая Гвардия», начинаешь понимать, что отношение к кладбищу («городу мертвых», как сказали бы древние) — один из показателей духовного здоровья нации. Без погребальных ритуалов, посещения и уборки могил, поминальных молитв и обычаев трудно представить нравственную жизнь цивилизованного человека. И верующему, и неверующему погост напоминает о вечном.

У одних он вызывает представления о земном и небесном существовании, о брэнном теле и нетленной душе. Другие мысленно включают себя в непрерывную череду сменяющих друг друга поколений и тем самым тоже ощущают свое бессмертие.

Замысел В. Лобыцына масштабен и благороден: он создает своего рода поминальную книгу, путеводитель по той неизвестной для нас части русского кладбища под Парижем, где захоронены участники Белого движения. Он хочет, чтобы мы, ныне живущие в России, ощутили себя соотечественниками тех, кого принято было называть классовыми врагами.

Да, пора собирать камни, пора подвести черту под Гражданской войной, окончившейся семьдесят с лишним лет назад.

Чтобы осуществить свой замысел, автору предстоит снова ехать в Париж для встреч с родственниками бывших воинов, сделать там фотосъемки. Понадобится работа в архивах, чтобы из отдельных разрозненных сведений собрать мозаику судеб.

Редакция «Вокруг света» взяла на себя обязательство издать будущую книгу. Активное участие в этом предприятии могли бы принять наши читатели.

Для автора представит неоценимый интерес все, что касается биографий русских воинов, похороненных под Парижем: фотографии, воспоминания, публикации, документы, реликвии.

Разумеется, с благодарностью будет принято любое организационное или финансовое содействие в создании и печатании книги.

⁴ Александр Александрович Полещук, в 1983–2000 гг. — главный редактор журнала «Вокруг света».

Два имени одного корабля¹

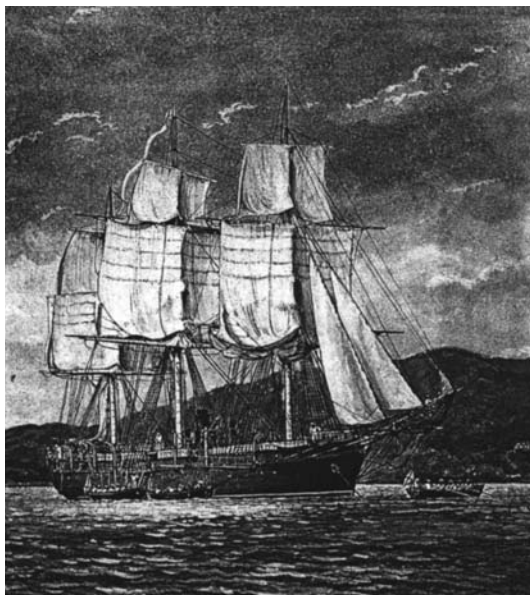
Чудесной бывает история у кораблей, богатая событиями и поворотами судьбы. Тысячи миль отмерил по тропическим и иным морям быстроходный для своего времени корвет «Витязь». Затем корабль получает имя «Скобелев» — в память выдающегося русского полководца, недаром прозванного вторым Суворовым. Начался новый этап в жизни корвета. В летопись Российского флота «Витязь»-«Скобелев» вошел еще и потому, что на нем плавал прославленный путешественник и ученый Н.Н. Миклухо-Маклай. Скобелев, Миклухо-Маклай... Имена великих людей неожиданно сплелись в судьбе одного корабля. В публикуемой сегодня статье исследователей Александра Першина и Владимира Лобыцына впервые раскрывается еще одна страница в истории отечественного флота.

...Это событие, никогда раньше не случавшееся в Российском флоте, произошло летом 1882 года: Высочайшим повелением Императора Александра III корвету «Витязь» было дано новое имя, и впервые военный корабль стал носить имя сухопутного генерала. Этим генералом был Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882), широко известный в нашем Отечестве и за его пределами как храбрый полководец, народный герой. В августовском номере «Морского сборника» была по флоту и Морскому ведомству объявлена монаршая воля: «Государь император, внимая к народному значению имени умершего генерал-адъютанта Скобелева и желая, чтобы военные доблести связывали войско и флот общими памятованиями, повелел корвет “Витязь” именовать впредь “Скобелев”». Случайно или нет был выбран корабль для переименования, но оба его имени, старое и новое, можно было бы объединить в одно — «Витязь Скобелев». Скобелев был именно витязем — храбрым воином, героем, воителем, рыцарем, как сказано в словаре В.И. Даля (тоже, кстати, в молодости морского офицера).

Так в Российском флоте стало три военных корабля, названных в честь народных героев России: батарейный фрегат «Князь

¹ В соавторстве с А.А. Першиным. Впервые опубликовано: На боевом посту (Москва). 1996. 28 сентября. № 70. С. 5.; (Приложение «За далью даль»). № 10 (310)).

Першин Александр Алексеевич (1951–2011) — путешественник, океанолог, писатель, историк флота, научный сотрудник Института океанологии РАН им. П.П. Ширшова. Автор книги «Под Андреевским флагом в южных морях. Из истории плавания русских военных кораблей в Океании и морях Зондского архипелага» (М., 2002) и многочисленных публикаций.

Парусно-винтовой корвет «Витязь».
Художник Е.В. Войшвилло

Пожарский», вступивший в строй в 1873 году, броненосный корвет «Минин» (вступил в строй в 1878 году) и вот — винтовой корвет «Скобелев».

Что собой представлял этот корабль, какова его биография? Закладка судна состоялась 23 августа 1861 года в Бьернеборге (ныне город Пори, Финляндия), на воду спущено 24 июля 1862 года. Главным строителем являлся инженер Арцеулов. В известном справочнике С.П. Моисеева «Список кораблей русского парового и броненосного флота» (1861–1917), опубликованном в 1948 году, поставлены инициалы «К. Н.», что ошибочно, так как знаменитому кораблестроителю броненосного флота Константину Николаевичу Арцеулову в 1861 году было всего 14 лет, и речь, скорее всего, должна идти о его отце, капитане корпуса корабельных инженеров Николае Алексеевиче Арцеулове (1816–1863).

А теперь о самом корабле. Водоизмещение «Витязя» равнялось 2248 тоннам, имел он длину 66,3 м, ширину 12 м и углубление 5,3–5,9 м. Как видим, параметры у корабля достаточно внушительны для своего времени. Стоит особо отметить, что на корвете в дополнение к парусам была установлена паровая машина мощностью 1618 л. с., позволявшая развивать ход в 12 узлов. Экипаж насчитывал 15 офицеров и 341 человека команды. В момент переименования корвета его воору-

А.А. Першин на барке «Крузенштерн». 2006

жение состояло из пятнадцати орудий разного типа. Имелось также два палубных минных аппарата, для того времени новейшее на флоте вооружение.

Зачисленный в состав Балтийского флота корвет уже в 1863 году в составе эскадры контр-адмирала С.С. Лесовского участвовал в экспедиции к берегам Северной Америки, затем совершил три дальних плавания в Средиземное море и Атлантический океан. Однако самое длительное и одновременно самое примечательное плавание «Витязь» совершил в 1870–1874 годах под командованием капитана 2-го ранга П.Н. Назимова, отправившись из Кронштадта в Тихий океан. Но не это было необычным: в ходе плавания «Витязь» доставил на остров Новая Гвинея молодого русского ученого Н.Н. Миклухо-Маклая, вписавшего свое имя в историю отечественной науки. Пребывание Маклая на острове среди местных жителей, изучение их быта и культуры сыграло большую роль в развитии этнографии, позволило России сделать весомый вклад в развитие этой науки. Возвратившись через двенадцать лет, в августе 1882 года, в Россию уже знаменитым путешественником, Н.Н. Миклухо-Маклай стал энергично проводить в жизнь свои планы в отношении Новой Гвинеи. В их реализации снова сыграл свою роль корвет «Витязь», ставший «Скобелевым».

Осенью 1882 года Н.Н. Миклухо-Маклай пять раз был на приеме у Императора Александра III в Гатчине и несколько раз встречался

в Петербурге с управляющим Морским министерством адмиралом И.А. Шестаковым. Миклухо-Маклай старался лично заинтересовать царя и фактического морского министра в своем проекте. Проект же заключался в основании на островах Океании вольной русской колонии. Николай Николаевич был убежден, что ему удастся установить между русскими колонистами и туземцами такие отношения, которые «соединили бы интересы колонистов с интересами туземцев и, вместо эгоистической их эксплуатации, обеспечили бы их от полного уничтожения».

Результатом встреч в Гатчине и Петербурге и стало решение об отправке на Новую Гвинею корвета «Скобелев». Была к этому плаванью и еще одна причина, вытекавшая из международного положения. В начале 80-х годов прошлого века обострившееся русско-английское соперничество в Средней Азии грозило войной. В этом случае становился необходимым переход русского флота, ставшего паровым, на Дальний Восток, но это оказывалось невозможным, поскольку все промежуточные порты на этом пути от Гибралтара до Гонконга находились под контролем Англии. Поэтому возникал вопрос о выборе места для устройства русской угольной станции — на Новой Гвинее или каком-либо острове Океании.

Было условлено, что Н.Н. Миклухо-Маклай тотчас выезжает в Австралию, а в марте следующего 1883 года «Скобелев» зайдет за ним в Сидней и доставит ученого на Новую Гвинею. Но утомительный рейс в Сидней стал ненужным: 10 февраля 1883 года в вахтенном журнале «Скобелева», стоявшего на рейде Батавии (ныне — Джакарты) под флагом контр-адмирала Н.В. Копытова, была сделана запись: «Около 10 часов с пришедшего на рейд английского парохода (Австралийской линии) приехал на корвет г-н Миклухо-Маклай, который был принят адмиралом». Позже, 12 февраля, корвет «Скобелев», имея на борту в качестве пассажира Н.Н. Миклухо-Маклая, оставил Батавию. В начале марта того же 1883 года «Скобелев» встал на якорь в заливе Астролябия. Для Н.Н. Миклухо-Маклая это было шестым и, как оказалось, последним посещением Новой Гвинеи, где его имя с той поры увековечено в названии «Берег Маклая» — полосе земли протяженностью около 300 км на северо-востоке острова.

Через полтора суток «Скобелев» перешел на север, в бухту, названную Миклухо-Маклаем еще в 1872 году «Порт Великий Князь Алексей», — в честь Августейшего главы Морского министерства, помогавшего путешественнику в организации посещения Новой Гвинеи. Теперь офицеры «Скобелева» произвели съемку бухты для всевозможного устройства русской станции. На карту Тихого океана был нанесен вытянутый с севера на юг остров, точка привязки которого име-

ла координаты: 54° 16' южной широты и 145° 21' восточной долготы. Острову было дано имя Скобелева. На мировых картах была увековечена память о выдающемся русском полководце.

После почти месячного пребывания у берегов Новой Гвинеи «Скобелев» 1 апреля пришел в Манилу — главный город Филиппин. 4 апреля в вахтенном журнале была сделана запись об оставлении корвета Н.Н. Миклухо-Маклаем. А через пять лет выдающийся русский ученый и гуманист скончался после тяжелой болезни в возрасте всего 42 лет. Выполненные им исследования обогатили отечественную и мировую науку, но его планам создания вольной русской колонии на Новой Гвинее не суждено было осуществиться.

Корвет «Скобелев» еще почти два года совершал плавания в Тихом океане. Наконец в ноябре 1884 года он вышел из Иокогамы, чтобы вернуться в Кронштадт. При этом экипаж «Скобелева» выполнил одно важное дело. В январе 1885 года, после стоянки в Кепштадте (Кейптаун), корвет двигался вдоль берегов Юго-Западной Африки к северу от устья реки Оранжевой. Карта и лоция этих мест, когда-то составленные англичанами, были неполны и неточны. За две недели наши моряки исследовали более 700 миль побережья. Почти полторы тысячи километров! Самым тщательнейшим образом обследовались бухты, удобные для захода, в случае необходимости, русских кораблей. Наиболее подходящей была признана бухта Ангра-Пеквена. Именно сюда спустя 20 лет, пользуясь материалами съемки «Скобелева», зашли корабли 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П. Рожественского, совершавшей переход на Дальний Восток.

15 мая 1885 года «Скобелев» встал наконец на рейде Кронштадта. Император Александр III устроил смотр корвету. «Государь Император остался вполне доволен отличным его состоянием, бодрым видом команды и отменным исполнением произведенных усилий», — как сообщил в официальном разделе журнал «Морской сборник». Командиру корвета, капитану 2-го ранга В.В. Благодареву, и всем офицерам было «изъявлено Высочайшее благоволение», а нижним чинам пожаловано — по пять рублей унтер-офицерам и по три рубля рядовым. Деньги, по тем временам немалые.

Это было последнее большое плавание старого корабля. Семь лет после этого корвет не покидал Балтийского моря. А в 1892 году «Скобелев» стал учебным судном. Но и тут его вскоре ожидало тяжелейшее испытание: 30 августа 1894 года на пути из Либавы в Кронштадт корвет попал в разразившийся неожиданно шторм, усилившийся вскоре до одиннадцатибалльного. И тут во время парусного аврала отличился корабельный гардемарин Александр Колчак, выпускник Морского корпуса 1894 года.

По возвращении корвета в Кронштадт 7 сентября 1894 года сразу же была назначена комиссия для освидетельствования корабля. «Счастлив ваш Бог!» — сказал командиру корвета капитану 2-го ранга барону Э.А. Штакельбергу главный командир Кронштадтского порта, возглавлявший комиссию. И в самом деле, корабль уцелел просто чудом: мачты оказались расшатанными, едва держались крепления шканечных орудий и, что самое страшное, грозившее неминуемой гибелью корвету, — сдвинулись с места котлы и водяные цистерны. Это плавание стало последним для старого корабля — 30 января 1895 года корвет «Скобелев» исключается из списков Российского флота.

...Так закончил свою более чем 30-летнюю службу славный корабль, обессмертивший оба своих имени: «Витязь» и «Скобелев» и оставивший о себе добрую память в потомстве. Имя «Витязь» носит уже четвертый корабль отечественного научно-исследовательского флота. Может быть, и Военно-морской флот России дождется своего «Скобелева»?

В поисках блаженной земли¹

Все три сюжета «Повести о льдах» — трагедия «Жаннетты», поход Нансена по льдам Арктики и дрейф ледоколов «Садко», «Малыгин», «Седов» — объединяет место действия: Восточная Арктика, а точнее, ее район к северо-востоку от островов Де Лонга. Где-то здесь, к северу от Новосибирских островов, должна была находиться таинственная Земля Санникова — блаженная страна, блаженная земля, которую дважды видел якутский промышленник Яков Санников. Тень «Жаннетты», первого судна, осмелившегося приблизиться к тайне существования этой земли, коснулась и судьбы норвежского ученого и путешественника Фритьофа Нансена, определив цель его жизни. Эта же тень коснулась и экипажей трех советских ледоколов, затертых льдами и дрейфующих на север вместе с ними...

В установлении правильных пространственных представлений об Арктике и опровержении существования Земли Санникова важную роль сыграла американская полярная экспедиция Джорджа Де

¹ В соавторстве с А.А. Першиным. Предисловие к повести И.С. Лукаша «Тень «Жаннетты» над океаном». Впервые опубликовано: Российские вести. 2001. 22 авг. С. 13. (Приложение «Страна отцов». Вып. 3).

Лонга. Джордж Вашингтон Де Лонг родился 22 августа 1844 года в Нью-Йорке. В 1865 году он окончил Военно-морскую академию в Аннаполисе. В 1873 году принял участие в плавании «Юниаты», предпринятом для поисков пропавшей американской экспедиции Голла.

По возвращении он предложил газетному королю Джеймсу Гордону Беннетту, издателю «Нью-Йорк Геральд», организовать экспедицию к Северному полюсу. Беннетт согласился финансировать такую экспедицию, полагая, что она даст большой сенсационный материал, публикация которого принесет немалый доход. Поддержать экспедицию был готов и американский военно-морской флот, лейтенантом которого был Джордж Де Лонг.

Экспедиция должна была достигнуть Северного полюса со стороны Берингова пролива и по пути выяснить судьбу экспедиции Норденшельда на «Веге», о которой давно не было известий. Де Лонг рассчитывал пройти на судне возможно дальше на север, а затем отправиться к полюсу на собачьих упряжках.

Для экспедиции была снаряжена трехмачтовая яхта «Жаннетта», имевшая кроме парусов паровую машину в двести лошадиных сил. Корпус яхты был набран из дуба и обшит американским ясенем. Водоизмещение «Жаннетты» составляло 420 тонн. На ее борту находились 33 человека. Экспедиция была хорошо оснащена приборами и инструментами для научных наблюдений. Запас продовольствия с учетом возможной зимовки был рассчитан на три года. Подготовка экспедиции проходила как большое общенациональное предприятие.

«Жаннетта» покинула Сан-Франциско 8 июля 1879 года. До Аляски ее сопровождало правительственное судно. Здесь было получено сообщение о благополучном окончании зимовки экспедиции Норденшельда, и «Жаннетта» сразу приступила к выполнению своей основной задачи. Берингов пролив был пройден 27 августа, а уже 5 сентября судно было остановлено льдами в Чукотском море, восточнее острова Врангеля, у острова Геральд.

Из ледового плена «Жаннетте» освободиться не удалось, и начался почти двухгодичный дрейф, во время которого на долю участников экспедиции выпало много суровых испытаний. 17 мая 1881 года с борта «Жаннетты» на горизонте увидели небольшой остров, который назвали именем судна, а через неделю — 25 мая — другой, названный островом Генриетты. Несколько человек под командой инженер-механика Мельвиля высадились на скалистый остров, подняли на нем американский флаг и соорудили гурий — пирамиду из камней, куда вложили записку (в 1937 году ее нашли моряки с ледокола «Садко» и

передали в Музей Арктики в Ленинграде — нынешний Музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге).

13 июня 1881 года стало последним днем «Жаннетты» — она была раздавлена льдами в точке с координатами 77 градусов 15 минут северной широты и 154 градуса 59 минут восточной долготы и затонула. Потеряв судно, участники экспедиции 18 июня отправились пешком по дрейфующим льдам к Новосибирским островам, чтобы оттуда на шлюпках, которые тащили с собой, достичь побережья Сибири.

Во время этого труднейшего перехода Де Лонг и его спутники наткнулись на остров, не обозначенный на картах. Скорее всего, именно его увидел в 1811 году с острова Фаддеевского Яков Санников. В знак благодарности спонсору экспедиции острову дали имя Беннетта. Участники экспедиции стали первыми посетителями острова, о чем они сообщили в записке, вложенной в гурii.

12 сентября американцы достигли острова Котельного, где отдохнули в промысловой избушке. Затем на трех шлюпках отправились к устью Лены, держа курс на мыс Баркин Стан. Поднявшийся ветер разъединил шлюпки, тем самым предопределив судьбу каждой из них. Больше всего и даже дважды повезло шлюпке Г. Мельвиля. Она благополучно достигла устья Лены в районе Быковской протоки, и вскоре около урочища Буор-Хая люди с нее встретили якутов, промышлявших зверя, и получили необходимую помощь. Другая шлюпка, в которой находилась группа лейтенанта Чиппа, бесследно пропала — скорее всего, она утонула со всеми в ней находившимися.

Шлюпка начальника экспедиции 25 сентября 1881 года достигла дельты Лены в районе Осохтинского рукава — в совершенно безлюдном месте сибирского побережья. Отсюда, имея крайне ограниченный запас продовольствия, Де Лонг и его спутники отправились на юг в надежде найти ближайшее поселение. От места высадки они прошли около 100 километров и достигли острова Боран-Бельской, где голод и холод сделали свое дело... Только два матроса, Ниндерманн и Норос, заранее высланные вперед, встретили якутов и остались в живых. А всего из тех, кто был на «Жаннетте», уцелело тринадцать человек.

Уже в начале 1882 года была организована поисковая партия, которую возглавил Г.У. Мельвиль. Местная русская администрация предоставила партии опытных проводников, в частности якутского казака, урядника Петра Коленкина. Деятельное участие в поисках принимали находившиеся в Верхоянске политические ссыльные К. Еремеев и С. Лион (последний написал об этом воспоминания).

В марте 1882 года поисковая партия Мельвиля обнаружила последний лагерь Де Лонга и его спутников. Из найденных дневников

начальника экспедиции стали известны обстоятельства их гибели. Погибших похоронили на горе Кюегельхая, которая стала называться Американской. На могиле был водружен высокий крест с надписью: «Памяти двенадцати офицеров и матросов с американского полярного парового судна “Жаннетта”, умерших от голода в устье реки Лены в октябре 1881 года». Ниже были перечислены имена погибших. Вскоре их тела через Сибирь и европейскую Россию были отправлены на родину, крест же остался на прежнем месте и сохранился до сих пор.

Экспедиция на «Жаннетте» не нашла блаженной земли. Во время дрейфа были лишь открыты три острова — Жаннетты, Генриетты и Беннетта, получившие название архипелага Де Лонга. Но даже после своей гибели во льдах «Жаннетта» продолжала служить науке: в 1884 году на юго-восточном побережье Гренландии были найдены предметы с «Жаннетты», проделавшие этот путь вместе с дрейфующим льдом. находка подтвердила существование поверхностного течения, пересекающего Северный Ледовитый океан с востока на запад. Именно этот факт стал толчком экспедиции Фритьофа Нансена к Северному полюсу, ставшей одним из триумфов полярных путешествий.

Между тем поиски блаженной земли не прекратились. Русский ученый Э.В. Толль, участвуя в экспедиции А.А. Бунге на Новосибирские острова, в 1886 году с северо-западного мыса острова Котельный, по его словам, видел землю, которую считал Землей Санникова. В 1900 году он возглавил Русскую полярную экспедицию на паровой яхте «Заря», которая в Норвегии была специально оборудована для полярного плавания строителем нансеновского «Фрама» Колином Арчером. Гидролог экспедиции лейтенант А.В. Колчак был послан в Христианию (как до 1924 года называлась норвежская столица Осло), где занимался у Ф. Нансена, осваивая новые методы гидрологических исследований.

21 июня 1900 года «Заря» ушла из Петербурга, надеясь, что ей удастся отыскать блаженную землю. После зимовки на Таймыре, двух зимовок на Новосибирских островах, на третий год экспедиции барону Толлю стало ясно, что пройти на «Заре» к северу от Новосибирских островов не удастся. Тогда он вместе с тремя спутниками весной 1902 года ушел по льду на остров Беннетта. «У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти», — рассказывал в 1920 году на допросе адмирал А.В. Колчак. «Заре» было приказано, если удастся, пробраться туда же, а если нет, то возвращаться к устью Лены. Сам Э.В. Толль рассчитывал самостоятельно вернуться на Новосибирские острова, где для его группы были оставлены склады.

Попытка «Зари» пробиться к острову Беннетта летом 1902 года не удалась. Оставив потрепанную льдами «Зарю» в бухте Тикси, участники экспедиции в декабре 1902 года вернулись в Петербург. На заседании Академии наук они доложили о результатах работ и положении барона Толля. Его участь встревожила академию. Лейтенант Колчак предложил пробраться на остров Беннетта на шлюпках и вызвался возглавить этот поход.

Поход, начатый в мае 1903 года, оказался труднейшим. Но, преодолев все трудности, в начале августа группа Колчака высадилась на острове Беннетта, где нашла записку, оставленную бароном Толлем: «Отправляемся сегодня на юг, провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. 26.X — 8.XI. 1902 г.». Стало ясно, что Э.В. Толль и его спутники погибли на переходе с острова Беннетта к острову Новая Сибирь. Блаженная земля не простила настойчивого желания найти ее...

О Земле Санникова вспомнили еще раз в 1913–1914 годах, когда в области существования таинственной, но так и не найденной земли русская Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана открыла два острова, относящихся все к тому же архипелагу Де Лонга.

Первый из них был открыт в августе 1913 года и назван островом Генерала Вилькицкого, второй — в августе 1914-го. Его первоначальное название было — остров Новопашенного, ныне он называется островом Жохова. И наконец, последняя попытка найти Землю Санникова была предпринята летом 1937 года экспедицией на ледокольном пароходе «Садко» под руководством профессора Р.Л. Самойловича. Участники экспедиции посетили острова Беннетта, Жаннетты и Генриетты. В море Лаптевых экспедиция обнаружила теплое придонное течение. «Садко» подошел к северо-восточной оконечности архипелага Де Лонга, но вынужден был прервать экспедицию и идти на зимнюю стоянку — надвигалась полярная ночь. Но, видимо, блаженная земля и вправду не прощает ее поисков. Возвратиться на стоянку «Садко» не удалось — он был затерт льдами.

На выручку ему пошли два ледокольных парохода — «Г. Седов» и «Малыгин». Их тоже затерло льдами. Все три ледокола медленно дрейфовали на север, рискуя попасть в полосу дрейфующих льдов, раздавивших «Жаннетту» и вынесших «Фрам» на северо-запад. В феврале 1938 года была организована спасательная экспедиция из трех четырехмоторных самолетов, перелетевших в Тикси, где имелась оборудованная авиабаза. Руководил экспедицией известный полярный летчик Василий Молоков, участник спасения челюскинцев.

После долгого ожидания погоды самолетам удалось перелететь на подготовленную экипажами дрейфующих судов ледовую полосу. В Тикси было перевезено 184 человека. Эта операция по вывозу людей,

во многом напоминая, а по размаху даже превосходившая эпопею спасения челюскинцев, была успешно закончена 26 апреля 1938 года.

На продолжавших дрейф судах были оставлены 33 человека, которым было завезено продовольствия и горючего на два года. И, как оказалось, это было сделано не зря...

Руководителем зимовки был назначен капитан «Садко» Н.И. Хромцов. В это время дрейфующие суда находились на 79 градусах северной широты. Летом 1938 года к району дрейфа пробился ледокол «Ермак». Ему удалось бы вывести из ледового плена все три судна, но у «Г. Седова» сжатием льдов был поврежден руль, и вывести неуправлявшийся корабль так и не удалось.

Капитаном «Седова» был оставлен второй штурман «Садко» Константин Бадигин. Пятнадцать добровольцев остались продолжать дрейф, как оказалось, в течение долгих 812 дней. За 85-й параллелью седовцы провели 296 суток, за 86-й — 131 день. «Седов» продрейфовал 6100 км из моря Лаптевых в Гренландское и наконец 12 января 1940 года был освобожден ледоколом «И. Сталин».

Когда-то капитан «Жаннетты» Джордж Де Лонг записал в дневнике: «Арктические экспедиции оцениваются по результатам, а не по усердию и намерению их участников». Все экспедиции, намерением которых были поиски блаженной земли, отличались не только героическим «усердием» их участников, но и фундаментальными результатами для науки и ледового мореплавания. И на его триумф — свободное плавание атомного ледокола «Арктика» к Северному полюсу в августе 1977 года — тоже незримо легла тень «Жаннетты», как она лежит на всех плаваниях, совершаемых по Северному Ледовитому океану.

Кто же мог отправить открытку на «Малыгин»?¹

В № 5 «Филателии СССР» за 1974 год помещена статья Ф. Зинько «Еще раз о “Малыгине”». В числе других ее иллюстраций — фотография открытки, адресованной профессору В.Ю. Визе. Автор статьи, оставляя вопрос открытым, делает предположение о возможных, по его мнению, отправителях этого филателистического раритета. Анализ приведенной им фотографии в сопоставлении с известными из лите-

¹ Впервые опубликовано (под псевдонимом В. Тюрин): Филателия СССР. 1974. № 11. С. 13.

Почтовая карточка, отправленная на ледокольный пароход «Малыгин» профессору В.Ю. Визе

ратуры фактами полярной экспедиции 1931 года позволяет с бóльшей достоверностью назвать имя отправителя.

Попутно необходимо исправить ряд существенных ошибок статьи Ф. Зинько.

Как известно, в 1931 году международное общество «Аэроарктика» организовало полет дирижабля ЛЦ-127 «Граф Цеппелин». Вылетев 24 июля 1931 года из немецкого города Фридрихсгафена, 25 июля он приземлился в Ленинграде, а на следующий день взял курс на Арктику. В бухте Тихой Земли Франца-Иосифа дирижабль ждал ледокол «Малыгин». 27 июля между ними состоялся обмен почтой.

Если в связи с этими фактами обратиться к открытке, то становится ясным, что она принята на борт «Цеппелина» 25 июля 1931 года в Ленинграде. Об этом говорят штемпели специального гашения с контуром дирижабля и надписью по-французски «Авиапочта. Цеппелин. Ленинград. 25.VII.31». Одним штемпелем погашены две известные марки № 379 и 381, другой штемпель проставлен на чистом поле открытки, адресованной профессору В.Ю. Визе на ледокол «Малыгин». О месте приема открытки говорит штемпель с надписью (также по-французски) ««Малыгин». Арктика. 27.VII.31». Текст открытки написан по-немецки на пишущей машинке с латинским шрифтом («Воздушным кораблем “Граф Цеппелин” и ледоколом “Малыгин”. Ленинград — Северный полюс»). Таким образом, приведенная в статье Ф. Зинько открытка была отправлена с борта дирижабля.

Следует отметить, что марки № 379 и 381, которыми франкирована открытка, были выпущены в обращение в июле 1931 года, когда «Малыгин» уже находился в Арктике. Вместе с фактом отправления открытки с борта дирижабля это означает, что, вопреки предположению Ф. Зинько, никто из находившихся на «Малыгине» практически не мог стать отправителем.

Значит, автором не мог быть И.Д. Папанин, в то время начальник почтового отделения ледокола «Малыгин». Что же касается Р.Л. Самойловича и Э.Т. Кренкеля, также упоминаемых Ф. Зинько, то они, в принципе, могли быть авторами открытки, но только потому, что не являлись членами экипажа ледокола «Малыгин», как об этом ошибочно сообщается в статье. Профессор Р.Л. Самойлович возглавлял научную часть экспедиции на дирижабле, а вовсе не на «Малыгине», Э.Т. Кренкель был не «радиостом судна», а одним из трех радистов «Цепелина». Помимо них на дирижабле было еще два представителя советской науки: аэролог профессор П.А. Молчанов — изобретатель радиозонда и инженер Ф.Ф. Ассберг, один из ведущих специалистов по дирижаблям.

Наиболее вероятно, что филателистический сувенир изготовил для В.Ю. Визе кто-либо из советских членов экспедиции «Цепелина», так как вряд ли В.Ю. Визе мог бы обременить подобной просьбой кого-либо из иностранных участников экспедиции. Немецкий текст объясняется тем, что на дирижабле была, скорее всего, только машинка с латинским шрифтом, а все четверо советских участников экспедиции свободно владели немецким языком.

Чтобы выяснить, кто именно мог быть отправителем открытки, обратимся к воспоминаниям Э.Т. Кренкеля, так увлекательно описанным в книге «“РАЕМ” — мои позывные» (М.: Советская Россия, 1973. С. 191).

«В ту пору я еще не был филателистом и не очень-то разбирался в том, что такое настоящий раритет. Федор Федорович (Ассберг. — *Авт.*) был в этом деле человеком более искушенным. И такой раритет изготовил у меня на глазах. Среди писем, посланных им на «Малыгин» с дирижабля, было одно столь же редкое нынче, как королева всех марок — одноцентовая Гвиана. Оно единственное в мире. Федор Федорович написал письмо на бумажной тарелке из числа тех, которыми мы пользовались на дирижабле».

Этот отрывок наводит на мысль, что отправителем открытки на «Малыгин», скорее всего, и был Ф.Ф. Ассберг, не так обремененный на борту дирижабля обязанностями, как профессора Р.Л. Самойлович и П.А. Молчанов.

«Наваринского дыму с пламенем»¹

Тот, кто внимательно читал «Мертвые души», наверняка вспомнит, что такого необычного, «романтического» цвета сукно предложил Павлу Ивановичу Чичикову для нового фрака купец в губернском городе NN: «Отличный цвет! Сукно наваринского дыму с пламенем».

В 40-х годах прошлого века память о дыме и пламени Наваринского сражения была еще столь жива, что Гоголь не счел нужным дать примечание к такому определению цвета. А сейчас разве что историки и военные моряки знают о морском сражении в Наваринской бухте Ионического моря 8/20 октября 1827 года, когда объединенные силы русской, английской и французской эскадр сожгли турецко-египетский флот. В память об этой победе имя «Наварин» было присвоено эскадренному броненосцу русского флота, погибшему в Цусимском бою.

Правда, кроме историков и военных моряков, Наварин вспомнят и любители петербургских окрестностей. В царскосельском парке на Чесменской колонне среди прочего написано: «Крепость Наварин сдалась бригадиру Ганнибалу». Этой надписью гордился Пушкин — сей «наваринский Ганнибал», Иван Абрамович, один из сыновей «арапа Петра Великого», приходился двоюродным дедом поэту. Но эта надпись относится к другому, более раннему сражению. В начале 1770 года Екатерина II послала в греческий архипелаг эскадру под начальством Федора Орлова. А в апреле того же года отряд из трех кораблей под командованием Ивана Ганнибала подошел к Наваринской бухте, высадил десант и после шестидневной осады с моря и суши принудил к сдаче крепость, охранявшую вход в бухту.

...После всего сказанного становится понятным волнение, которое испытывали мы, участники экспедиции на научно-исследовательском судне «Витязь» Института океанологии им. П.П. Ширшова, узнав о возможности побывать в знаменитой Наваринской бухте. В порту Пилос, что стоит на берегу бухты, мы должны будем взять на борт греческих участников экспедиции, чтобы вместе с ними вести работу в глубоководном желобе Ионического моря.

В свой двадцать второй рейс «Витязь» вышел 28 июня 1991 года из Новороссийска. Мы прошли Черное, Мраморное и Эгейское моря, обогнули с юга полуостров Пелопоннес, вошли в Ионическое море и, неся по морским правилам на грот-мачте греческий флаг, днем 6 июня входили в бухту Наварин (греки называют ее Наварино).

¹ Впервые опубликовано: Вокруг света. 1993. № 3. С. 18–20.

Бухта имеет форму почти правильного полукруга, который, словно диаметром, отсекается со стороны моря вытянутым островом Сфактерия, оставляющим два узких прохода со стороны своих северной и южной оконечностей. Именно этот остров в 425 году до н. э. во время Пелопоннесской войны Афин и Спарты захватил афинский стратег Демосфен, разгромив гарнизон спартанцев и впервые в истории Греции взяв в плен гоплитов — воинов спартанской «гвардии».

С юга от Сфактерии как бы откалываются три малых острова, прикрывая вход в Наваринскую бухту. Самый крупный из них — Пилос, турецкое название которого, употребляемое до сих пор, — Цихли-Баба — имеет живописную особенность: морские ворота из бухты в открытое море. Ворота хотя и сквозные, но непроходимые для судов. Эти ворота стремятся запечатлеть на фото, наверное, все, кто входит с моря в бухту. На вершине острова виден памятник, установленный в конце прошлого века: «Франция — своим сынам, матросам и солдатам, погибшим за свободу Греции. Морское сражение в Наварино, 20 октября 1827-го — сухопутные сражения на Пелопоннесе 1828–1830». На бронзовой пластине, укрепленной внизу памятника, — имя адмирала Дериньи, командовавшего французской эскадрой, и названия ее шести кораблей.

Войдя в Наваринскую бухту, невольно представляешь, как в такой же солнечный день более чем полтора века назад стояли на якорях полукругом друг против друга парусные корабли враждующих эскадр...

Вход в бухту со стороны Пелопоннеса охраняет старинная крепость, хорошо сохранившаяся до сих пор. Она была построена турками в 1573 году и перестроена венецианцами в пору своего владычества век с небольшим спустя. Именно эта крепость, называемая Неокастро («Новая крепость») в отличие от старой, Палайокастро, на берегу северного прохода в Наваринскую бухту, который был засыпан турками в 1571 году и стал непроходимым для крупных судов, «сдалась бригадиру Ганнибалу». Тогда, в мае 1770 года, свою победу русские отпраздновали в церкви, сохранившейся внутри крепости

Мемориальная доска с фамилиями русских моряков, погибших в Наваринском сражении в 1827 году, установленная в греческом городе Пилос

и действующей до сих пор. Интересно, что церковь была построена в конце XVII века венецианцами как католический храм Христа Спасителя, турками преобразована в мечеть и в конце концов стала православной церковью Преображения Господня. Церковь с черепичным византийским куполом и звонницей, похожей на наши псковские, хорошо видна с моря над стенами крепости. Со стороны города к ним вплотную подходит сосновый лес, посаженный вскоре после Второй мировой войны. Позже, уже находясь в городе, мы как-то проходили через этот лес жарким полднем и буквально были оглушены стрекотанием цикад.

Городок Пилос окружен горами, самая большая из которых — Святого Николая. Аккуратные белые домики с красными черепичными крышами словно сбегают с горы к морю, уже спокойно выстраиваясь на набережной рядами магазинов, ресторанов, кафе.

Поражают чистота и голубой цвет воды в бухте. Во внутренней гавани, заполненной рыбацкими ботами, яхтами, моторными лодками, в прозрачной воде ходят косяки крупной кефали. В открытых рестораничках, расположенных у самой воды, вам предложат стаканчик греческой анисовой водки «узо», вкуснейшее «морское ассорти» и, конечно, маленькую чашечку крепчайшего кофе, который мы сочли бы приготовленным по-турецки, а здесь он называется, разумеется, «греческим кофе». Люди, сидя за столиками, лениво наблюдают за рыбами, изредка бросая им кусочки хлеба. Здесь же стоит несколько вездесущих удильщиков. Не по-современному тихо, спокойно, и кажется, что ты находишься в гриновском Лиссе или Зурбагане...

Пилос, «прекрасный мессинийский (Мессиния — область южной Греции. — *Авт.*) городок, живописнейший и значительнейший в истории Греции», как он охарактеризован в путеводителе афинского издательства Димитриоса Пападимаса, невелик. Он насчитывает около трех тысяч жителей. Живет туризмом, рыболовством, сельским хозяйством да поставками продуктов и воды на проходящие суда. Не забывает о своем славном прошлом. Ежегодный праздник, отмечаемый 20 октября, — годовщина Наваринского сражения. Кроме того, две первые недели августа отводятся для культурной программы «Наварина», а в сентябре устраивается традиционная ярмарка. Радостно и достойно живут люди в этом благословенном городке.

...Как только выдалось свободное время, мы тотчас решили посетить памятник русским морякам на острове Сфактерия, о котором узнали из путеводителя. Без труда получили разрешение портовых властей на спуск катера и одновременно совет: не забыть поднять кормовой государственный флаг, чтобы местные перевозчики не приняли нас за новоявленных конкурентов.

Итак, разъездной катер с «Витязя» спущен, кормовой флаг поднят, все участники поездки во главе с капитаном на борту. Нас сопровождает профессор Афинского университета Павлос Иоаннос, наш коллега по экспедиции, выпускник Ленинградского университета, сын греческого политэмигранта, долгое время живший и работавший в Союзе. Пересекаем Наваринскую бухту, держа курс на Сфактерию и отыскивая указанные нам в порту ориентиры.

Берега острова, протянувшегося на четыре километра, скалисты и отвесно обрываются в море. Остров изобилует памятными знаками. Большой частью это памятники погибшим во время освободительной войны 1821–1828 годов, в том числе обелиск на могиле Поля Бонапарта, племянника Наполеона, студента из Болоньи, ставшего кадетом-добровольцем на фрегате «Эллада» и погибшего в 1827 году. Наконец причаливаем к небольшой бетонной пристани. От нее наверх уходит мощенная камнем дорога, обсаженная высокими эвкалиптами. Вокруг ни души.

И вот открылась небольшая площадка. На ней стоит маленькая беленная известью церковь Вознесения. Построенная в эпоху турецкого владычества, она не похожа на обычные православные церкви. Турки не разрешали никаких декоративных элементов снаружи, и только небольшой крест над входом говорит о назначении строения. В истории церкви, называемой также Панагула, есть один трагический эпизод. В 1825 году греческие повстанцы, окруженные турками, взорвали вместе с собой пороховой склад, устроенный в церкви.

Вместо замка — веревочный конец, связывающий дверные створки. Внутри — все, что есть в любой православной церкви: алтарь с царскими вратами, иконы, стенные росписи, паникадила. Тут же короб с денежными пожертвованиями от тех, кому случается сюда забрести. И подумалось, что именно здесь, где каждый год 29 октября происходит богослужение, следовало бы установить памятную доску с именами погибших при Наварине русских моряков...

Неподалеку от церкви расположен обсаженный густой стеной кипарисов памятник. Солнце исчезает, как толькоходишь в их тень за невысокую ограду. Горизонтальная мраморная плита и вертикальная стела, завершающаяся символическим светильником. На плите надпись по-русски: «Памяти павших в Наваринском сражении 8/20 октября 1827 и погребенных поблизости. Поставлен в 1872 года Начальником отряда СЕВ (Свиты Его Величества. — *Авт.*) контр-адмиралом И. Бутаковым, командиром, офицерами и командою клипера “Жемчуг”». На стеле, воздвигнутой в 1960 году, — якорь, герб СССР и надпись в честь русских моряков, героически погибших в Наваринском сражении. Поражает конец надписи: «От советского по-

сольства». Трудно поверить, что в 1960 году работники посольства на свои средства купили мраморный монолит, заказали скульптору эскиз стелы и оплатили ее изготовление, доставку и установку. А тогда при чем тут «от советского посольства»?

Мы положили цветы, укрепили вымпел «Витязя», постояли в молчании на этом памятном месте. Подумалось с горечью, что всю нашу историю мы кого-то освобождали, расплачиваясь за это русскими жизнями, не сумев освободить лишь самих себя...

Возвращаясь на судно, мы специально прошли вдоль острова в надежде отыскать следы пребывания соотечественников, отмеченные в путеводителе как «Русские надписи». «Это — имена русских матросов, время от времени посещавших Пилос, чтобы почтить память русских, погибших в Наваринском сражении», — сказано в путеводителе. Вполне понятно, что после такого пояснения мы ожидали увидеть традиционное «Здесь были...». Но нет, неподалеку от пристани на высоте человеческого роста, видна всего одна надпись, сделанная краской: «Черноморец». Эта же надпись, хуже сохранившаяся, повторена на гладкой отвесной скале. Было похоже, что это — название корабля, увековеченное таким образом его командой. (На острове Мадейра я увидел скалу, на которой сверху донизу написаны названия кораблей, заходивших в порт Фуншал.)

Предположение подтвердилось: в Центральном государственном архиве ВМФ в Санкт-Петербурге я разыскал доказательства, что эти надписи — следы пребывания канонерской лодки Черноморского флота «Черноморец», заходившей в Пилос дважды: в декабре 1889 года для осмотра состояния памятника и в апреле 1890-го для его ремонта.

Итак, русские для памятника соотечественникам выбрали остров Сфактерия, где есть православная церковь. Французы установили памятник на вершине острова Пилос, откуда он хорошо виден всем судам, входящим в бухту Наварин. Памятник третьим участникам соединенной эскадры — англичанам — также установлен на острове. Точнее — на островке длиной всего около двухсот метров с милым названием Черепашка по-русски и Хелонаки — по-гречески. Мы причалили на нашем катере к этому островку, лежащему в северной части бухты и впрямь похожему на выступающий из воды панцирь черепахи. На площадке, заросшей голубыми шарообразными цветами дикого лука, рядом с сосновой рощей стоит приваленный к большому дикому камню беломраморный памятник. На бронзовой пластине, позеленевшей от времени, надпись: «Британским офицерам и матросам, павшим при Наварине 20 октября 1827 года. Благодарная Греция». И ниже — названия 12 кораблей английской эскадры адмирала Кодрингтона.

Редко кто посещает эти три наваринских памятника — до островов добраться непросто и уж, во всяком случае, недешево, если нанять лодку в Пилосе. Но зато четвертый памятник, связанный с Наварином, находится в самом центре города, на площади того же названия. Это памятник трем адмиралам, он стоит в окружении старинных якорей и бронзовых корабельных пушек. На каждой из трех граней беломраморного обелиска — барельеф английского, французского и русского адмирала. Надписи предельно кратки: Кодрингтон, Дериньи, Гейден. И под каждой: «Благодарная Греция. 1827–1927».

Последний — контр-адмирал Логин Петрович Гейден (1772–1850), голландец по происхождению, командовавший эскадрой кораблей Балтийского флота, направленной в Ионическое море. В Наваринском сражении участвовало восемь русских кораблей: линейные корабли «Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский»; фрегаты «Проворный», «Константин», «Елена», «Кастор»; девятый корабль эскадры — корвет «Гремящий» — был отряжен для крейсирования при входе в бухту.

Место, где установлен памятник, — небольшая площадь на главном городском бульваре, начинающемся неподалеку от набережной. Достопримечательность бульвара — столетний платан, имеющий даже свое имя: «Платан Ликудиса» — в честь майора, посадившего дерево и ухаживавшего за ним. Воистину человек, посадивший дерево, не зря жил на свете! И днем, и особенно вечером, вплоть до глубокой ночи, под платаном много народа. Здесь стоят столики ресторана, находящегося неподалеку. Теплым летним вечером в ветвях платана, заботливо укрепленных тросами, загораются лампочки. Подсвечивается и памятник трем адмиралам, освещаются витрины, загораются вывески. Такое впечатление, что здесь собрался весь город. Здесь же играют дети, катаются на велосипедах вокруг мраморных адмиралов, весело едят мороженое, пока их родители спокойно сидят за столиками. И даже подростки, модно одетые и стриженные «под панков», собравшись группами, спокойно разговаривают между собой, не мешая окружающим. Сидишь за столиком с чашкой «греческого» кофе, принесенного симпатичным молодым официантом Василием, смотришь на все окружающее и боишься лишь того, что сейчас проснешься...

Мы покидали гостеприимный Пилос июльским вечером. Тепло вспоминали прием, устроенный экипажу «Витязя» мэром Иоанносом Вреттакосом, организованную для нас поездку в древнюю Олимпию, встречи с жителями Пилоса на борту нашего судна. Нам оставалась работа на последнем полигоне, после чего нас ждал Пирей — «корабельщик старых Афин», как когда-то его назвал Гумилев. Там мы

должны были попрощаться с греческими участниками экспедиции и следовать на Родину, в порт приписки «Витязя» — Новороссийск.

А пока на ярко освещенной набережной Пилоса стоят люди, машут нам руками, мы отвечаем им, с грустью глядя на место, такое далекое от России и в то же время столь близкое ей памяти Наваринского сражения. «Сражение хотя и продолжалось около четырех часов, с величайшим упорством со стороны турок, — докладывал адмирал Гейден Императору Николаю I, — но при всем том кончилось совершенным истреблением всех... неприятельских кораблей, фрегатов, корветов и проч., потоплением и, большею частью, сожжением и, наконец, взрывом на воздух»... Наваринский дым с пламенем. Русская воинская доблесть. Достояние нашей истории.

Пилос

P.S. Совсем недавно на средства Морского историко-культурного общества «Петрофлот» была изготовлена памятная доска с найденными в Центральном государственном архиве ВМФ именами русских моряков, погибших в Наваринском сражении. 24 октября 1992 года она была освящена в церкви Казанской Божьей Матери в Коломенском и передана посольству Греции для установки в Пилосе.

Галлиполи¹

Когда в прежние годы случалось проходить Дарданелльским проливом, выходя в Средиземное море или возвращаясь в Черное, я всегда старался держаться у борта судна, чтобы разглядеть маленький турецкий порт Гелиболу, который в недалеком прошлом назывался по-гречески Галлиполи.

В бинокль были хорошо видны внутренняя бухта, заставленная рыбацкими суденышками, набережная и одинокая старая башня над городскими домами. Помните, у Маяковского...

К туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли завтрашние галлиполийцы,
плыли вчерашние русские.

¹ Впервые опубликовано: Вокруг света. 1995. № 11. С. 20–23.

Памятник в Галлиполи. Фотография 1921 г.

В школьные годы мы не знали, кто такие галлиполийцы и почему они — «завтрашние». Лишь по предыдущим строкам догадывались, что речь идет о тех, кто вместе с Врангелем ушел из России. В ту пору на уроках истории рассказу о конце русской армии на чужбине места не было. Только потом пришлось узнать о русском лагере близ Галлиполи — из эмигрантской литературы. А весной 1994 года в Париже мне довелось услышать воспоминания об этом из уст Веры Александровны Звегинцевой, дочери начальника военных сообщений в армии генерала П.Н. Врангеля. И так хотелось самому добраться до этих мест, трагически вписанных в открывшуюся наконец историю Отечества — не раскрашенную в только два цвета.

Поехать в Турцию сейчас не труднее, чем в любой город России. Небольшая сумма в твердой валюте, заграничный паспорт — и вы садитесь в автобус турецкой компании, идущий от московского автовокзала у метро «Щелковская» прямо в Стамбул. Проведя в автобусе три дня и три ночи, вы наконец попадаете в Стамбул. И ваши страдания от долгой дороги, перенесенные унижения на таможнях, главным образом на украинской, быстро забываются в этом единственном в своем роде городе, лежащем одновременно на двух материках: Европе и Азии.

Здесь на каждом шагу вас встречает история. И некогда православная святыня Айя-София, где сохранились прекрасные мозаики, со

столь привычными русскому человеку лицами святых, и мусульманская святыня — мечеть Султана Ахмета, или Голубая, внутри которой, стоя босиком на огромном ковре, устилающем пол, вы чувствуете себя парящим в голубом пространстве. И колонна византийского императора Константина, и греческая скульптура в Археологическом музее, и саркофаг Александра Македонского... И ко всему этому — экзотика Востока, бухта Золотой Рог, Босфор...

Хорошо смотреть на все это, имея в кармане обратный билет... Этого были — навсегда! — лишены «завтрашние галлиполийцы», пять дней проводившие на пароходах в бухте Золотой Рог. А в это время союзники, решая, что же делать дальше с русскими изгнанниками, сгружали с пароходов армейское имущество: оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. И с голодным пайком, в выношенной одежде отправили русских дальше — «к туркам в дыру», в маленький турецкий городок Галлиполи, разрушенный недавней войной. И здесь, в «Дарданеллах узких», 22 ноября 1920 года под не прекращающимся осенним дождем первая партия русских людей, деморализованных поражением, голодных, измученных долгим переходом по морю в более чем тяжелых условиях, была высажена на берег.

Для размещения «вчерашних русских» французское оккупационное командование отвело место бывшего английского военного лагеря, располагавшегося в шести километрах от Галлиполи в долине речки Бюек-дере. Прошлые обитатели лагеря назвали это место «Долиной роз и смерти» — за непроходимые заросли шиповника и обилие змей, от укусов которых умирали английские солдаты. Голая долина выглядела так, что приехавший осмотреть отведенное для русского лагеря место генерал Кутепов с не свойственной ему растерянностью спросил сопровождавшего французского офицера: «И это все?» — «Все, господин генерал», — последовал ответ.

Через три дня долина по обоим берегам речки покрылась белыми палатками... Тяжелее всего пришлось семьям офицеров. Часть из них поселилась в вырытых неподалеку от лагеря землянках. Другая часть предпочла обосноваться в городе — в брошенных домах, приспособленных под общежития. В каждой комнате такого «общежития» ютилось по несколько семей. К уцелевшим стенам разрушенных домов пристраивались недостающие, из колючей проволоки, в огромном количестве оставшейся со времен войны, делалась «обрешетка» крыши. Потом все замазывалось глиной — и вешалась табличка с названием «дачи»: «Тоска по Родине», «Надежда», «Одиночество» и т.п. Самая оригинальная — дача «Мечта» — была сооружена в заброшенном водоеме старого турецкого кладбища. Освещалось жилище коптилкой на кокосовом масле, которое люди отрывали от своего скудного пайка.

Пищу готовили в хорошую погоду — на улице на костре, в плохую — дома на мангалах.

С наступлением теплых дней лачуги преобразились: стены были аккуратно побелены, украшены орнаментом, пейзажами и видами далекой Родины. Были сложены печи, невесть откуда появилась мебель. Жизнь продолжалась даже в этих тяжелых условиях.

Командир 1-го армейского корпуса Русской армии, в который были сведены все русские части, высаженные в Галлиполи, генерал от инфантерии, боевой офицер Александр Павлович Кутепов понимал, что нужны жесткие меры, чтобы полуголодная армия, заброшенная в забытый Богом турецкий городок, не превратилась в людской сброд. А было в Галлиполи сосредоточено около 30 тысяч вооруженных людей. И генерал неукоснительно потребовал соблюдения воинской дисциплины, рискуя стать совершенно непопулярным. Нарушителей ждала гауптвахта, устроенная в старинной сторожевой башне на набережной, где, по преданию, турки содержали еще пленных запорожских казаков.

Постепенно жизнь в лагере вошла в нормальную армейскую колею. Заработали военные училища и школы, эвакуированные из Крыма. Начались войсковые учения. Как когда-то в России, в каждом полку появились офицерские собрания, для которых отводились самые большие палатки. В лагере было несколько сотен детей школьного возраста — для их учебы в одной из палаток открыли четыре класса гимназии. После первых двух труднейших месяцев учебные занятия стали нормальной школьной работой, и в лагере, как в каком-нибудь русском городе, звенели голоса учеников местной «Галлиполийской» гимназии.

В феврале 1921 года русские общественные организации прислали из Константинополя на устройство библиотеки 800 собранных книг. А в марте была открыта библиотека. Была организована «Устная газета». Появился и первый журнал с ироническим названием «Эшафот». Он печатался по ночам, когда были свободны пишущие машинки корпусной канцелярии.

А к Пасхе 1921 года уже работала корпусная труппа, ставившая спектакли в городском театре. В лагере, в специально построенном летнем театре, играла труппа лагерного сбора.

В общем, русские в Галлиполи жили по всем традициям прежней военной и гражданской жизни России, страдая от разлуки с ней и не забывая ее. Летом 1921 года, узнав о голоде в России, галлиполийцы один свой дневной паек передали через международные организации в помощь голодающим.

Суровая жизнь в Галлиполи сроднила русских людей, и они, разъезжаясь по разным странам, захотели оставить память об этом време-

ни, кратком, но так много в себя вместившем. Так возникло Общество галлиполийцев, существовавшее до начала 40-х годов, и был учрежден памятный нагрудный знак в виде черного креста — один из самых почетных в среде русской военной эмиграции...

Расстояние от Стамбула до Гелиболу более двухсот километров, и преодолеть его можно либо рейсовым автобусом, либо купив двухдневный тур. Но в обоих случаях режим пребывания оказался бы очень «зажатым» временем и экскурсионной программой, далекой от посещения русских мест в Галлиполи. И мы «выбрали свободу» — арендованный по случаю автомобиль. И с раннего утра второго дня пребывания в Стамбуле (из трех неполных) отправились в путь, руководствуясь немецким автомобильным атласом Европы.

Более ста километров мы ехали по автостраде, а у курортного городка Текирдаг свернули налево. Бензин дорог, а гипотенуза короче суммы двух катетов — и мы решили двигаться по берегу Мраморного моря, хотя и по менее комфортабельной дороге. Доехав до маленького городка Барбарос, поняли, куда попали. Дальше вместо дороги шел просто карниз, срытый бульдозером, правда, довольно широкий и засыпанный щебнем. Море хотя и виднелось слева, но далеко отодвинулось, отделенное крутым горным обрывом, по которому, собственно, и продолжалось наше движение. Вокруг — леса да крохотные поля, разбитые на горных уступах. Ни встречных машин, ни обгоняющих. Невольно закрадывалось сомнение: туда ли мы едем?

Наконец где-то внизу показались красные черепичные крыши и возвышающийся над ними минарет. Деревня. Останавливаемся. Нас окружают люди на осликах и лошадях. Здравуемся. Объясняем, что едем в Гелиболу. Оказывается, едем правильно. Вскоре спускаемся к морю и делаем долгожданный привал на берегу, в живописнейшей деревне Учма-Дере — с кофейней и пивной, галечным пляжем и длинным строем огромных платанов. Никогда не приходилось видеть такого сочетания! К нам обращаются загорелые молодые люди: выясняется, что это — румынские студенты, уже не первый год отдыхающие здесь самостоятельным лагерем. После привала ехать стало веселее, мы снова вышли на шоссе (обратно поедем уже только по нему!) и ближе к полудню наконец приехали в Гелиболу.

Поплутав по улицам, ориентируясь по морю, выбираемся в конце концов к внутренней бухте, уже не раз виденной мною в бинокль с борта судна. Она по-прежнему забита рыбацкими суденышками. А вот и сторожевая башня, сложенная из больших тронутых временем каменных блоков. Вокруг шумит фруктовый базар. На входе в башню табличка: «Музей Гелиболу». Входим в каменную прохладу. Так вот где коротали время галлиполийцы, оказавшиеся на кутеповской «губе»!

Той самой, что оставила яркий след в галлиполийском фольклоре. Чего стоила, например, «официальная» печать «губы», изготовленная сохранившим инкогнито умельцем: тощая двухголовая птица, у которой одна голова — Кутепов, другая — комендант гарнизона Штейфон. В каждой лапе птицы зажато по маленькому офицеру, болтающему руками и ногами. Печатью «утверждались», между прочим, и результаты «выборов» командира корпуса, в которых, несмотря на «убийственную критику», при тайном голосовании неизменно побеждал Кутепов. Да, счастливы те, кто обладает чувством юмора, которое способно поддержать человека в самых трудных ситуациях!

Подходим к кассе, покупаем билеты и заодно — путеводитель по Гелиболу. В музее самое большое место занимает Дарданелльская операция 1915–1916 годов. Фотографии, оружие, предметы быта, форма турецких, английских, французских, австралийских, новозеландских солдат. Большие фотографии мемориальных кладбищ с памятниками, где бок о бок лежат недавние враги. И ни слова о том, что в этой операции участвовал русский крейсер «Аскольд», а в Галлиполи год стояла русская армия и осталось русское военное кладбище.

Мы предусмотрительно запаслись в Стамбуле листом бумаги, на котором просили написать по-турецки, что мы ищем русское военное кладбище и место русского военного лагеря у речки Беюк-Дере. Служители музея, ни слова не говорящие «на иностранном языке», глядя на бумажку, только разводят руками. Я показываю пальцем на слова «русское военное кладбище» и делаю жест, который должен означать вопрос «где это?». И опять — разводят руками. Видя нашу растерянность, один из зрителей музея удаляется и приводит человека, говорящего по-немецки. Наконец-то можно пообщаться с жителем Гелиболу! Господин Халис Озал представился как местный бизнесмен, торгующий парфюмерией. Он рассказал, что русского военного кладбища давно не существует, оно срыто, и там теперь поле. Но он может показать место, где оно было. Мы предлагаем ему сесть в нашу машину, но он отказывается и предлагает ехать на своей. На переднее сиденье подсаживается моложавый полицейский, и оба турка начинают оживленный разговор, нам совершенно непонятный.

Выезжаем на окраину города, едем еще дальше, натываемся на стадо овец, и после разговора с пастухом наш водитель говорит, что с этой стороны проехать нельзя, нужно вернуться и заехать с другой. В пути, более продолжительном, чем ожидалось, выясняем, что полицейский еще помнит русское кладбище. Это переводит нам господин Озал. Мы сворачиваем с дороги и останавливаемся на краю сжатого поля. Золотое жнивье пшеницы, но непривычно высокая стерня. Здесь и было Большое русское военное кладбище, созданное стараниями

того же генерала Кутепова; в 1921 году был открыт Галлиполийский памятник, позже разрушенный землетрясением. Сейчас на поле — ничего, кроме старых бетонных плит, поставленных вертикально и образующих подобие большого корыта. Возле плит выросло ореховое дерево. Ближе к дороге стоят развалины какого-то двухэтажного строения, заросшего виноградом. Видно, что виноград когда-то заплетал открытую веранду на втором этаже. Тут же растет огромная алыча, крупные желтые плоды которой буквально ковром устилают землю. Вдалеке видны кварталы Гелиболу и блестят полоской воды Дарданеллы...

Уже вернувшись в Москву, я разыскал в воспоминаниях галлиполийцев, что, посетив в 1965 году дорогие для них места, кладбища они не увидели. Среди обработанных полей оставался нетронутый участок, заросший травой, на котором крестьяне устроили водоем, чтобы поить скот. В воспоминаниях удалось также найти ответ турецких властей парижскому журналу «Часовой». В ответе, которого безуспешно добивался журнал русской военной эмиграции и получил только благодаря вмешательству почетного члена Общества галлиполийцев бельгийского полковника де Роовера, сообщалось, что русские могилы перенесены на другие кладбища. Но господин Озал ничего не говорил нам о том, что русские могилы находятся в другом месте. Зато он точно знал, где похоронен один русский, и повез нас туда.

Мы приехали к прекрасно содержащемуся мемориалу английских и французских солдат и офицеров, погибших во время Восточной (более известной нам как Крымской) войны 1854–1856 годов. Видимо, на территории России погибших хоронить не стали, а до Родины довести не смогли. Со временем мемориал вошел в черту города. Мне объяснили, что за могилами и памятниками ухаживает турецкий сторож и его семья, а платят ему англичане и французы. А ведь до конца 30-х годов точно так было и на русском военном кладбище! Сохранилось даже имя сторожа — Исмаил Исан и упоминание о его доме неподалеку от входа (теперешние развалины под высокой алычой, заросшие виноградом). И платило ему за работу Общество галлиполийцев, образованное в 1921 году и с 1924 года находившееся в Париже.

Господин Озал подвел нас к одной из больших серых плит: «Здесь лежит русский!» Начало надписи по-французски: сын генерала Федорова и дальше по-русски, и так трогательно, по-домашнему — «Шурик Федоров, 1912–1920». Восьмилетний мальчик, умерший, вероятно, одним из первых. Союзники снизошли к просьбе русского генерала, потерявшего малолетнего сына... Так Шурик Федоров и остался для нас единственным из 342 русских, нашедших упокоение в земле Галлиполи.

День начал клониться к вечеру, мы распрощались с нашим турецким провожатым и заторопились к последнему намеченному «объекту» — месту русского военного лагеря. Мы без труда нашли его по плану, сделанному топографами-галлиполийцами в 1921 году и помещенному в одном из сборников воспоминаний. По шоссе, к западу от окраины города до места оказалось 7 километров.

И вот перед нами «Долина роз и смерти» с пересохшей летом речкой Беюк-Дере. Ее каменное русло уходит к подножию гор, за которыми вот-вот скроется солнце. Сейчас голой долину уже не назовешь. По обоим берегам реки — густые заросли ив, растущих, вероятно, благодаря весенним запасам воды. Кругом — возделанные поля кукурузы и подсолнечника, ухоженные виноградники. Змей, досаждавших англичанам, мы, к счастью, не видели, а вот заросли шиповника встречаются часто. Работают небольшие юркие трактора, снуют грузчики. Кипит новая жизнь, и ничто уже не напоминает о строе военных палаток, о выложенных галькой на линейке галлиполийского лагеря словах: «Помни, что ты принадлежишь России».

Летом 1921 года части русской армии, закончив «Галлиполийское сидение», начали покидать лагерь. Их путь лежал в Сербию и Болгарию. Они уходили с оружием, которое отказались сдать французским властям, так и не решившись взять его силой. Уходили, отдавая почести приютившему их городу. Жители Галлиполи поднесли А.П. Кутепову адрес, а французский комендант, расчувствовавшись, сказал Александру Павловичу, что его уважение к русским неизмеримо возросло. Русские части уходили, выполнив завет воинского устава «стойко переносить тяготы и лишения службы». Уходили в неизвестную жизнь, как уходили русские военные в чеховских «Трех сестрах»: бодро, стройными рядами, с оркестром. «Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О Боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь».

С дождливого ноябрьского дня 1920 года, когда первые русские сошли на пристань в Галлиполи, прошло 75 лет. Многое произошло за эти годы. И хотя покой на родной земле все никак не наступает, приближая его, следовало бы в знак примирения, обретения памяти восстановить Галлиполийский памятник — часть нашей истории, символ преодоленных страданий и верности России.

Стамбул — Гелиболу

Гонорар за этот очерк автор просит перечислить на восстановление Галлиполийского памятника.

Тихоокеанский Севастополь¹

Поездка в Порт-Артур накануне столетия обороны

У этого города и впрямь много общего с Севастополем: расположение по берегам бухт, глубоко врезающихся в морской берег, роль главной базы русского флота на Тихом океане, оборона, очень похожая на севастопольскую, со своим Малаховым курганом — Высокой горой, активной ролью флота и моряков в обороне крепости и гибелью командующего эскадрой вице-адмирала Макарова, в которого так верили защитники Порт-Артура... С Севастополем Порт-Артур роднит и его судьба: оставление неприятелю после героической обороны, и впоследствии победное в него возвращение, и наконец отказ в пользу нового государства, появившегося на карте мира...

Об обороне Порт-Артура написано так много, что, кажется, знаешь каждый ее эпизод и представляешь, как все происходило. Приближающееся 100-летие этого памятного события русской военной истории мы отметим, стараясь объективно оценить то, что происходило за время его одиннадцатимесячной обороны. Наш же рассказ о другом — о поездке в Порт-Артур, нынешний Люйшунь, которая оставалась недостижимой мечтой в течение всего времени, пока он был закрыт для граждан России.

В прошлом [2002] году в наших центральных газетах появились заметки о том, что Люйшунь с апреля 2001 года открыт для посещения россиянами. В марте 2002 года это подтвердили сотрудники китайского стенда на ежегодной туристической выставке в московском Экспоцентре, сообщив, что ограничения на посещение Люйшуня сняты за исключением проживания в нем. Предлагалось остановиться в Даляне — бывшем русском городе Дальнем и уже оттуда совершить поездку в Порт-Артур. После таких обнадеживающих новостей и возникло желание воспользоваться открывшейся возможностью и съездить в Порт-Артур, чтобы увидеть его своими глазами и прикоснуться к истории его обороны в 1904–1905 годах, имевшей победное продолжение в 1945 году. В июне прошлого года автору удалось совершить такую поездку в качестве корреспондента московской газеты «Российские вести».

Железная дорога, построенная русскими от Дальнего до Порт-Артура, существует и поныне, однако пассажирских перевозок не делает. В Порт-Артур едут автомашиной по одной из двух дорог: более живописной южной — Наньдао или более короткой северной —

¹ Впервые опубликовано: Морской сборник. 2003. № 9. С. 71–75.

Корабли 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. 1904

Бейдао. По первой из них 21 июня 2002 года мы ехали на машине даляньского отделения Общества китайско-российской дружбы, сопровождаемые сяоджи — девушкой, — на русский манер называвшей себя Любой.

Около часа пути по благоустроенному и на ряде участков платному шоссе — и впереди открылся город, расположившийся по берегам бухт Желтого моря. В старый город мы, однако, не поехали, через его современные окраины держа путь на первый объект плановой экскурсии — гору Высокую, именуемую еще «высотой 203». Остановились на площадке для стоянки автомобилей, где уже стояло несколько автобусов с китайскими экскурсантами.

У подножия горы расположилась живописная группа представителей древней профессии носильщиков рядом со своими орудиями труда — паланкинами. Люба перевела нам их крики: за сто юаней (восемь юаней эквивалентны американскому доллару) они предлагали внести туриста на вершину горы и вернуть на место. Мы, однако, не видели, чтобы кто-то воспользовался их услугами, тем более что подъем некрутой и идти приходится сосновым лесом, спасающим от жары. Кстати, деревья на горе были посажены советскими жителями Порт-Артура в 1945 году.

Высота 203 с северо-запада господствует над Порт-Артуром. С нее открывается отличный вид на старый город, Восточную и Западную бухты, знаменитый «Тигровый хвост» Тигрового же полуострова, Золотую гору и узкий выход в Желтое море. Мысленно сразу видишь русские корабли, стоящие на внутреннем рейде Порт-Артура или выходящие на внешний рейд в Желтое море. И зримо ощущаешь, что значила эта высота и для защитников Порт-Артура, и для осаждавших его японцев. Несмотря на героическую оборону горы русскими войсками, ценой огромных потерь японцам лишь 5 декабря 1904 года удалось овладеть Высокой, потеряв при ее многочисленных штурмах

свыше 7,5 тысячи человек. В этот же день японская осадная артиллерия начала обстрел стоящих в бухтах русских кораблей с корректировкой огня с горы Высокой, позволявшей непосредственно наблюдать падение снарядов на всем пространстве порт-артурской гавани. После взятия Высокой участь Порт-Артура была решена...

На одной из двух вершин горы стоит памятник в виде гигантского ружейного патрона на двухъярусном гранитном основании. Японцы, установившие памятник, иероглифами на гильзе «патрона» сообщили, что он установлен в воздаяние геройства павших здесь японских и русских воинов. Кроме того, сказано, что на этом месте, где противник оказал особенно упорное сопротивление, при штурме погиб «сын японского генерала». Хотя имя генерала не названо, наверное, это — генерал Ноги, армия которого взяла Порт-Артур и который потерял при этом двух своих сыновей. Поначалу с некоторым удивлением на медной «гильзе» видишь русские надписи, среди которых хорошо прочитываются: Сидоров, Шилкин И.И., Москва, Цесарский В.Ф. А потом понимаешь, что их оставили советские воины, освободившие Порт-Артур 28 августа 1945 года. Возможно, что для некоторых из них это были уже вторые подписи после сделанных на Рейхстаге.

Ниже площадки с памятником расположились многочисленные ларьки с сувенирами. Бросается в глаза обилие «гостей из России» — матрешек, простодушно глядящих на китайских экскурсантов — отдыхающих даляньских санаториев, группами фотографирующихся на фоне памятника. Все желающие за отдельную плату могут сфотографироваться на ржавой зенитной установке советского образца, а для большего колорита сделать это в фуражке и белом кителе капитана 3-го ранга китайского военно-морского флота.

Спустившись к ожидавшей нас машине, мы увидели неподалеку от нее другую машину, с водителем которой наша сяоджи Люба о чем-то долго говорила. «Это — милиционер, который будет нас охранять», — сказала она. После этого, следуя за автомобилем нашего охранника, мы поехали на второй объект нашей экскурсии — северо-восточные укрепления порт-артурской обороны.

Люба сообщила, что высказанное нами желание посетить порт-артурское кладбище выполнимо и по дороге мы заедем на Люйшуньское кладбище погибших советских воинов, на котором похоронены также русские воины, погибшие при обороне Порт-Артура в 1904–1905 годах, и те, кто скончался, служа или живя в Порт-Артуре в 1945–1955 годах. Посещение кладбища не входило в план экскурсии, но, помимо просто дани памяти нашим соотечественникам, у нас была конкретная просьба от Общества российско-китайской дружбы.

В него обратились двое россиян: бывший штурман морской авиации Тихоокеанского флота подполковник Б. Горемыкин, участник освобождения Порт-Артура, ныне живущий в Калужской области, просил узнать, сохранилась ли могила его малолетнего сына, умершего в 1947 году. Москвичка Л. Зимина просила сделать фотографию могилы Игоря Троицкого, ее жениха, старшего лейтенанта, летчика, погибшего в небе над Кореей в феврале 1952 года.

И вот мы подъезжаем к большой площади, на которой установлен монумент в память погибших советских воинов. Раньше он стоял на площади Сталина в Дальнем, где был открыт в начале 1953 года, а в 1958 году был перенесен в Льюшунь. Площадь перед монументом обнесена чугунной оградой, и здесь же находится пропускной пункт. Мы с удивлением и огорчением узнаем, что нам, как иностранцам, за вход на кладбище следует уплатить десять юаней, пять — за стоянку автомашины и пятьдесят — если мы захотим что-то сфотографировать. Это правило распространяется на всех иностранцев, к которым причислены и граждане России, приехавшие, чтобы поклониться могилам своих соотечественников, отдавших жизнь «за освобождение китайского народа от японской оккупации», как написано на кладбищенском мемориале, именуемом «советско-китайской пагодой».

Минуем площадь с монументом и проходим в ворота кладбища. Сразу за воротами по обе стороны расположились ларьки с сувенирами, китайской едой, напитками, из которых нам усиленно предлагают русскую водку «Снежная» и «Уссурийский бальзам». Идем по центральной аллее, слева от которой похоронены советские люди, справа — русские из того далекого, русского периода Порт-Артура 1898–1905 годов.

Советская часть кладбища выглядит вполне прилично, хотя памятники пришли в ветхость. Видно, что их никто не подновляет и, за редчайшим исключением, никто не посещает. Особенность этой части кладбища в том, что она как ковром заросла цветами-самосевом, да разросшиеся кипарисы зачастую не дают возможности подойти к могиле. На большом «детском» участке мы нашли могилу Вити Горемыкина, родившегося в 1946 году и умершего в следующем. Позже мы узнали, что высокая детская смертность была вызвана неблагоприятным климатом и распространенным здесь энцефалитом.

Могила старшего лейтенанта Игоря Ильича Троицкого стоит в ряду таких же мраморныхobelisks с изображением легендарного МИГа и, как водится, под порывевшей от времени красной звездой. Отчего — и за что погибли эти молодые советские офицеры, на обелиске не указано. «От боевых друзей» — одинаковая для всех, до-

зволненная тогда надпись. И только год гибели — 1952 — выдает, что это — советские летчики, погибшие на корейской войне...

Справа от главной аллеи — старое порт-артурское кладбище. Здесь давно не ступала нога человека, уцелевшие кресты еле видны из-за высокой травы, и деревья здесь как на старом русском кладбище... Вскоре после падения крепости японцы собрали все русские военные захоронения и перенесли их на порт-артурское кладбище. На офицерских могилах, часто безымянных («Подполковник 13-го Восточно-Сибирского полка N»), часто — братских («28-й Восточно-Сибирский полк. 28 прахов»), установили белые каменные кресты. Над солдатскими останками поставили чугунные кресты, отлитые по образцу православных крестов-трилистников. Кроме того, японцами была сооружена часовня, на мраморной колонне которой по-русски было высечено: «Здесь покоятся бранные останки доблестных героев, павших при защите крепости Порт-Артур». И на отдельной плите у основания колонны: «Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году». А в 1908 году русское кладбище было торжественно открыто. Японскую сторону представлял генерал Маросуке Ноги, командовавший 3-й сухопутной армией под Порт-Артуром, который написал стихотворную поэму, посвященную войне, назвав ее «трагедией, которой не происходило на земле с тех пор, как появились боги». От русских на церемонии открытия были генерал Гернгросс и адмиралы Чичагов и Матусевич. Павшим русским были отданы воинские почести, и над их могилами склонилось японское боевое знамя...

В глубине «русской» части кладбища помимо часовни сохранился огромный православный крест с надписью: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество». И чуть ниже известные слова из Евангелия от Иоанна: «Больше сея любви никто не имеет, да кто душу свою положит за други своя». На обратной стороне креста перечислены морские и сухопутные части, защищавшие Порт-Артур. Крест изготовлен русскими мастерами и установлен на кладбище в 1912 году. Трогательная подробность: в 1946 году возле этого креста была похоронена бывшая сестра милосердия Е.И. Едренева, приехавшая в Порт-Артур незадолго до войны воспитательницей детей кого-то из офицеров и ставшая медсестрой при его обороне. Она жила в Дальнем, когда он был освобожден советскими войсками. Несмотря на то что Евгения Ильинична считалась русской эмигранткой, ее похоронили с воинскими почестями как последнюю защитницу Порт-Артура, скончавшуюся на восьмидесятом году жизни.

Покидая русское кладбище, подумалось, что хорошо бы привести его в порядок и к тому же составить полный мартиролог наших со-

отечественников, упокоившихся на этом далеком от Родины участке китайской земли...²

А впереди нас ждал второй объект экскурсии — крепостные сооружения северо-восточного участка обороны и машина нашего охранника, с которым сопровождающая нас Люба снова долго говорила. После этого мы спустились к небольшому музею порт-артурской обороны. Самое интересное в нем, пожалуй, — макет театра военных действий, какой обычно делается для генералитета при подготовке операции. Искусно выполненный макет дает возможность охватить всю панораму обороны Порт-Артура.

Выйдя из музея, проходим мимо привычных рядов с сувенирами. Здесь за небольшую плату вам предлагается особый чан, при интенсивном натирании бронзовых ручек которого из налитой в него воды начинают бить фонтанчики, а сам чан — мелодично звучать. Спускаемся к крепостным сооружениям. Мощные форты со следами страшных разрушений, огромный высохший колодец, из которого когда-то брали воду защитники Порт-Артура. И, как повсюду, — японские памятники: «Отсюда нас особенно сильно обстреливал противник», «На этом месте погиб русский генерал-майор Кондратенко».

Душа порт-артурской обороны генерал-майор Роман Исидорович Кондратенко погиб на форте № 2 от попадания 11-дюймового японского снаряда 15 декабря 1904 года, когда дни осажденной крепости были сочтены. 18 декабря японцам удалось вывести из строя последний действующий эскадренный броненосец «Севастополь». 28 декабря русские оставили форт № 3, а 1 января 1905 года японцы заняли гору Большое Орлиное Гнездо — последний опорный пункт крепости. В ночь на 2 января боеспособные миноносцы и катера предприняли попытку прорваться в нейтральные китайские порты. Шести миноносцам и четырем катерам это удалось, причем на эскадренном миноносце «Статный» под командованием лейтенанта Косинского (после революции офицер остался в России и преподавал в Морской академии Рабоче-крестьянского Красного флота, был репрессирован и погиб в лагере в 1930-х годах) в порт Чифу были вывезены знамена порт-артурских полков и Квантунского флотского экипажа, а также секретные документы морского и сухопутных штабов. В ночь на 2 января были подорваны все затопленные во внутренней гавани корабли, взорваны портовые артиллерийские и минные склады, на внешнем рейде затоплен броненосец «Севастополь», в проходе на внешний рейд — два крейсера и несколько судов. Днем 2 января комендант

² В 2011 г. вышла в свет работа А. Ковалева «Порт-Артур — воинский мемориал России. Книга Памяти» (М.: ИД «Форум», 2011).

Порт-Артура генерал Стессель подписал акт о сдаче крепости японскому командованию. Японцы во избежание эксцессов, бывших при взятии Порт-Артура у китайцев в 1894 г., три дня не входили в город...

Невзрачная китайская фанза, в которой был подписан акт о сдаче, является третьим плановым объектом экскурсии по Люйшуню. Туда мы и поехали с фортов следом за машиной нашего охранника. В дни обороны в этой фанзе с двумя большими комнатами располагалась какая-то морская команда. В одной из комнат сохранился длинный стол, за которым сидели представители русского и японского командования. Японцы и из этого стола сделали памятник, написав на нем о своей победе. В другой комнате по стенам развешены копии многочисленных фотографий, сделанных русскими и японцами во время войны, в том числе копия той, на которой русские и японцы сняты сразу после подписания акта. Судя по старым открыткам, во дворе стояло несколько японских монументов, которых теперь уже нет.

Самый значительный памятник своей победе японцы установили на Перепелиной горе, называемой китайцами Байю-Шань — Гора Белого Нефрита. Огромная колонна видна отовсюду, даже с окраин города. Но подняться к ней нам как иностранцам не разрешается, как, впрочем, не разрешается и выйти из машины: «Люйшунь — военный объект». Мне было разрешено издалека, сидя в машине, сделать снимок этого памятника.

На этом наша поездка в некогда русский Порт-Артур заканчивается. Нам хотелось увидеть, как сейчас выглядит город, прочно вошедший в русскую историю, и какие ее следы сохранились в китайском Люйшуне. Первого нам сделать так и не удалось, а о втором мы рассказали, придерживаясь старинного правила русских моряков, которому они следовали при записях в вахтенный журнал: «Что наблюдаем, о том пишем».

И в заключение — специально для тех, кто хочет съездить в Люйшунь. Все сказанное о его открытии нужно понимать лишь как дипломатическую формулу, согласно которой если раньше гражданам России ни под каким видом не разрешалось посещение Люйшуна, то теперь оказавшемуся в Даляне русскому по пропуску, в сопровождении китайских представителей можно совершить плановую — и платную — экскурсию по местам обороны Порт-Артура и посетить русское кладбище. Попытки выяснить установленный китайской стороной порядок получения пропусков успехом не увенчались. Можно лишь сослаться на личный опыт — нам пропуск оформило даляньское отделение Общества китайско-российской дружбы, которое оценило поездку в 1340 юаней. Впрочем, она того стоила.

«История требует серьезного отношения»

Из переписки В.В. Лобыцына

1. В редакцию «Литературной газеты»

[Апрель?] 1986

Уважаемые товарищи!

Недавно газета «Советская Россия» (№ 84, 6 апреля 1986) опубликовала «историческую новеллу» Валентина Пикуля «Приговорен всего лишь к расстрелу...»¹, в которой рассказывается о жизни Н.С. Кашкина, осужденного по делу петрашевцев. Ни одно из многочисленных писаний В. Пикуля не обходится без «исторических открытий», причем всегда — вполне определенного толка. И в этой публикации он остался верен своему методу, сообщив изумленным читателям, что Л.Н. Толстой... вступился за помещика, устроившего с помощью губернатора и войск поголовную порку крестьян. Стыдно даже повторять этот «момент» из публикации популярного автора, но и пройти мимо него нельзя.

Вот как выглядит в изложении Пикуля этот рассказ, автором которого является некий «столичный журналист А.С. Панкратов», якобы слышавший его от Н.С. Кашкина.

«На Орловщине жил мой родственник Пуцин, сын декабриста (надо полагать что речь идет о Я.И. Пущине, старшем сыне Ивана Ивановича Пущина, поскольку у его брата Михаила Ивановича детей не было, а оба брата Пущина были декабристами. — *Авт.*). Так вот, он повздорил с крестьянами, вызвал войска с губернатором Неклюдовым, а Неклюдов и давай всех подряд сечь. Я написал Пущину, что сыновья декабристов обязаны просвещать людей, а не пороть их нагайками. Копию с этого письма я переслал в Ясную Поляну, а Толстой вступился за Пущина...»

Оценить по существу это биографическое «открытие» В. Пикуля, с легкостью необыкновенной преподнесенное им широкому кругу читателей, помогают, как ни странно, словари В.И. Даля и С.И. Ожегова. В них дается точное название подобного рода «пересказам, наговорам,

¹ *Пикуль В.* Приговорен всего лишь к расстрелу... // Советская Россия. 1986. 6 апр. № 84 (9035). С. 4.

смуткам, переносу вестей из дому в дом, с пересудами, толками, прибавками», «слухам о ком-чем-нибудь, основанным на неточных или заведомо неверных сведениях». И называется это по-русски сплетнями. И Пикуль именно сплетничает, когда говорит, что Панкратов передал, что Кашкин сказал, что Толстой...!!! И где только у «историческо-го новеллиста» совесть!

Следует также заявить, что не соответствует действительности фраза из составленной Пикулем эффектной концовки очерка о Н.С. Кашкине: «Я буду рад, если моему читателю понравится этот человек, который был только титулярный советник» (Как тут не вспомнить известную строчку: «Он был титулярный советник...»). Н.С. Кашкин не был «только титулярный советник» (оставим безграмотность этого выражения в прозаическом тексте на совести автора «новеллы» и редактора), — он дослужился до «генеральского» чина действительного статского советника (о чем хорошо известно из трехтомной родословной Кашкиных и о чем упоминается в донесении начальника Калужского губернского жандармского управления от 13 февраля 1909 года по поводу перехваченного полицией письма из Парижа, адресованного дочери Н.С. Кашкина Ольге Николаевне: ЦГАОР². Д[епартамент] п[олиции] 00, 1909, д. 9, ч. 74).

Остается выразить сожаление, что газета «Советская Россия» в погоне за популярностью своих публикаций столь нетребовательно к ним относится.

В. Тюрин

2. От редакции «Литературной газеты»

25 ноября 1986

Уважаемый Владимир Викторович!

Прочитав Ваше повторное письмо, хотим сообщить следующее.

Специально возвращаться лишь к одной новелле В. Пикуля мы не имеем возможности. Вопрос это не частный. Тут требуется не реплика и пр., но проблемная статья. В последнее время появились статьи о творчестве Пикуля во многих журналах. В статьях затрагивается и та проблема, какой Вы коснулись в своем письме. Поймите правильно:

² Центральный государственный архив Октябрьской революции. В настоящее время — Государственный архив Российской Федерации.

газета — орган оперативный, мы должны успеть отразить текущий литературный процесс.

Посмотрите, к примеру, такие статьи:

В журнале «Литературное обозрение», № 7, 1986 г.

1. А. Марченко «Театр исторических действий».

2. В. Оскоцкий «Блудно вступил в мерзкое прелюбодеяние».

3. А. Казинцев «Путь на пользу».

В журнале «Новый мир», № 8, 1983 г.

Статью О. Чайковской «Соперница времени».

В журнале «Наш современник», № 9, 1986 г.

Статью С. Журавлева «Чувство родины». И др.

Спасибо за письмо.

С уважением *Е. Стрельцова*, литературный консультант

3. В редакцию «Независимой газеты»

[Фрагмент]

3 февраля 1991

С последней «горизонтальной» страницы субботней «Независимой газеты» (2 февраля 1991, № 15) вдруг глянуло знакомое лицо — Антон Павлович Чехов — в иллюстрации к рассказу Виктора Ерофеева «Белый кастрированный кот с глазами красавицы», — дело редакции — печатать этот рассказ, как и дело купившего газету — читать его или нет. Оставляя в стороне оценку рассказа, все же позволю напомнить, что по словарю иностранных слов — иллюстрация (от латинского «прояснять») — изображение, поясняющее или дополняющее какой-либо текст.

Так вот, в тексте рассказа есть и тюремная камера, в которой мучается герой, и его жена «белый ангел с белыми крыльями», и полковник Диамант, в рассказе только расстегивающий кобуру револьвера, а на иллюстрации уже держащий револьвер за спиной, и даже один раз упомянутый «белый кастрированный кот с глазами красавицы», давший тем не менее название рассказу. Но при чем на иллюстрации А.П. Чехов, перерисованный с широко известной фотографии Ф. Опитца, сделанной в 1901 году в Москве?

Беру на себя смелость предположить, что безымянный иллюстратор, посчитав ключевую фразу рассказа (даже набранную крупным шрифтом): «Человек создан для счастья, как птица для полета», —

счел ее чеховской. И в своей иллюстрации к рассказу «пояснил», кто автор этих «гениальных слов» (так оценил их все тот же полковник Диамант), нарисовав «портрет» Чехова в полосатой арестантской одежде и с тем самым котом на руках. А заодно рядом поместил и «символ» литературы — гусиное перо, с которого стекают то ли чернила, то ли кровь.

Иллюстратор, безусловно, имеет, как, впрочем, и автор рассказа, право на фантазию, даже такую. Но для иллюстрации была нужна фотография другого писателя — В.Г. Короленко, поскольку эта крылатая фраза принадлежит ему (в очерке «Парадокс», 1894 г.). Но даже если бы с кастрированным котом на руках, рядом с кровоточащим пером, в полосатой робе был изображен настоящий автор фразы, иллюстрация все равно осталась бы образчиком пошлости, с которой, как известно, всю жизнь боролся Антон Павлович Чехов. Об этом следовало бы помнить.

В. Тюрин

4. Э.В. Пастон¹

21 октября 1992

Уважаемая Элеонора Викторовна!

Мне посчастливилось, будучи на выставке «Русская коллекция» в «Доме художника», что на Крымском Валу, купить Вашу книгу-альбом «Поленов» из серии «Русская живопись XIX века».

Я открыл для себя Василия Дмитриевича Поленова более 20 лет назад. И с тех пор нахожусь под влиянием — и воздействием — его творчества и обаянием его личности. Репродукция «Московского двора» висит в моей каюте во всех моих экспедициях на научно-исследовательских судах (я — научный сотрудник Института океанологии им. П.П. Ширшова Российской академии наук).

Возвращаясь к Вашему альбому, хочу сказать, что доволен своей покупкой. В который раз прошли перед глазами картины Василия Дмитриевича, карандашные наброски, фотографии... И только подпись под иллюстрацией на с. 31, связанной, несомненно, с самой известной картиной В.Д. (а на мой взгляд, и самой лучшей), режет глаз тому, кто хорошо знает историю создания «московского двора», и

¹ Пастон Элеонора Викторовна — искусствовед, автор альбома «Василий Дмитриевич Поленов» (Л.: Художник РСФСР, 1991).

вводит в заблуждение того, кто этого не знает. А тираж альбома — большой, и он претендует на «зарубежное использование». Так что в данном случае необходима абсолютная точность — положение, как говорится, Вас, как автора, обязывает.

Существо же моего замечания, заставившего меня высказать его Вам, состоит в следующем. (Прошу заранее извинить меня — я общаю известные Вам вещи. И все же, все же...) Подпись под иллюстрацией, о которой я сказал выше, неточна. Это — не «Московский дворик», в 1877 году его еще не было, это — первоначальный этюд к картине, как Вы справедливо замечаете на с. 34, написанной в следующем, 1878 году, получившей название «Московский дворик» и выставленной на VI выставке передвижников (а не на VII, как Вы указываете на с. 30. По крайней мере, известная Вам «Хроника семьи художников» 1964 года утверждает, что именно на VI в мае 1870 года). И второе — почему «фрагмент»? Ведь воспроизведен весь этюд 1877 года, почти во всех деталях повторенный художником в 1902 году! Возможно, одна неточность — «Московский дворик», 1877 — повлекла за собой другую — раз нет привычных для «Московского дворика» деталей, то — «фрагмент»?

Вот то, о чем не мог не сказать Вам по поводу Вашего — хорошего — альбома В.Д. Поленова.

5. В редакцию газеты «Комсомольская правда»

30 апреля 1993

Господа,

тираж и популярность Вашей (кстати, с незапамятных времен — и моей) газеты вынуждают сделать замечание к публикации Ольги Дмитриевой «Предала ли Прага русских эмигрантов» («Комсомольская правда». 28.4.93. № 77, с. 6, вторая колонка текста, строки 1-я и 2-я снизу). Тем более что она идет под рубрикой «Вопросы истории».

Полагаю, что автору публикации не пришло бы в голову предпослать Красной армии реплику «так называемая». Потому что, по В.И. Далю, «так называемый — не сущий, не совсем то, чем его называют». Почему же О. Дмитриева употребляет выражение «так называемая Добровольческая армия»? В истории Гражданской войны в России, а это — наша история равно как с красной, так и с белой стороны,

Добровольческая армия — вооруженный противник Красной армии в боевых действиях на Юге России. И это — не прозвище, а ее официальное название с момента создания 9 января 1918 года в Новочеркасске генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым. Позже это название отступило на второй план, когда 8 января 1919 она вместе с Донской армией вошла в состав Вооруженных сил Юга России, которые возглавил бывший главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин.

Поэтому при непременном желании употребить выражение «так называемая» его, скорее, можно было бы отнести к «белой гвардии», поскольку такого названия официально не существовало (так в 1906 году назывались вооруженные отряды противников революции в Финляндии, которую защищала «красная гвардия»; все повторилось в 1917 году, когда во время октябрьских боев в Москве отряд полковника Л.Н. Трескина, боровшийся против Красной гвардии, стал называть себя «Белая Гвардия»). И, чтобы закончить о названиях, скажем, что трагедия Гражданской войны завершилась эвакуацией из Крыма Русской армии генерала П.Н. Врангеля, переименованной так в мае 1920 года.

История требует серьезного отношения. В том числе и к названиям. Иначе она так и останется (как в течение всех 70 лет советской власти) только «так называемой историей».

6. С.К. Медведеву¹

[Конец октября – начало ноября?] 2003

В номере «Российских вестей» за 22–28 октября 2003 г. помещено интервью с г-ном Медведевым «От пресс-секретаря президента до наших дней», заставившее отложить все дела и написать нижеследующую реплику.

В первом же абзаце интервьюируемый тележурналист допускает неточность — называет основанный П.Н. Врангелем союз *Российским* общевойсковым союзом. На самом деле союз, выросший из Русской армии — как из Вооруженных сил Юга России была переименована Белая армия вскоре после того, как генерал-лейтенант барон Врангель стал ее главнокомандующим, — был *Русским* общевойсковым союзом.

¹ Авторский заголовок «Реплика г-ну Медведеву, “тележурналисту и пресс-секретарю Президента России Бориса Ельцина”».

И это — не случайная оговорка, а знак всей последующей поверхностности ответов г-на Медведева, из которых меня особенно заделли два.

Упомянув о вербовке «белого генерала Скоблина» и его жены, «популярнейшей певицы того времени Надежды Плевицкой», интервьюируемый поясняет: «Чекисты легко завербовали Скоблиных, воспользовавшись их постоянной нуждой в деньгах». Другими словами, просто купили их. Нет, все было не так поверхностно, и обвинять генерала Н.В. Скоблина в простой продажности нет оснований.

Николай Владимирович Скоблин был участником двух войн: Первой мировой и Гражданской. В Белом движении прошел путь «от первых дней Новочеркасска до последних — Крыма», по словам Марины Цветаевой. Был капитаном в Ледяном походе Добровольческой армии в 1918 году, генерал-майором Русской армии при обороне и оставлении Крыма в 1920-м. За две войны четырежды ранен. Удостоен высшей воинской награды, учрежденной генералом Врангелем, — ордена Святителя Николая Чудотворца. Эвакуируясь из Крыма на миноносце, не задумываясь приказал вернуться к берегу, чтобы забрать подошедшую воинскую часть.

Находясь среди военного руководства русской эмиграции, к концу 1920-х гг. разуверился в попытках свергнуть власть большевиков в России теми методами, которые применял РОВС, и, конечно, как большинство эмигрантов, страшно тосковал по России. На этом главным образом и была основана его вербовка, произведенная бывшим белым офицером капитаном Ковальским. «Белая борьба против советской России себя исчерпала, нужно строить новую Россию, которую уже признали мировые державы, там нужен ваш богатый военный опыт, Родина ждет вашей помощи и примет вас». Только такие или примерно такие аргументы могли склонить недавнего героя белой борьбы к сотрудничеству с новой властью. Хотя, наверное, денежный вопрос и имел значение в далеко не безбедной семейной жизни бывшего белого генерала и знаменитой певицы.

Не один Н.В. Скоблин поверил посулам новой власти. Достаточно назвать другого героя Белого движения, капитана Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой. Всех легковверных ожидала одна участь — ликвидация «по использованию», разными были лишь ее способы.

Второй задевший меня ответ выглядит не менее поверхностным: «Вся страна в свое время была настроена на создание военно-морского флота. Худо-бедно сделали». Не худо-бедно, господин Медведев, а как следует! Советский Союз располагал мощнейшим и современнейшим Военно-морским флотом, я по собственному опыту знаю, как начинали нервничать и суетиться американцы, когда наши корабли выходили в океан. Что же касается продолжения процитированной

фразы: «Потом, правда, забросили», — то г-н Медведев лучше, чем кто-либо, знает, благодаря кому и почему флот оказался заброшенным.

И коль скоро в интервью много говорится об очередном фильме С. Медведева «Русская война в Париже», показанном по 1-му каналу телевидения, не могу не сказать несколько слов как зритель. Поверхностно, скучно, а уж «реконструирование событий с помощью актеров» выглядит просто убого. Воистину, спрос рождает предложение, хотя часто — далеко не лучшего качества.

Обложки книг, подготовленных В.В. Лобыцыным

Избранная библиография

Составители Т.В. Акулова-Конецкая¹, Н.А. Кузнецов

Работы В.В. Лобыцына

Научные и научно-популярные труды по истории и литературе

Книги

1. Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923 : указ. ст., биографии авт. / сост. В.В. Лобыцын. — М. : Рос. фонд культуры — «Пашков дом», 2000. — 40 с.

Рец.: 1а. Леонидов В. От Бизерты до Харбина / В.В. Леонидов // Независ. газ. — Ex libris. — 2000. — 21 дек. — С. 6. — (Петит).

1б. Леонидов В. Возвращение «Морского сборника» / В.В. Леонидов // Русская мысль. — 2001. — 8–14 февр. (№ 4352). — С. 10. — (Книжная полка).

2. Боголюбов Н.А. «Китобой» на страже чести Андреевского флага : антология / Н.А. Боголюбов [и др.] ; сост. В.В. Лобыцын. — СПб. : Галейя Принт : Цитадель, 2000. — 64 с.

Рец.: 2а. Леонидов В. Не опустившие флаг / В.В. Леонидов // Независ. газ. — Ex libris. — 2001. — 8 февр. — С. 2. — (Петит).

3. Каталог военно-морских изданий и рукописей : Из собрания американо-русского общества «Родина» Российского фонда культуры / сост. В.В. Лобыцын. — М. : Рос. фонд культуры, 2000. — 32 с.

Рец.: 3а. Леонидов В. Под Андреевским стягом / В.В. Леонидов // Независ. газ. — Ex libris. — 2001. — 22 марта. — С. 6. — (Петит).

4. Воспоминание о кадетских корпусах и институтах благородных девиц : альбом / сост. С.В. Волков, А.А. Замостьянов, В.В. Лобыцын. — М. : [б.и.], 2001. — 40 с. — В надзаг: Российский фонд культуры; Дирекция Президентских программ РФК; Центральный музей Вооруженных Сил; Департамент по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ; К 15-летию Российского фонда культуры.

5. Вспоминая Российский Императорский флот : альбом / автор концепции Е.Н. Чавчавадзе ; сост. А.Ю. Савинов, В.В. Лобыцын. — М. : [б. и.], 2001. — 40 с. — В надзаг: Российский фонд культуры; Дирекция Президентских программ РФК; Центральный музей Вооруженных Сил; Департамент по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ; К 15-летию Российского фонда культуры.

6. Мартиролог русской военно-морской эмиграции : по изданиям 1920–2000 гг. / ред. В.В. Лобыцын ; сост. И.М. Алабин, В.В. Лобыцын, А.Ю. Савинов,

¹ Акулова-Конецкая Татьяна Валентиновна, генеральный директор Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого, профессиональный библиограф.

К.Б. Стрельбицкий. — М. : Пашков дом ; Феодосия : Издат. дом «Коктебель», 2001. — 192 с. — Библиогр.: с. 178–188.

Рец.: 6а. Леонидов В. Герои возвращены из забвения / В.В. Леонидов // Рос. вести. — 2002. — 20–26 марта (№ 10). — С. 13. — (Библиофил).

6б. Но как же мы без Грина, без его парусов : Д. Лосев, по крупицам восстанавливая историю российского Крыма, собрал уникальные свидетельства / Д. Лосев ; беседовал Д. Шеваров // Деловой вторник. — 2002. — 26 марта. — С. 4. — (Добрые лица).

6в. Прибыловский В. Финансист во дворянстве / В. Прибыловский // Новые известия. — 2003. — 5 февр. — С. 1, 7.

7. Виноградов С.Е. «Императрица Мария» — возвращение из глубины / С.Е. Виноградов ; [при участии В.В. Лобыцына : текст, аннот. фото]. — СПб. : Ольга ; М. : Рос. фонд культуры, 2002. — 96 с. — (Боевые корабли мира).

8. Служить, не жалея живота своего : альбом / А.К. Никонов, Е.Н. Чавчавадзе, В.И. Катаев, В.В. Лобыцын [и др.]. — М. : [б.и.], 2002. — 24 с. — В надзаг.: Центральный музей Вооруженных Сил; Дирекция Президентских программ Российского фонда культуры.

9. Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923 : Избр. страницы / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. — М. : Согласие, 2003. — 559 с. — Библиогр.: с. 544–551. Имен. указ.: с. 552–557.

Рец.: 9а. Память русского флота в Тунисе // Рос. вести. — 2003. — 5 марта. — С. 18. — (Библиофил).

9б. Шеваров Д. Бизерта, ставшая судьбой / Д. Шеваров // Деловой вторник. — 2003. — 21 окт. — С. 4. — (Добрые лица).

9в. Юрздицкая Е. «Морской сборник»: непрерываемая связь: 19 ноября 1920 года начался исход из Севастополя кораблей Черноморского флота / Е. Юрздицкая // Слава Севастополя. — 2003. — 19 нояб. (№ 215). — С. 3 : 3 фото.

10. Русские без России : Из семейных собраний русских эмигрантов дары России и Российскому фонду культуры : альбом / сост. Е.Н. Чавчавадзе, О.Н. Шотова, О.К. Землякова, В.В. Лобыцын [и др.]. — М. : [б.и.], 2003. — 24 с. — В надзаг.: Российский фонд культуры; Дирекция Президентских программ РФК; Центральный музей Вооруженных Сил; Дирекция Президентских программ Российского фонда культуры; Департамент по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ.

11. «Варяг»: Столетие подвига: 1904–2004 гг. / В.И. Катаев, В.В. Лобыцын. — М. : Согласие, 2004. — 180 с.

Рец.: 11а. Щербина Н. И снова под Андреевским флагом / Н. Щербина // Рос. вести. — 2004. — 11 февр. — С. 19. — (Событие).

11б. Ушакова О. Бессмертен подвиг «Варяга» / О. Ушакова // Парламент. газ. — 2004. — 14 февр. — С. 6. — (На книжную полку).

12. Кривошеев А. Песни корниловца / А.П. Кривошеев ; сост. и коммент. В.В. Лобыцына. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. — 42 с. : 5 с. ил.

Рец.: 12а. Щербина Н. Весточка с чужого берега / Н. Щербина // Рос. вести. — 2004. — 29 дек. — С. 13. — (Культура).

13. Меркушов В.А. Записки подводника 1905–1915 / В.А. Меркушов ; науч. ред. и сост. В.В. Лобыцын. — М. : «Согласие», 2004. — 623 с. : [16] л. ил. — Библиогр. в примеч. Указ.: с. 594–606.

Рец.: 13а. Васильев П. Жизнь без страха и сомнения / П. Васильев // Рос. вести. — 2004. — 3 нояб. — С. 21. — (Библиофил).

14. Доброволец двух русских армий : Военная судьба Сергея Эфрона. 1915–1921 годы / В.Н. Дядичев, В.В. Лобыцын. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. — 144 с.

То же: 2-е изд., испр. и доп. — М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. — 152 с. : ил.

Рец.: 14а. Леонидов В. Судьба капитана Эфрона / В.В. Леонидов // Рос. вести. — 2005. — 2 нояб. (№ 39). — С. 21. — (Библиофил).

14б. Леонидов В. «Белый путь» капитана Эфрона / В.В. Леонидов // Культура. — 2005. — 1–7 дек. (№ 47). — С. 14. — (Книги).

15. Морские рассказы писателей русского зарубежья / сост. и науч. ред. В.В. Лобыцын. — М. : Согласие, 2006. — 472 с. : ил.

Статьи

16. Кто же мог отправить открытку на «Малыгин»? / [под псевд.: В. Тюрин] // Филателия СССР. — 1974. — № 11. — С. 13.

17. Чехов и Иловайские / [под псевд.: В. Тюрин] // Дон (Ростов-на-Дону). — 1983. — № 3. — С. 151–153. — (Заметки на полях).

18. Ни один не теряется бесследно : [на чеш. яз.] / В.В. Лобыцын // Новости еженедельников (АПН). — 1984. — 19–25 марта (№ 12). — С. 6. — (Страницы истории).

На чеш. яз.: Nikdo se neztratil beze stopy / V. Lobycyn // Týdeník aktualit. Vydáva Tisková agentura Novosti. — 1984. — 19–25 března. (№ 12). — S. 6. — (Stránky dějin).

19. Загадка фотографии : [о мичмане Н.Н. Азарьеве] / [под псевд.: В. Тюрин] // Огонек. — 1984. — № 30. — С. 27 : 2 фото. — (Страницы минувшего).

20. «Милый парень Гега» : [о Е.Д. Былим-Колосовском, владельце усадьбы Богимово Тарусского уезда Калужской губернии, в которой останавливался А.П. Чехов в 1891 г., прототипе помещика Белокурова в рассказе «Дом с мезонином»] / [под псевд.: В. Тюрин] // Знамя Ильича (г. Алексин). — 1984. — 13 нояб. (№ 180–181). — С. 4. — (Возвращаясь к напечатанному).

Отклик на публ.: Попов А. А счастье — лучший университет : [А.П. Чехов в Богимово] : [В.В. Лобыцын об А.П. Чехове] / А.С. Попов // Знамя Ильича (г. Алексин). — 1984. — 21 авг. (№ 133). — С. 3; 22 авг. (№ 134). — С. 3. — (Было: страницы пребывания А.П. Чехова в Алексине).

21. Погибли, освобождая Чехословакию / В.В. Лобыцын // Раб. газ. (Киев). — 1985.

Примеч.: Источник указан в Библиографии, составленной В.В. Лобыцыным, составителями данной Библиографии не выявлен.

22. На ялтинской даче : [о знакомстве А.П. Чехова с К.М. Иловайской] / [под псевд.: В. Тюрин] // Моск. литератор. — 1985. — 25 янв. (№ 4). — С. 3 — (Наш Чехов).

23. «Наваринского дыму с пламенем» / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1993. — № 3. — С. 18–20.

24. Погибли в Наваринском бою / В.В. Лобыцын // Морской сборник. — 1993. — № 8. — С. 95–96.

25. *Белая гвардия: последний приют* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1994. — № 1. — С. 22–27.
26. *Имена на обелиске* / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1996. — 11 янв. (№ 6). — С. 3.
27. *И снова звучит судовой колокол* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1995. — № 2. — С. 40–41.
28. *Погибли за Францию* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1995. — № 3. — С. 40–43.
29. *Сражались за Россию* / В.В. Лобыцын // Дворянское собрание. — 1995. — № 3. — С. 284–296.
30. *Три поколения Горенко* : [о флотской династии] / В.В. Лобыцын, В.Н. Дядичев // Морской сборник. — 1995. — № 3. — С. 87–90.
31. *От Чехова — Лике: портрет неизвестного* / В.В. Лобыцын // Рос. газ. — 1995. — 27 окт. (№ 210). — С. 31.
32. *Галлиполи* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1995. — № 11. — С. 20–23.
33. *Еще раз о гибели крейсера «Жемчуг»* / В.В. Лобыцын, И.Ю. Столяров, И.М. Алабин // Вокруг света. — 1996. — № 1. — С. 59–62.
34. *Бой «Жемчуга» в Пенанге* / В.В. Лобыцын // Воин. — 1996. — № 2. — С. 70–73.
35. *«Морж» погиб в районе Босфора...* / В.В. Лобыцын // Коммуна (Воронеж). — 1996. — 13 марта (№ 46). — С. 4.
36. *Морякам «Жемчуга»* / В.В. Лобыцын, И.Ю. Столяров // Морской сборник. — 1996. — № 3. — С. 91–92.
37. *Два имени одного корабля* / В.В. Лобыцын, А.А. Першин // На боевом посту (Москва). — 1996. — 28 сент. (№ 70). — С. 5. — (За далью даль. № 10 (310)).
38. *Наводнение в пустыне* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1996. — № 9. — С. 26.
39. *Военно-морской флот России. 1696–1996. Исторический путь в памятниках и памятных знаках* / В.В. Лобыцын, И.Ю. Столяров // Вокруг света. — 1996. — № 10. — С. 13–16.
40. *Два памятника русским морякам* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1996. — № 10. — С. 17–19.
41. *Неизвестная экспедиция полковника Маннергейма* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1997. — № 1. — С. 38–42.
42. *Под сенью берез* / В.В. Лобыцын // Мир на досуге. — 1997. — № 1. — С. 70–73.
43. *Храм на улице Дарю* / В.В. Лобыцын // Мир на досуге. — 1997. — № 1. — С. 48–49.
44. *Значки и памятные медали «Вокруг света»* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1997. — № 7. — С. 78–79.
45. *Мессина помнит...* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1997. — № 8. — С. 72–74.
46. *Севастополь в декабре 1917* / В.В. Лобыцын, В.Н. Дядичев // Слава Севастополя. — 1997. — 13 нояб. (№ 211). — С. 3.
47. *Раскрыта тайна подводной лодки «Барс»* : Русские моряки покоятся на дне Балтийского моря близ острова Готланд / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1997. — 28 нояб. (№ 278). — С. 1, 2 : фото.

48. *«Еремеевские ночи»* / В.В. Лобыцын, В.Н. Дядичев // Родина. — 1997. — № 11. — С. 28–32.
49. *Как погибла подводная лодка «Барс»* / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1998. — 27 янв. (№ 18). — С. 4 : фото.
50. *Русский памятник в Стокгольме* : [в память воинов русской армии, моряков гребной флотилии и десанта во время русско-шведской войны 1788–1790 гг.] / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1998. — 29 янв. (№ 20). — С. 3 : фото.
51. *«Барс» на базу не вернулся* / В.В. Лобыцын // Мир Севера. — 1998. — № 1 (5). — С. 45–48 : 6 фото. — (Военные приключения).
52. *Подводная лодка «Барс» на дне Балтийского моря* / В.В. Лобыцын // Подводный флот. — 1998. — № 1. — С. 53–58.
53. *Стул для великана* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 1. — С. 34.
54. *«Я русской крови не пролью...»* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 1. — С. 68–69.
- То же: Страж Балтики (Калининград). — 2008. — 19 авг. — С. 7. — (События. Судьбы. Документы).
55. *В базу не вернулся* / В.В. Лобыцын // Морской сборник. — 1998. — № 4. — С. 77–79.
56. *Стокгольм: память далекой войны* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 4. — С. 23.
- То же: *Морякам, погибшим за Отечество*: История сооружения памятников на Балтике. — СПб. : [б.и.], 2002. — С. 60.
57. *Вокруг гавани Марии, или Что такое Аланды* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 5. — С. 40–44.
58. *Это просто Рипли* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 5. — С. 93.
59. *Василий Блаженный Сиамский* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 8. — С. 54.
60. *«Ваше превосходительство», «Ваше преосвященство» и другие* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1998. — № 8. — С. 92–93.
61. *Лейтенант Ленин: Судьба человека из рода, чья фамилия стала псевдонимом Владимира Ульянова* / В.В. Лобыцын, В.Н. Дядичев // Независим. газ. — 1998. — 24 дек. (№ 240). — С. 8 : фото. — (Иден и люди).
62. *Их не забудет Мессина* / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1999. — 23 янв. (№ 15–16). — С. 6 : фото. — (История Отечества).
63. *«Его имя в летописи Русской земли»* / В.В. Лобыцын // Морской сборник. — 1999. — № 2. — С. 90.
64. *Последние 18 минут подлодки С-7* / В.В. Лобыцын // Красная звезда. — 1999. — 17 марта (№ 59). — С. 4 : фото.
65. *Горшки и пальмы* / В.В. Лобыцын // Вокруг света. — 1999. — № 3. — С. 77.
66. *Подарок «Родины»* / В.В. Лобыцын // Морской сборник. — 1999. — № 7. — С. 78–79 : фото.
67. *Ленины — моряки Российского флота* / В.В. Лобыцын, В.Н. Дядичев // Морской сборник. — 1999. — № 11. — С. 78–83 : 3 фото.
68. *Тенью на старом серебре* / В.В. Лобыцын // Родина. — 1999. — № 11. — С. 66.

69. *Собрание общества «Родина» вернулось в Россию* / О.С. Толстова-Бобкова, В.В. Леонидов, И.Д. Баранова, С.В. Волков, В.В. Лобыцын, В.Г. Лишанов // Отеч. архивы. — 2000. — № 1. — С. 37–48.

70. *По страницам Бизертинского «Морского сборника»* / В.В. Лобыцын // Морской сборник. — 2000. — № 3. — С. 89–93. — (Страницы истории).

71. *Неизвестный Колчак* / В.В. Лобыцын // Рос. вести. — 2000. — 5 июля (№ 6). — С. 3.

То же: Морской сборник. — 2000. — № 9. — С. 78–79.

72. *Капитан Эфрон* : Письма супруга Марины Цветаевой проливают новый свет на трагедию белого офицерства / В.Н. Дядичев, В.В. Лобыцын // Независим. газ. (Субботник «НГ»). — 2000. — 8 июля (№ 26). — С. 11. — (Слова и вещи).

73. *В память о русском флаге* / В.В. Лобыцын // Родина. — 2000. — № 11. — С. 132.

74. *Жизнь и смерть мичмана Пасвика* / В.В. Лобыцын // Рос. вести (прилож. «Древо»). — 2001. — 25 апр. (№ 4). — С. 16–17 : фото. — (Русские офицеры).

75. *Последний акт Исхода* / В.В. Лобыцын // Восточная коллекция. — 2001. — № 4. — С. 135.

76. *Победа досталась русским* : [к началу Крымской войны 1854 г.] / В.В. Лобыцын // Рос. вести (прилож. «Древо»). — 2001. — 11 июля (№ 6). — С. 16. — (День Военно-морского флота).

77. *В поисках блаженной земли* : [о поисках Земли Санникова] / В.В. Лобыцын, А.А. Першин // Рос. вести (прилож. «Страна отцов»; Вып. 3). — 2001. — 22 авг. — С. 13.

78. *Примечания* : [к повести Ивана Лукаша «Тень “Жаннетты” над океаном»] / В.В. Лобыцын, А.А. Першин // Рос. вести (прилож. «Страна отцов». Вып. 3). — 2001. — 22 авг. — С. 16–17.

79. *Навеки в памяти потомков. Боевой путь крейсера «Генерал Корнилов»* / подготовка к публ. и коммент. В.В. Лобыцына // Родина. — 2001. — № 8. — С. 88–89.

80. *Памяти русских изгнанников* : [о кн. «Мартиролог русской военно-морской эмиграции: по изданиям 1920–2000 гг.»] / В.В. Лобыцын // Феодосийский альбом. — 2001. — 28 нояб. (тетрадь 90). — С. 6.

81. *Лев Константинович Феншоу — первый боевой командир первого в мире подводного минного заградителя «Краб»* : [публ. выписок из «Полного послужного списка» кап. 2-го ранга Л.К. Феншоу 1915–1919 гг.] / В.В. Лобыцын // Тайны подводной войны – 10. Малоизвестные страницы подводной войны XX века. — Львов : [б.и.], 2001. — С. 46–49.

То же: Подводник России. — 2002. — № 1. — С. 155–158. — (Возвращенные имена).

82. *Третья оборона Севастополя* / В.В. Лобыцын // Рос. вести. — 2002. — 10–16 апр. (№ 13). — С. 17. — (Библиофил). — Рец. на кн.: Записки командующего Черноморским флотом / И.В. Касатонов. — М. : Андреевский флаг, 2001. — 494 с., [24] л. ил., портр.

83. *Русское военное кладбище в городе Тунисе* / В.В. Лобыцын // Новый часовой. — 2002. — № 13–14. — С. 394–398.

84. *Тихоокеанский Севастополь* : [поездка в Порт-Артур накануне 100-летия обороны] / В.В. Лобыцын // Рос. вести. — 2002. — 24 июля – 30 авг. (№ 25). — С. 12–13 : фото.

То же: Морской сборник. — 2003. — № 9. — С. 71–75.

85. Морская санатория в Ялте : Старинные крымские фотографии из США / В.В. Лобыцын, З.Г. Ливичкая // Крымский альбом 2000 / сост. Д. Лосев. — Феодосия ; М. : ИД «Коктебель», 2002. — С. 73–83 : 8 фото. — Вып. 5. — (Институт стран СНГ).

86. Трагический эпизод крымской эвакуации осенью 1920 года [Электронный ресурс] / научный журнал. — «Исследовано в России». — 2002. — С. 135–139. — Режим доступа: <http://www.sci-journal.ru/articles/2002/012.pdf>. — (Дата обращения: 12.05.2015).

87. Вполне дурацкая история : [о статье А.В. Квакина «Клуб самоубийц» об истории Крымского кадетского корпуса] / С.В. Волков, В.В. Лобыцын // Родина. — 2003. — №3. — С. 75–77. — (Полемика).

Отклик на публ.: Квакин А. И снова «Клуб самоубийц» : [ответ на статью С. Волкова и В. Лобыцына «Вполне дурацкая история»] / А.В. Квакин // Родина. — 2004. — № 3. — С. 88. — (Обратная связь).

88. Русская армия в Галлиполи / публ. и коммент. В.В. Лобыцына // Российский Архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. : альманах. — М. : Студия ТРИТЭ ; Рос. Архив, 2004. — [Т. XIII]. — С. 451–468.

89. Герои-подводники Российского Императорского флота / В.В. Лобыцын // Подводник России. — 2006. — № 1 (6). — С. 51–52. — (Герои подводных глубин).

90. Последние подводники Андреевского флага : Офицеры и личный состав Подводного дивизиона Русской Эскадры в Бизерте / В.В. Лобыцын, А.В. Плотто // Тайны подводной войны – 21. Малоизвестные страницы Отечественного подплава XX века. — Львов : [б.и.], 2006. — С. 16–21.

91. Русский курган в Дарданеллах : [о русской военно-морской эмиграции в Галлиполи] / Н.А. Черкашин, В.В. Лобыцын // Родина. — 2008. — № 3. — С. 110–112. — (Госпожа Чужбина).

Научно-технические труды

Статьи

92. Экспериментальное исследование фазовых свойств отраженных радиолокационных сигналов / В.В. Лобыцын // Труды НИИ-2 [МО]. — 1962. — № 2/5.

93. Оптимальная фильтрация ЛЧМ-сигналов с учетом боковых лепестков диаграммы направленности антенной системы радиолокатора / В.В. Лобыцын // Вопросы спец. радиоэлектроники. — 1965. — Вып. 18. — (Серия XIII).

94. Статистическая оценка параметров антенн типа фазированных решеток при наличии случайных ошибок распределения поля источников / В.В. Лобыцын, Н.А. Смирнов // Вопросы спец. радиотехники. — 1966. — Вып. 21. — (Серия XII).

95. Статистический синтез линейной антенны с учетом фазовых ошибок распределения поля / В.В. Лобыцын // Радиотехника и электроника. — 1967. — № 6. — Т. XII.

96. Методика определения статистических свойств случайных ошибок фазового распределения поля щелевой антенны бегущей волны / В.В. Лобыцын, Е.В. Кукушкин // Вопросы спец. радиотехники. — 1967. — Вып. 16. — (Серия «Радиолокационная техника»).

97. *Подавление помехи линейной антенной при наличии фазовых ошибок распределения поля* / В.В. Лобыцын // Вопросы спец. радиотехники. — 1968. — Вып. 8. — (Серия «Радиолокационная техника»).

98. *Оптимальное разделение плоских волн линейной антенной при наличии фазовых ошибок распределения поля* / В.В. Лобыцын // Радиотехника и электроника. — 1968. — № 12. — Т. XIII.

99. *Вопросы обработки пространственно-временных сигналов антенными системами радиолокаторов при случайных возмущениях распределения поля* / В.В. Лобыцын // Диссертация ... канд. тех наук / В.В. Лобыцын. — М. : [в/ч 03425]. — 1969.

100. *Анализ однопунктовых методов дальнометрии в СНЧ диапазоне радиоволн* / В.В. Лобыцын // Труды [в/ч 03425]. — 1970. — № 29.

101. *Зависимость интенсивности импульсного потока фонового излучения радиоволн СНЧ диапазона от времени года и суток* / В.В. Лобыцын, Б.М. Данилов, В.Н. Стрюков, Н.И. Чебаненко // Труды [в/ч 03425]. — 1970. — № 29.

102. *Особенности идентификации импульсных сигналов СНЧ диапазона в многопунктовой системе* / В.В. Лобыцын, А.И. Батенков // Труды [в/ч 03425]. — 1970. — № 29.

103. *Распределение интенсивности импульсного потока фонового излучения радиоволн СНЧ диапазона* / В.В. Лобыцын, Б.М. Данилов, А.М. Марковкин, М.С. Павлов // Труды [в/ч 03425]. — 1970. — № 29.

104. *Экспериментальная установка для приема и регистрации СНЧ импульсного излучения* / В.В. Лобыцын, Б.М. Данилов, А.М. Марковкин, М.С. Павлов, Б.Н. Рыбаков // Труды [в/ч 03425]. — 1970. — № 29.

105. *К решению задачи классификации объектов вооружения и военной техники* / В.В. Лобыцын, А.К. Бугарчѳ, С.Н. Коробков // Стандартизации военной техники. — 1975. — № 3.

106. *Принципы обобщения требований к изделиям военной техники* / В.В. Лобыцын, С.Н. Коробков, Б.Н. Федоров // Стандартизации военной техники. — 1975. — № 3.

107. *Формирование оптимальных требований к техническим системам* / С.Н. Коробков, В.В. Лобыцын, В.Н. Лякин // Стандарты и качество. — 1975. — № 5.

108. *Системный подход к формированию требований к вооружению и военной технике* / В.В. Лобыцын // Стандартизации военной техники. — 1976. — № 1.

109. *Оптимизация требований к изделиям военной техники* / В.В. Лобыцын, В.Н. Лякин // Спец. радиотехника. — 1976. — № 10.

110. *Использование теории иерархических многоуровневых систем при обосновании системы требований к вооружению и военной технике* / В.В. Лобыцын, С.Н. Коробков // Научно-технические материалы по сложным системам [в/ч 03425]. — 1977.

111. *Системно-матричный метод обобщения требований к вооружению и военной технике* / В.В. Лобыцын, С.Н. Коробков // Научно-технические материалы по сложным системам [в/ч 03425]. — 1977.

112. *Оценка требуемой точности определения собственного местоположения подвижной системы наблюдения космических объектов* / В.В. Лобыцын // Научно-технические материалы по сложным системам [в/ч 03425]. — 1981. — № 41.

113. Использование лазерных дальномеров для калибровки подвижных комплексов измерения параметров движения космических объектов / В.В. Лобыцын, В.Н. Романовский // Научно-технические материалы по сложным системам [в/ч 03425]. — 1982. — № 48.

114. Оценка турбулизации коротковолновых составляющих морского волнения по данным радиолокационных судовых наблюдений : [тезисы доклада Всесоюз. симп. «Механизм генерации мелкомасштабной турбулентности в океане»] / В.В. Лобыцын, И.А. Лейкин, С.В. Переслегин. — Светлогорск : [Б.и.], 1985.

115. Контрастно-фоновая чувствительность панорамных радио- и гидролокационных систем / В.В. Лобыцын, Ю.И. Ломоносов, С.В. Переслегин // Океанология. — 1986. — № 3.

116. Оценка распределения взвеси и хлорофилла в приповерхностном слое шельфовых вод Кубы по результатам международного эксперимента «Карибэ-интеркосмос – 88» / В.В. Лобыцын, В.Н. Пелевин, А.А. Супренков // Материалы Всесоюзной конференции «Использование спутниковой информации в исследованиях океана и атмосферы». — 1988.

117. Спутниковые радиолокационные изображения района прибрежного течения по данным ИСЗ «Космос-1500» / В.В. Лобыцын, Л.И. Копрова, А.Б. Грабовский // Труды ИОАН. — 1990.

118. The investigation of mesoscale temperature inhomogeneities of a subsurface ocean layer in the Canary upwelling zone based on satellite and ship data / В.В. Лобыцын, А.Г. Зацепин // Vienna: IAPCO Program and abstracts, 1991.

Работы о В.В. Лобыцыне

Статьи

119. Николаева И. Мартовские иды Нового града : [Беседа с писателем Вацлавом Михальским] / В.В. Михальский ; И. Николаева // Октябрь. — 2001. — № 5. — С. 48.

120. Прежде столиц — Россия : [о работе В.В. Лобыцына над к/ф. «Погибли за Францию»] // Пятигор. правда. — 2002. — 3 окт. — С. 4.

121. Довыденко Л. Русский легион чести : [о работе В.В. Лобыцына над к/ф. «Погибли за Францию»] / Л. Довыденко // Вече Твери. — 2002. — 28 нояб. (№ 218). — С. 7.

122. Владимир Лобыцын: «У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней» : [беседа с историком] / В.В. Лобыцын ; беседу вел К. Куяс-Скрижинский // Русская мысль. — 2003. — 11–17 дек. (№ 46). — С. 8 : фото с А.В. Плотто; 18–31 дек. (47–48). — С. 10 : фото экипажа КР «Кагул». — (Судьба человека).

123. Добрикова Ю. Последний хозяин тайги : [Вера Владимировна о работе В.В. Лобыцына над к/ф. «Диалоги с Колчаком»] / В. Владимировна ; Ю. Добрикова // Пятигор. правда. — 2004. — 27 марта (№ 36). — С. 4. — (Субботний вернисаж).

124. Дардыкина Н. Жертвоприношение по-русски: Николай II послал русский корпус умирать за Францию : [В.В. Лобыцын о начале Первой мировой войны] /

Н. Дардыкина ; В.В. Лобыцын // Моск. комсомолец. — 2004. — 9 авг. — С. 5. — (Тайны XX века).

125. Невосполнима боль утраты : [памяти В.В. Лобыцына] / [подп. : коллектив Российского Фонда Культуры] // Рос. вести. — 2005. — 29 июня — 5 июля (№ 26). — С. 11 : фото.

126. Дойков Ю. Пушкинское имя — Ризнич : [о русском подводнике Иване Ризнице, исторической догадке В.В. Лобыцына] / Ю.В. Дойков // Архангельск. — 2006. — 18 марта (№ 46). — С. 5. — (Судьбы).

127. Леонидов В. Русский офицер Владимир Лобыцын : [памяти В.В. Лобыцына] / В.В. Леонидов // Лит. незнакомцы. — 2006. — № 3 (13). — С. 98–104 : 12 фото. — (Семейный архив).

То же: «С благодарностью — были» : [памяти В.В. Лобыцына] / В.В. Леонидов // Родина. — 2008. — № 3. — С. 122–123 : фото. — (Память сердца).

128. Черкашин Н. Александр Колчак и его команда : [о фотографии моряков парохода «Вайгач», атрибут В.В. Лобыцыным] / Н.А. Черкашин // Родина. — 2015. — №3. — С. 83–85 : фото. — (Благодаренье снимку).

Алфавитный указатель к избранной библиографии¹

Научные и научно-популярные труды по истории и литературе

Книги

- Бизертинский «Морской сборник». 1921–1923 — 1, 9
«Варяг»: Столетие подвига: 1904–2004 гг. — 11
Воспоминание о кадетских корпусах и институтах благородных девиц — 4
Вспоминая Российский Императорский флот — 5
Доброволец двух русских армий — 14
Записки подводника 1905–1915 — 13
«Императрица Мария» — возвращение из глубины — 7
Каталог военно-морских изданий и рукописей — 3
«Китобой» на страже чести Андреевского флага — 2
Мартиролог русской военно-морской эмиграции : по изданиям 1920–2000 гг. — 6
Морские рассказы писателей русского зарубежья — 15
Песни корниловца — 12
Русские без России — 10
Служить, не жалея живота своего — 8

Статьи

- «Барс» на базу не вернулся — 51
Белая гвардия: последний приют — 25

¹ Здесь и в указателе имен приведены порядковые номера публикаций.

- Бой «Жемчуга» в Пенанге — 34
 В базу не вернулся — 55
 В память о русском флаге — 73
 В поисках блаженной земли — 77
 Василий Блаженный Сиамский — 59
 «Ваше превосходительство», «Ваше преосвященство» и другие — 60
 Военно-морской флот России. 1696–1996. Исторический путь в памятниках и памятных знаках — 39
 Вокруг гавани Марии, или Что такое Аланды — 57
 Вполне дурацкая история — 87
 Галлиполи — 32
 Герои-подводники Российского Императорского флота — 89
 Горшки и пальмы — 65
 Два имени одного корабля — 37
 Два памятника русским морякам — 40
 «Его имя в летописи Русской земли» — 63
 «Еремеевские ночи» — 48
 Еще раз о гибели крейсера «Жемчуг» — 33
 Жизнь и смерть мичмана Пасвика — 74
 Загадка фотографии — 19
 Значки и памятные медали «Вокруг света» — 44
 И снова звучит судовой колокол — 27
 Имена на обелиске — 26
 Их не забудет Мессина — 62
 Как погибла подводная лодка «Барс» — 49
 Капитан Эфрон — 72
 Кто же мог отправить открытку на «Малыгин»? — 16
 Лев Константинович Феншоу — первый боевой командир первого в мире подводного минного заградителя «Краб» — 81
 Лейтенант Ленин. Судьба человека из рода, чья фамилия стала псевдонимом Владимира Ульянова — 61
 Ленины — моряки Российского флота — 67
 Мессина помнит... — 45
 «Милый парень Геге» — 20
 «Морж» погиб в районе Босфора... — 35
 Морская санатория в Ялте — 85
 Морякам «Жемчуга» — 36
 Морякам, погибшим за Отечество — 56
 На ялтинской даче — 22
 «Наваринского дыму с пламенем» — 23
 Навеки в памяти потомков. Боевой путь крейсера «Генерал Корнилов» — 79
 Наводнение в пустыне — 38
 Неизвестная экспедиция полковника Маннергейма — 41
 Неизвестный Колчак — 71
 От Чехова — Лике: портрет неизвестного — 31
 Памяти русских изгнанников — 80

По страницам Бизертинского «Морского сборника» — 70
Победа досталась русским — 76
Погибли в Наваринском бою — 24
Погибли за Францию — 28
Погибли, освобождая Чехословакию — 21
Под сенью берез — 42
Подарок «Родины» — 66
Подводная лодка «Барс» на дне Балтийского моря — 52
Последние 18 минут подлодки С-7 — 64
Последние подводники Андреевского флага — 90
Последний акт Исхода — 75
Примечания к повести И. Лукаша «Тень “Жаннетты” над океаном» — 78
Раскрыта тайна подводной лодки «Барс» — 47
Русская армия в Галлиполи — 88
Русский курган в Дарданеллах — 91
Русский памятник в Стокгольме — 50
Русское военное кладбище в городе Тунисе — 83
Севастополь в декабре 1917 — 46
Собрание общества «Родина» вернулось в Россию — 69
Сражались за Россию — 29
Стокгольм: память далекой войны — 56
Стул для великана — 53
Тенью на старом серебре — 68
Тихоокеанский Севастополь — 84
Трагический эпизод крымской эвакуации осенью 1920 года — 86
Третья оборона Севастополя — 82
Три поколения Горенко — 30
Храм на улице Дарю — 43
Чехов и Иловайские — 17
Это просто Рипли — 58
«Я русской крови не пролью...» — 54

Рецензии на книги В.В. Лобыцына

«Белый путь» капитана Эфрона — 146
Бессмертен подвиг «Варяга» — 116
Бизерта, ставшая судьбой — 96
Весточка с чужого берега — 12а
Возвращение «Морского сборника» — 16
Герои возвращены из забвения — 6а
Жизнь без страха и сомнения — 13а
И снова под Андреевским флагом — 11а
«Морской сборник»: непрерываемая связь — 9в
Не опустившие флаг — 2а

Но как же мы без Грина, без его парусов — 6б
От Бизерты до Харбина — 1а
Память русского флота в Тунисе — 9а
Под Андреевским стягом — 3а
Судьба капитана Эфрона — 14а
Финансист во дворянстве — 6в

Научно-технические труды В.В. Лобыцына

Статьи

- Анализ однопунктовых методов дальнометрии в СНЧ диапазоне радиоволн — 100
Вопросы обработки пространственно-временных сигналов антенными системами радиолокаторов при случайных возмущениях распределения поля — 99
Зависимость интенсивности импульсного потока фонового излучения радиоволн СНЧ диапазона от времени года и суток — 101
Использование лазерных дальномеров для калибровки подвижных комплексов измерения параметров движения космических объектов — 113
Использование теории иерархических многоуровневых систем при обосновании системы требований к вооружению и военной технике — 110
К решению задачи классификации объектов вооружения и военной техники — 105
Контрастно-фоновая чувствительность панорамных радио- и гидролокационных систем — 115
Методика определения статистических свойств случайных ошибок фазового распределения поля щелевой антенны бегущей волны — 96
Оптимальная фильтрация ЛЧМ-сигналов с учетом боковых лепестков диаграммы направленности антенной системы радиолокатора — 93
Оптимальное разделение плоских волн линейной антенной при наличии фазовых ошибок распределения поля — 98
Оптимизация требований к изделиям военной техники — 109
Особенности идентификации импульсных сигналов СНЧ диапазона в многопунктовой системе — 102
Оценка распределения взеси и хлорофилла в приповерхностном слое шельфовых вод Кубы по результатам международного эксперимента «Карибэ-интеркосмос – 88» — 116
Оценка требуемой точности определения собственного местоположения подвижной системы наблюдения космических объектов — 112
Оценка турбулизации коротковолновых составляющих морского волнения по данным радиолокационных судовых наблюдений — 114
Подавление помехи линейной антенной при наличии фазовых ошибок распределения поля — 97
Принципы обобщения требований к изделиям военной техники — 106
Распределение интенсивности импульсного потока фонового излучения радиоволн СНЧ диапазона — 103

Системно-матричный метод обобщения требований к вооружению и военной технике — 111

Системный подход к формированию требований к вооружению и военной технике — 108

Спутниковые радиолокационные изображения района прибрежного течения по данным ИСЗ «Космос-1500» — 117

Статистическая оценка параметров антенн типа фазированных решеток при наличии случайных ошибок распределения поля источников — 94

Статистический синтез линейной антенны с учетом фазовых ошибок распределения поля — 95

Формирование оптимальных требований к техническим системам — 107

Экспериментальная установка для приема и регистрации СНЧ импульсного излучения — 104

Экспериментальное исследование фазовых свойств отраженных радиолокационных сигналов — 92

The investigation of mesoscale temperature inhomogeneities of a subsurface ocean layer in the Canary upwelling zone based on satellite and ship data — 118

Работы о В.В. Лобыцыне

Александр Колчак и его команда — 128

Владимир Лобыцын: «У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней» — 122

Жертвоприношение по-русски — 124

Мартовские иды Нового града — 119

Невосполнима боль утраты — 125

Последний хозяин тайги — 123

Прежде столиц — Россия — 120

Пушкинское имя — Ризнич — 126

Русский легион чести — 121

Русский офицер Владимир Лобыцын — 127

«С благодарностью — были» — 127

Указатель имен к избранной библиографии

Азарьев Н.Н. — 19

Алабин И.М. — 6, 33

Баранова И.Д. — 69

Батенков А.И. — 102

Боголюбов Н.А. — 2

Бугарчѐв А.К. — 105

Былим-Колосовский Е.Д. — 20

Васильев П. — 13а

Виноградов С.Е. — 7

Владимирова В. — 123

Волков С.В. — 4, 69, 87

Грабовский А.Б. — 117

Данилов Б.М. — 101, 103, 104

Дардыкина Н. — 124

- Добрикова Ю. — 123
Довыденко Л. — 121
Дойков Ю.В. — 126
Дядичев В.Н. — 14, 30, 46, 48, 61, 67, 72
Замостьянов А.А. — 4
Зацепин А.Г. — 118
Землякова О.К. — 10
Иловойская К.М. — 22
Касатонов И.В. — 82
Катаев В.И. — 8, 11
Квакин А.В. — 87
Копрова Л.И. — 117
Коробков С.Н. — 105, 106, 107, 110, 111
Кривошеев А.П. — 12
Кукушкин Е.В. — 96
Куяс-Скрижинский К. — 122
Лейкин И.А. — 114
Леонидов В.В. — 1а, 1б, 2а, 3а, 6а, 14а,
14б, 69, 127
Ливицкая З.Г. — 85
Лишанов В.Г. — 69
Ломоносов Ю.И. — 115
Лосев Д. — 66
Лякин В.Н. — 107, 109
Лукаш И. — 78
Марковкин А.М. — 103, 104
Меркушов В.А. — 13
Михальский В.В. — 119
Николаева И. — 119
Никонов А.К. — 8
Павлов М.С. — 103, 104
Пелевин В.Н. — 116
Перслегин С.В. — 114, 115
Першин А.А. — 37, 77, 78
Плотто А.В. — 90, 122
Попов А.С. — 20
Прибыловский В. — 6в
Романовский В.Н. — 113
Рыбаков Б.Н. — 104
Савинов А.Ю. — 5, 6
Смирнов Н.А. — 94
Столяров И.Ю. — 33, 36, 39
Стрельбицкий К.Б. — 6
Стрюков В.Н. — 101
Супренков А.А. — 116
Толстова-Бобкова О.С. — 69
Тюрин В. — 16, 17, 19, 20, 22
Ушакова О. — 11б
Феншоу Л.К. — 81
Фёдоров Б.Н. — 106
Чавчавадзе Е.Н. — 5, 8, 10
Чебаненко Н.И. — 101
Черкашин Н.А. — 91, 128
Чехов А.П. — 17, 20, 22, 31
Шеваров Д. — 6б, 9б
Шотова О.Н. — 10
Щербина Н. — 11а, 12а
Юрздицкая Е. — 9в

Содержание

<i>Н.А. Кузнецов. Предисловие</i>	5
<i>В.В. Леонидов. Памяти Владимира Лобыцына</i>	8
«У меня такое впечатление, что я прожил несколько жизней» <i>Интервью В.В. Лобыцына парижской газете «Русская мысль»</i>	9

«Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были»

Статьи и воспоминания о В.В. Лобыцыне

<i>В.В. Леонидов. Русский офицер Владимир Лобыцын</i>	18
<i>В.Н. Дядичев. Воплотиться в пароходы, в строчки и в другие долгие дела...</i>	22
<i>Н.А. Черкашин. Ревнитель истории Русского флота</i>	26
<i>И.Ю. Столяров. Связь с историей и страной</i>	35
<i>С.Е. Виноградов. Памяти подвижника</i>	37
<i>П.И. Науменко. Нас всех объединила Бизерга</i>	40
<i>В.В. Владимирова. Честь офицера, служение Отечеству, любовь к Русскому флоту</i>	44
<i>Ю.В. Дойков. Несколько слов о Владимире Лобыцыне</i>	48
<i>Н.А. Кузнецов. Владимир Викторович Лобыцын: страницы биографии</i>	49

Русская история в событиях и лицах

Работы В.В. Лобыцына

<i>Два памятника русским морякам</i>	69
<i>Русские матросы в Пекине (В соавторстве с И.Ю. Столяровым)</i> . .	74
<i>«Морж» погиб в районе Босфора...</i>	77
<i>Последние 18 минут подлодки С-7</i>	80
<i>Ленины — моряки Российского флота (В соавторстве с В.Н. Дядичевым)</i>	85
<i>Три поколения Горенко (В соавторстве с В.Н. Дядичевым)</i>	96
<i>Жизнь и смерть мичмана Пасвика, одного из последних Георгиевских кавалеров Первой мировой войны.</i>	104
<i>Слово к другу. Об А.В. Плотто</i>	113

«Еремеевские ночи» (В соавторстве с В.Н. Дядичевым)	115
Навеки в памяти потомков. Боевой путь крейсера «Генерал Корнилов».	124
Трагический эпизод крымской эвакуации осенью 1920 года	129
Белая гвардия: последний приют	135
Два имени одного корабля (В соавторстве с А.А. Першиным)	146
В поисках блаженной земли (В соавторстве с А.А. Першиным)	151
Кто же мог отправить открытку на «Малыгин»?	156
«Наваринского дыму с пламенем»	159
Галлиполи	165
Тихоокеанский Севастополь. Поездка в Порт-Артур накануне столетия обороны	173

«История требует серьезного отношения»

Из переписки В.В. Лобыцына	180
--------------------------------------	-----

Избранная библиография

Составители Т.В. Акулова-Конецкая, Н.А. Кузнецов

Работы В.В. Лобыцына

Научные и научно-популярные труды по истории
и литературе

Книги	190
-----------------	-----

Статьи	192
------------------	-----

Научно-технические труды

Статьи	196
------------------	-----

Работы о В.В. Лобыцыне

Статьи	198
------------------	-----

Алфавитный указатель к избранной библиографии

Научные и научно-популярные труды по истории
и литературе

Книги	199
-----------------	-----

Статьи	199
------------------	-----

Рецензии на книги В.В. Лобыцына	201
---	-----

Научно-технические труды В.В. Лобыцына

Статьи	202
------------------	-----

Работы о В.В. Лобыцыне	203
----------------------------------	-----

Указатель имен к избранной библиографии.	203
--	-----

- «А над небом вьется стяг Андреевский...»:** Сборник памяти
А 11 Владимира Лобыцына / сост., предисл. и примеч. Н.А. Кузнецов. — М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. — 208 с. : ил.

ISBN 978-5-98854-052-6

Сборник посвящен памяти Владимира Викторовича Лобыцына (1938–2005) — офицера, историка, литературоведа, человека, внесшего огромный вклад в увековечение памяти русских моряков. Помимо статей и воспоминаний о В.В. Лобыцыне, в книгу вошли его работы, опубликованные в разные годы в периодических изданиях и сохранившиеся в рукописях. Они посвящены различным аспектам истории флота, Белого движения и Русского Зарубежья — гибели подводных лодок «Морж» в 1917 г. и С-7 — в 1942 г., флотским династиям Лениных и Горенко, отдельным страницам истории участия моряков в Крымской, Первой мировой и Гражданских войнах, описанию создания памятника в Галлиполи в 1921 г. и другим. Приведена также максимально полная библиография трудов В.В. Лобыцына. Книга представляет интерес для всех, интересующихся военной и морской историей Отечества, Белым движением и русской военной эмиграцией.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-4

Научно-популярное издание

«А над небом вьется стяг Андреевский...»

Сборник памяти Владимира Лобыцына

Составитель: **Кузнецов** Никита Анатольевич

Компьютерная верстка *П.А. Сандомирский*

Корректоры *О.А. Савичева, Н.А. Самбу*

Подписано в печать 12.07.2015.
Формат 60х90/16. Тираж 200 экз.

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.bfrz.ru
Сайт книжного магазина: www.kmrz.ru

ISBN 978-5-98854-052-6

9 785988 540526

Отпечатано в книжной типографии «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр. 1